

Книга третья

Петрос

Но гора упавшая исчезает, и скала сдвигается с места своего; вода стирает камни; разлив её смывает прах земной: так и надежду человека Ты уничтожаешь. Теснишь его до конца, и он уходит; изменяешь его лицо и отсылаешь его.

Ийов 14:18-20

От Агриппы Кесарю Клавдию привет и пожелания здравствовать.

Спешу поздравить тебя, наш победоносный Британик, с великим триумфом! Воистину, ты превзошёл в полководческой доблести самого Божественного Юлия – ведь даже ему крепкий британский орешек оказался не по зубам. Клянусь копьём Марса Мстителя, сверкающий британский алмаз – главный камень в том драгоценном ожерелье из Мавритании, Памфилии, Ликии, Ретии и Норик, которым ты всего за три года украсил шею Великой Роны. Не сомневаюсь, твой досточтимый отец, случись ему дожить до наших дней, немало гордился бы свершениями своих сыновей, старший из которых, наш незабвенный Друз, убедительно подтвердил добытое отцом в сражениях фамильное имя «Германик», а младший – пойдя дальше, навсегда увенчал славную фамильную ветвь Клавдиев новым титулом «Британик»! Почёт тебе победитель! Пусть златокрылая Виктория вечно кружит над твоей головой, а громогласная Фама бежит впереди, усердно дуя в твою тубу!

О твоих заморских победах уже всю слагают легенды. Говорят, ты разбил всё объединённое войско бриттов, имея под своим началом лишь четыре легиона. Говорят, вся кампания заняла у тебя всего полмесяца. Говорят, ты взял столько трофеев, что за ними пришлось посылать целый флот, а количество пленённых тобой британских царей исчисляется десятками. Зная твои способности, охотно верю всему этому. Особенно в скоротечность британского похода, ибо помню, насколько ты не любишь «размазывать кашу по столу» и насколько высоко ценишь девиз Великого Юлия: «Пришёл. Увидел. Победил».

Нет, я всё-таки не перестаю удивляться изобретательности богов! Вот скажи мне, мой славный Клавдий, мог ли ты, к примеру, лет семь тому назад, когда Империей всё ещё правил твой лукавый дядя, предположить, что твой невезучий друг Агриппа, заточённый по гнусному доносу в темницу этим старым плешивым развратником, буквально через несколько месяцев станет царём? Да что там говорить! Каких-нибудь три года назад ты сам – разорённый до нищеты твоим безумным племянником, ежечасно балансирующий на грани смерти, – мог ли ты тогда представить себе, что станешь избранником Фортуны и что судьба вознесёт тебя на самую вершину славы и могущества? А наш с тобой «добрый приятель» Сенека! Мог ли этот богачей-пройдоха, любимец Меркурия, хоть на миг представить себе – сидя на отобранной у меня вилле и помыкая отобранными у меня рабами! – что совсем скоро боги отвернутся от него и он, забытый всеми, окажется в ссылке на убогой захолустной Корсике? Где теперь, не отягощённый мыслями о деньгах, может спокойно мараить папирус своими пресными, как еврейский мацот, опусами. Нет, мой добрый Клавдий, нам никогда не постичь замыслы бессмертных, нечего даже и пытаться!

И трижды, четырежды прав мудрый Вергилий: «Приятно воспоминание о невзгодах минувших»!

Ты спрашиваешь, как я управляюсь с моим царством, не давит ли мне на темечко царский венец? Отвечаю: не давит нисколечко. Ты можешь мне не поверить, мой славный Клавдий, но царствовать оказалось не только приятно, но и, на удивление, легко. Я догадывался об этом, глядя как управляется со своими землями и со своими подданными такой олух как Антипа, но теперь убедился в этом окончательно. Я даже вывел для себя два простых правила, следуя которым, успешно повелевать сможет любой болван, каковым, безусловно, и является мой недалёкий зять. (Как-то ему теперь живётся в ссылке, в чужеземной Галлии? Небось, несладко!).

Итак, правило первое: люби всё то, что любят твои подданные.

Правило второе: не люби тех, кого твои подданные не любят.

Ты не поверишь, но стоило мне только показать евреям, что я – один из них, что я чту их бога и старательно соблюдаю их обычаи, как они тут же забыли, что я – «поганый язычник», простили мне все мои прошлые «прегрешения» и принялись на все лады превозносить и восхвалять меня. Они тут же вспомнили, что я – через мою бабушку Мариамну – являюсь потомком славной династии Хасмонеев, и теперь поют мне осанну и потирают руки в предвкушении чуть ли не нового Золотого Века Земли Израэльской. Разумеется, я не спешу их в этом разубеждать.

Что же касается второго правила, то оно ещё менее обременительное, чем первое. Надо только понять, кого не любит твой народ, и время от времени изливать его гнев на головы неугодных, громко и показательно казня пару-тройку «паршивых овец».

Разумеется, мой славный Клавдий, эти простые правила применимы только при правлении народом простым, бесхитрым, каковым, без сомнения, и являются евреи. Что же касается твоих забот и твоих проблем, связанных с управлением Романской Империей – величайшей державой, раскинувшейся на пол-ойкумены и собравшей в своих границах десятки и сотни разнообразных племён и народов, то они, конечно, несоизмеримы с моими, и я даже не смею заглядывать в эту бездну – у меня сразу кружится голова и слабеют ноги. Да помогут тебе боги, мой венценосный друг, на твоём нелёгком, но славном поприще!

В каждом моём письме, адресованном Марку, я не перестаю ставить тебя, мой блистательный Клавдий, своему сыну в пример. Я безмерно рад тому, что пред взором юноши всегда есть столь славный образец мудрости, доблести и великосердия, и уповаю на то, что среди тысяч и тысяч своих наиважнейших и неотложнейших дел ты хоть изредка да найдёшь малую толику времени, дабы наставить моего непутёвого отпрыска на путь истинный, вложить в его ветреную голову хотя бы несколько умных мыслей.

И ещё с одной просьбой я осмелюсь обратиться к тебе, мой досточтимый друг. Из Ромы, из Александрии и из некоторых других городов Империи вновь стали приходить ко мне жалобы о притеснении евреев. Молю тебя, мой добросердечный Клавдий, о

заступничестве. Прояви милость к моему народу. На его долю и так выпало немало страданий. Ты же помнишь, как твой злокозненный дядя по пустому навету выгнал из Города всех евреев и закрыл их молельные дома. А твой неистовый племянник, лопоухий Гай Калигула! Мало я валялся в его ногах, вымаливая пощады своему народу! Мало я унижался и терпел от него всяческие оскорбления! Благо, богам порой не чуждо обыкновенное человеческое сострадание. Им, видимо, надоело смотреть на бесчинства тирана, и карающий меч Кассия Хереи оборвал жизнь несчастного безумца. И очень вовремя! Дело ведь тогда самую малость не дошло до чудовищного кровопролития, результатом которого стало бы опустошение всей Палестины! Поэтому, мой милостивый Клавдий, уповая на твою доброту, прошу тебя лишь об одном: не допусти бесчинств, не дай в обиду малых сих, дозвожь моему народу жить под широким имперским крылом по своему разумению. Ведь вреда от него никакого, а пользы своему благодетелю он принести может немало.

Кстати, о пользе. Ты же помнишь моего младшего брата Аристобула? Так вот, его жена, Иотапа, страдает чахоткой и уже скоро как три года лечится на Сицилии. Он же перебрался в Рому и, мучимый бездельем, пустился во все тяжкие, растрачивая свои лучшие годы и полученное за женой приданое на пьянство и азартные игры. Он уже спустил на скачках не меньше таланта золота и, похоже, останавливаться на этом не собирается. На самом деле он малый неплохой, хотя и слабовольный, и умом и способностями отнюдь не обделён. Так что, если прибрать его к рукам и направить его энергию в нужное русло, то, может, и не блистая, но поприще своё он исполнит исправно. Ну, а уж верен своему покровителю он будет до последнего вздоха, это совершенно точно, это у нас в крови. Кстати, он изрядно начитан и как минимум в качестве неглупого и приятного собеседника тебе он точно понравится. Если что, найти его сможешь в моём старом доме на Эсквiline.

Ты пишешь, что казнил Юлию Ливию. Всецело одобряю твой поступок и полагаю, что ты не сильно переживал по поводу смерти своей бессовестной и беспутной племянницы. У евреев есть пословица: «Вор всегда кончает виселицей». Так и тут. Правосудие свершилось! Сверкающий меч Немесиды наконец покарал лжесвидетельницу и отцеубийцу.

Вот и дожили мы с тобой, мой добрый Клавдий, до тех блаженных времён, когда не мы зависим от прихоти сильных мира сего, но сами являемся сими сильными. И караем и милуем по разумению своему. Помнишь, в наши молодые годы мечтали мы о делах великих и доблестных, грезили о подвигах, о славе? И вот сбылось! Чего же ещё желать? Помнишь, у Антисфеноса: «Что блаженнее всего для человека? Умереть счастливым»? Клянусь, мой добрый Клавдий, иногда мне хочется умереть. Сейчас. Мгновенно. Только успеv крикнуть напоследок богам: «Боги! Спасибо вам – я счастлив!» И только мысли о моей благодетельной Кипре да о моём шалопане Марке удерживают меня от непоправимого.

P.S. Читаю сейчас «О земледелии» Колумеллы. Взятся исключительно от скуки. Но, неожиданно для себя, увлёкся. Что за прелесть! Какой слог! Никогда особо не интересовался сельским хозяйством, но когда дочитал десятый свиток, где перо автора просто-таки летит, согласишься, испытал, прямо, какой-то зуд, потребность бежать в сад и, разогнав всех рабов, самому что-нибудь срочно покопать, ну, или хотя бы подрезать ветки на деревьях. А ведь я этого Колумеллу знаю – нас лет десять тому назад знакомил Лукий Вителлий. Я тогда приезжал встречать Лукия в Антиохию, куда он прибыл на должность пропретора Сирии. Вот он как раз и привёз тогда с собой этого Колумеллу – только-только избранного трибуном-ангустиклавием. Никогда бы не поверил, что из скромного, если не сказать застенчивого, да ещё и слегка косноязычного юноши, каким он тогда был, вырастет столь блестящий писатель!

P.P.S. Я уже запечатал керу, когда гонец привёз из Александрии печальную весть: от скоротечной лихорадки умер муж моей Береники Марк Юлий Александр. Моя дочь в пятнадцать лет сделалась вдовой. Бедная девочка! А ведь мы с Кипрой так радовались этому удачному браку.

Скол седьмой
Палестина. Хиеросолим – Италия. Рома
(DCCXCVII ab U. c., Aprilis-September)

1

Из всего, что построено человеческими руками, меньше всего со временем меняются тюрьмы.

Странно, но Петроса определили в ту же самую камеру, в которой он когда-то уже сидел... Сколько это лет минуло с той поры?! Двенадцать?.. Да, точно, двенадцать. Это было двенадцать лет тому назад!.. Сколько воды утекло в Кидроне за эти годы! Столько изменений произошло с тех пор! И хитроумный злонравный Ханан, по наущению которого Петрос – в ту пору ещё Кефа – был тогда брошен в тюрьму, давно уже отошёл в мир иной. И его извечный соперник, надменный Понтий Пилат, вернулся в Рому, где, по слухам, попав в опалу, покончил с собой, предпочтя почётную смерть позорной ссылке. И царя Антипы больше нет. И брата его, Пилипа, правителя Итурейского и Батанейского, – тоже. Да что там говорить, два Кесаря сменились за эти годы в Великой Роме! Два венценосных императора, при жизни своей затмевавших солнце, стали почти неразличимыми бледными тенями в сумрачном царстве Плутона. А тюремная камера, в которой сидел сейчас Петрос, оставалась точно такой же, как и двенадцать лет тому назад! Всё так же ползла здесь по потолку и стенам чёрная неопрятная плесень. Всё так же теплилось желтоватым светом узкое зарешёченное оконце в тяжёлой, сколоченной из толстых неструганных досок, двери. Всё так же гнусно пахло из углов застарелой мочой. Даже коридорный стражник, отпиривший и затворявший за узником тяжёлый засов, и тот, казалось, был тем же самым – угрюмым неразговорчивым шомронимом с бугристым носом и сросшимися над переносицей чёрными дремучими бровями.

Впрочем, одно изменение всё-таки произошло. Когда глаза Петроса привыкли к царящему в камере полумраку, он заметил на одной из стен небольшие, в пол-ладони, выцарапанные в камне знаки: перечёркнутую вертикальной чёрточкой, лежащую на боку галочку и неровный крест. Это были «алаф» и «тав» – первая и последняя буквы арамейского алфавита – разрешённое к начертанию имя Бога: Первый и Последний, Исток и Устье, Начало и Конец. Видимо, не так давно – тщательно протёртый от плесени небольшой участок стены ещё не успел по-новой зарости осклизлой дрянью – какой-то отчаявшийся бедолага, брошенный в этот каменный мешок, терпеливо процарапал в известняке священные знаки и потом, стоя на коленях, молился, простирая к ним свои слабые руки. Ища у Вышнего справедливости. Или защиты. Или утешения. Помогло ли это ему?..

А кто сейчас поможет Петросу?..

Неприятности начались месяца два назад, когда царь Агриппа в очередной раз сменил первосвященника. Старого добродушного Элинэя бар-Шимона он поменял на молодого и ретивого Йосэфа бар-Камита. Вообще, получив от кесаря Клавдия под своё единоличное управление Йехудею, царь Агриппа взял за правило перед началом нового года назначать в Храм и нового первосвященника. Разумеется, при этом произносилось немало красивых и значимых слов, всё это объяснялось исключительно печением о благополучии и процветании Храма, стремлением заменить лучшее превосходнейшим, но по Йерушалайму тем не менее ползли упорные слухи, что должность эту Агриппа просто-напросто продаёт. И даже цена называлась: сорок талантов золотом. Сколько правды и сколько вымысла стояло за этими слухами, наверное, только одному Богу было известно, но факт оставался фактом: Йосэф бар-Камит был уже четвёртым первосвященником, назначенным на этот пост за три с небольшим года правления царя Агриппы.

Первым делом новый первосвященник взялся за искоренение ереси. Будучи сам цедукимом, он категорически запретил на территории Храма проповеди представителей любых других религиозных школ, включая прушимов и кумранитов. И если кумраниты, в силу своего мировоззрения, приняли запрет спокойно, как нечто неприятное, но непреодолимое, а значит, неизбежное – как неостановимый ход времён или как дурную погоду, то с прушимами всё обстояло иначе. Не обошлось здесь без скандалов, без взаимных упрёков и оскорблений, без таскания за бороды и плевания в лицо. Были вытащены на свет дела прошлые, казалось давно забытые, замшелые обиды, молью траченные ссоры, заскоруждые уязвления. Была даже потревожена, вызвана из столетнего небытия тень царя Яная – цедукима, пролившего в своё время

немало прушимской крови. Припомнили цедукимам и их собственные прегрешения: их узколобость, их доведённое до абсурда буквоедство в толковании Закона, их непочтительность ко многим поздним пророкам, но пуще всего – их властолюбие и мздоимство, их небрежение чаяниями простого люда, а также их заигрывания с романской властью – прошлые и нынешние. Но всё было втуне – Йосэф бар-Камит, несмотря на свою молодость, держал храмовые вожжи крепко и, несмотря на яростное противодействие известных прушимских книжников и знати, довёл дело до конца. Некоторые из наиболее ярых его противников заплатились за неуступчивость своим имуществом, другие, ошельмованные, – своим добрым именем. Целый ряд прушимов был изгнан из Великого Санхедрина. Остальные покинули его в знак протеста.

Особую же ненависть нового первосвященника вызывала христианская община.

Название «христиане» пришло в Йерушалайм из Антиохии, где стараниями благочестивого Эводиаса была создана и вот уже более десяти лет существовала община почитателей Великомученика и Помазанника Божьего Йешуа бар-Йосэфа – на нынешний момент самая большая из действующих. Значительная часть членов общины, как и сам Эводиас, были по происхождению греками, и титул рабби-галилеянина «Помазанник» – на арамейском «Машиах» – они произносили на свой греческий лад: «Христос». Таким образом, антиохийская община денно и ночью молилась о скорейшем пришествии некоего Йесуса Христа, что и дало повод местным зубоскалам «наградить» членов прихода слегка презрительным прозвищем «христиане». Прихожане же на эту кличку не только не обиделись, но именоваться титулом Богоизбранного почли за честь, и словечко «христиане», для начала прижившись в Антиохии, вскоре пошло гулять по Сирии и Палестине и, растеряв по дороге весь свой первоначальный дурной привкус, добралось в конце концов до Йерушалайма.

После гонений двенадцатилетней давности йерушалаймская община жила тихо, ни на что особо не претендуя да и, вообще, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания. Какие уж тут проповеди или споры насчёт Закона и Писания! Не до споров. На праздники в Храм пускают, домá и имущество не отбирают, по поводу и без повода на суд Санхедрина не ташат – и то слава Богу! А всё остальное можно перетерпеть. Благо, недолго осталось. Близок приход Богоизбранного Помазанника Йешу, близок вожделенный Век Золотой, теперь совсем уже близок!

Но с назначением нового первосвященника недолгий период относительно спокойной жизни для общины закончился. Йосэф бар-Камит решил, видимо, раз и навсегда покончить с ненавистной его уму и сердцу, опасной христианской ересью. Едва успев примерить на себя золотой первосвященнический эфод, он, как паук, заполучивший в свои тенета безобидного мотылька, принялся деловито и сноровисто обвивать христианскую общину паутиной ложных доносов и нелепых обвинений. То кто-то видел, как члены общины полоскали в Черпальном фонтане помойные вёдра. То кто-то сообщал о том, что «нечестивые христиане» оскверняли Храм, испражняясь на лестнице Врат Хульды. А уж обвинения в несоблюдении последователями рабби-галилеянина субботы и в тайном поедании ими некошерного сыпались столь часто, что и вовсе стали для хулителей общим местом. Проверять правдивость всех этих доносов, понятное дело, никто не собирался. Выводы же стали следовать один за другим. Для начала христианам вновь запретили посещать Храм. Несколько членов общины, осмелившихся нарушить запрет, были задержаны храмовой стражей и без каких-либо долгих разбирательств подвергнуты публичному бичеванию. Затем последовало воспрещение на проживание «нечистых» христиан в кварталах, непосредственно прилегающих к Храму. Община разом лишилась шести домов, купленных в своё время на пожертвования или полученных в дар от уверовавших в скорый приход Спасителя. Компенсировать общине понесённые убытки, а равно и позаботиться о новом жилье для лишившихся крова никому из цедукимов, разумеется, даже не пришло в голову. Жильцы были просто вышвырнуты на улицу, домá проданы с торгов, а вырученные от их продажи деньги пошли в пользу Храма. То есть большей частью – в кошель Йосэфу бар-Камиту. Получив жирный куш, ретивый первосвященник было малость подуспокоился, но тут подоспела жуткая и нелепая история со старшим из «братьев громовых» Йааковом...

Петрос поднял голову и замер. Ему почудилось, что где-то в глубине тюремного здания грохнула окованная железом, тяжёлая дверь. Кого бы это могло принести в тюрюгу в столь неурочный час? Ведь собачье же время, ночь-заполночь, третья стража. Даже, вон, охранник в коридоре, и тот в конце концов перестал шумно чесаться и скрипеть своим разохшимся табуретом – видать, приснул... Петрос, вытянув шею, несколько мгновений напряжённо прислушивался. Нет, тихо. Совсем тихо. Похоже, всё-таки померещилось. Он подвигал плечами,

чтоб слегка разогнать кровь и попытался хотя бы немного согнуть колени. Куда там! Натянувшаяся цепь крепко держала его за плотно зажатые тяжёлыми дубовыми досками щиколотки. Петрос шёпотом выругался. Кстати, в прошлый раз никто его в колодки не запирали. То есть подразумевалось, что из камеры и так не выберешься и из тюрьмы всё равно не сбежишь. В этот же раз нацепили, понимаешь, на ноги деревянный капкан в добрый талант весом да ещё и приковали его цепью к вмурованному в стену бронзовому кольцу. Но, надо понимать, и статус узника ведь теперь не тот! Кем он был в прошлое своё заточение? Да никем! Обнаглевшим галилеянином, пусть даже и с романским гражданством, возмнившим о себе невесть что и смущавшим народ непотребными речами. А теперь? Теперь – ого! Теперь он – матёрый преступник. Он теперь, как-никак: «тайный чародей и лжелекарь» – раз; «осквернитель Храма и злостный нарушитель святой субботы» – два; «сподвижник и последователь лжепророка и преступника, посягнувшего на царскую власть» – три. Ну, и вдобавок – разыскиваемый по подозрению в преднамеренном убийстве сразу трёх человек: Йехуды бар-Шимона из Кериафа, Хананьи бар-Танхума из Лода и жены последнего Шаппиры. Это, стало быть, будет четыре. Как же теперь без колодок? Без колодок теперь, понимаешь, никак. Обвинения-то серьёзные. Каждое тянет на смертную казнь. Разумеется, при наличии веских доказательств. А то, что таковые непременно найдутся, у Петроса не было никаких сомнений. Уж Йосэф бар-Камит постарается! Доказательства будут. Будут доказательства, будут многочисленные свидетели, и ярые обвинители тоже будут. И Санхедрин проголосует так, как того пожелает первосвященник. Вот только на суд Санхедрина «злостного преступника» вряд ли потащат. Поскольку он, Шимон бар-Йона из Кфар-Нахума, называемый также Кефой Галилеянином, а также Петросом Проповедником, он, кроме всего прочего, ещё и, будьте любезны, Тиберий Юлий Симон Саксум – ни много ни мало, а отставной прим Третьего «Верного Августу» легиона, носитель почётного «Крепостного венка» и полноправный гражданин Великой РOME. А стало быть, имеет право потребовать для себя вместо сомнительного суда Санхедрина высокий суд Великого кесаря. Который будет проходить отнюдь не в Йерушалайме, а как минимум в Антиохии, а то и в самой РOME, и где все, приготовленные хитроумным Йосэфом бар-Камитом, обвинения расползутся и рассыплются, как шитые гнилыми нитками солдатские калиги. Обо всём этом Йосэф бар-Камит, безусловно, знает. Поэтому суда, скорее всего, вовсе не будет. А будет, скорее всего, какое-нибудь отравленное пойло. Или подброшенная в камеру ядовитая змея. Или пара-тройка неожиданных ночных посетителей с мягкой, не оставляющей следов, удавкой. Для этого и колодки к рукам и к ногам прицепили. Чтоб ни встать не мог, ни особо сопротивляться.

Петрос скрипнул зубами. Бессилие, собственное бессилие тяготило его сейчас больше всего. Ведь одно дело – погибнуть в бою, видя перед собой противника, сойдясь с ним накоротке, лицом к лицу, имея возможность дотянуться до него, проткнуть его копьём, насадить на меч. И, погибая, видеть над собой высокое голубое небо и слышать вокруг себя шум битвы и победные клики своих боевых товарищей. И совсем, понимаешь, другое дело – бесславно сдохнуть в вонючем каменном мешке, видя перед собой в свой смертный час лишь осклизлые чёрные стены и слыша за дверью скрип разошедшегося табурета да сопение тюремщика, шумно чешущего себя в разных местах.

Похожее состояние – яростного, до скрежета зубного, бессилия – он испытал и третьего дня, глядя из-за оцепления на казнь старшего из «братьев громовых».

История с Йааковом приключилась нелепая и страшная в своей нелепости.

В пятый день недели, восьмого нисана, «братья громовы» вместе с младшим Йааковом – Коби спокойно сидели в попине Мэшулама Беззубого, что на углу Топорного и Малой Гнилой и пили лахишское. Настоящее лахишское, между прочим, – попина Мэшулама хоть и располагалась в не самом престижном квартале города – неподалёку от Мусорных ворот, и вид имела невзрачный, но хозяин толк в винах знал и посетителей, а особенно посетителей уважаемых, какой-нибудь дешёвой лорой или отдающей смолой, низкопробной привозной рециной не потчевал. Братья, бывшие завсегдатаями заведения, к уважаемым посетителям, безусловно, относились. Короче, сидели, пили лахишское, заедали маслинами, горячими лепёшками, жареным на углях барашком. Неделя была предпраздничная, время – обеденное, так что народу в попине было полно, все столики были заняты, хозяину даже пришлось вынести из дома дополнительные скамьи. Было шумно. Над столами висел нестройный многоголосый гомон, то там, то тут прорываемый отдельными громкими выкриками и раскатами хмельного смеха. Жалобно, почти неслышно за гамом, пиликала неумелая халиль. Под её прерывистые звуки, медленно кружась,

танцевала между столами хозяйская дочка – девочка лет семи-восьми: в праздничной одежде, с разноцветными лентами, украшающими платье и вплетёнными в длинные чёрные кудри. На поясе у девочки была привязана оловянная кружка, куда время от времени раздобревшие посетители бросали одну-другую мелкую монетку. День был ясный, но холодный. Бледное весеннее солнце светило сквозь застилающую небо густую белёсую мглу. Резвый северный ветерок срывал с жаровни сизый горьковатый дым, крутил его над столами, путался в бородах посетителей, развеивал цветные ленточки на платье маленькой танцовщицы.

За соседним столом шумно гуляла подвыпившая компания. Судя по поясам с одинаковыми пряжками и симлам с нашитыми по углам голубыми кистями-цицитами, – левитов из рядовых храмовой стражи. Один из стражников – рыхлотелый толстяк со слипшейся от масла бородой и громким раскатистым голосом – долго приглядывался к Йаакову-старшему, а потом решительно ткнул в его сторону обгрызенным бараньим ребром.

– А я тебя знаю!

Йааков мельком глянул на пухлые замасленные губы, на заплывшие жиром маленькие глаза и пожал плечами.

– А я тебя – нет.

И отвернулся.

Но бдительный храмовый страж не посчитал разговор законченным. Он ухватил Йаакова короткопалой рукой за плечо и попытался развернуть лицом к себе.

– Я знаю тебя, галилеянин!.. Я его знаю!! – завопил он, обращаясь уже к своим друзьям; его звучный голос, перекрывая шум, взлетел над столами. – Помните, я вам рассказывал, как Чёрному Малху ухо отрезали?! Да?! Этот был там! С теми! Я его запомнил! Он ещё светильник, здоровенный такой, бронзовый, в руках тогда держал! Наверно, драться им хотел!

Йааков аккуратно отцепил от своего плеча жирные пальцы толстяка и даже попытался ему улыбнуться:

– Ты ошибся, приятель. Обознался. В жизни я светильниками не дрался.

– И я тебя знаю! – вдруг опомнился другой левит и выказал в ядовитой ухмылке редкие кривые зубы. – Ты из общины этих... как их... христиков!.. Или христосиков? Дьявол вас там разберёт! У вас молельный дом на моей улице. Я тебя там часто вижу.

– Что ещё за христосики такие? – хохотнул третий храмовый страж – горбоносый коротышка с непропорционально большой головой.

– Да эти... – кривозубый пощёлкал пальцами. – Придурошные. Молятся какому-то Христу. Который должен прийти с неба и всех их от чего-то там спасти.

– Не-ет! – замотал толстыми щеками маслотородый левит. – Брось! Они там молятся не Христу! Они там молятся своему рабби! Мы ж тогда и пошли его арестовывать – рабби-галилеянина, я ж вам говорил! Да?! Мы пришли за Кидрон – брать этого рабби, а там у них этот бешеный с мечом!..

– Точно-точно! – четвёртый левит запрыгал тощим задом на своём табурете. – И я эту историю знаю! Только он, само-собой, никакой он был не рабби – он мятежник был. У нас балакали, что его мать, там, в Ха-Галиле, прижила его от романского солдата! А её за это, само-собой, камнями забили. Так этот галилеянин и решил за неё отомстить всем праведным! Подбивал всякое отребье на мятеж! И ещё призывал Храм разрушить! Его потом, само-собой, на Гагулте и распяли!

– И что, они там, у себя в общине, этому галилейскому выблядку теперь молятся?! – несказанно удивился большеголовый.

Йааков побледнел и стал всем корпусом медленно поворачиваться к соседнему столу. Йоханан обеспокоенно ухватил брата за рукав:

– Оно это, Йааков, не надо! Не связывайся. Лучше пойдём. Кувшин вина с собой заберём и пойдём...

Йааков дёрнул плечом:

– Это всё враньё! Неумное враньё! Рабби Йешу почитал Храм больше любого из вас! И соблюдал Закон! И никогда никого не подбивал ни на какой мятеж!.. И мать его до сих пор жива! Она у нас в общине живёт! Не веришь – можешь прийти посмотреть!..

– Вот ещё! – худосочный стражник даже замахал на Йаакова руками. – Чтоб я в вашу выгребную яму сунулся! Да ни в жисть! Потом же не отмоешься! И, само-собой, не отмолишься!

Вы ж там все – грешники! Вероотступники! У вас же там, говорят, даже жёны общие и вы с ними по очереди спите!

– Да ну?! – ещё больше поразился большеголовый. – Это как же так?! Это что же, правда?!.. Так это ж – великий грех! Так они ж!.. Так их же всех за это!..

– Враньё! Гнусное враньё! – всё повышая и повышая голос, повторял Йааков, с ненавистью переводя взгляд с одного левитского лица на другое; дышал он тяжело, с присвистом. – Вы же врётё всё!..

Шум и разговоры в попине стали постепенно стихать – посетители отвлеклись от своих трапез и с азартным любопытством наблюдали за развитием ссоры.

– А чего ты так разволновался?! – маленькие чёрные глазки маслобородого глядели теперь с деланным удивлением – Если это всё враньё. Чего тогда шуметь?! Чего волноваться?!.. Может, тогда как раз не всё враньё?! Да?! – пухлые розовые губы растянулись в ехидной ухмылке. – А может, и не враньё вовсе?!.. Так что у вас там с жёнами?! – он по-приятельски подмигнул Йаакову. – Расскажи! Общие?! Да?!.. Или как?!

– Так он тебе и сказал! – гоготнул кривоzubый. – Да он там, наверно, сам – первый грешник!.. Эй!.. – от пришедшей в его голову удачной мысли он даже затопал ногой. – Эй! А ты там, часом, не с этой спишь?! Не с галилейской подстилкой, мамашкой этого вашего рабби повешенного?!

Левиты дружно заржали – шутка была что надо.

– Да ну! Она ж, поди, уже старая!..

– А он, что?! Он, что ли, молодой?! В самый раз!..

– Само-собой!.. Само-собой!..

– Нет-нет, что ты! – маслобородый перекрыл общий гвалт своим раскатистым голосом. – Как можно! Ты что, забыл?! Она ведь со своими – ни-ни! Она ведь только под романских солдат ложится!..

И в этот момент Йааков его ударил. Наотмашь. Тяжёлой терракотовой кружкой. В висок...

Петрос снова вскинул голову. На этот раз он отчётливо услышал, как где-то в глубине тюремного здания лязгнул отпираемый засов и длинно пропели несмазанные дверные петли. А потом из-за толстых каменных стен донеслись голоса. Голоса звучали глухо, еле слышно, слов, естественно, было не разобрать, но интонации говоривших улавливались совершенно отчётливо. Собственно, собеседников было двое: один – явно начальник – на повышенных тонах бранил, упрекал и отчитывал; другой – подчинённый – глухо бубнил что-то оправдательное, юлил и, как водится, от всего отпирался. Петрос перевёл дух – это точно не к нему. Его гости шуметь, понимаешь, не станут. Они придут тихо-молча, аккуратно сделают своё дело и так же тихо-молча уйдут. Им лишний шум ни к чему. А это – скорее всего, обычная ночная проверка караулов. Дежурный сотник храмовой стражи обходит посты. То ли не открыли ему вовремя, то ли открыли да не так, как положено, – вот он и разоряется, службу правит, вгоняет подчинённым ума во все места. А может, застал кого-нибудь на посту спящим. Кто его знает, как здесь, а в легионе за сон на посту карали строго. Самое меньшее, что за это можно было получить, – это сто ударов розгами и сутки у позорного столба. А в боевой обстановке, так и вообще, могли казнить. И очень даже запросто...

Суд над Йааковым был скорым. Вина подсудимого была очевидна, свидетелей было предостаточно. Оправданий обвиняемого даже слушать толком никто не стал. Да и чем ты тут, прямо скажем, оправдаешься? Убил человека? Убил! Да не просто человека, а человека при должности – десятника храмовой стражи! Убил умышленно? Умышленно! Не случайно, не по глупой неосторожности, нет! Повздорил и убил! И какая теперь разница, что именно он тебе во время ссоры сказал?! Мало ли кто чего во время ссоры говорит! На то она и ссора, чтобы язвности всякие да колкости говорить. Что ж теперь, за неосторожное слово убивать надо?! В общем, дело было очевидным. И приговор был очевидным: по Закону предумышленное убийство однозначно каралось усекновением головы. Так что всё разбирательство Санхедрина заняло в общей сложности меньше двух часов. Оно бы закончилось ещё быстрее, если бы в самом конце слово не взял рабби Мордехай – ветеран храмовой стражи и один из старейшин Великого Санхедрина. Престарелый Мордехай в своей обвинительной речи обрушился не столько на несчастного Йаакова, сколько на всю христианскую общину в целом. Брызжа слюной и трясая седой козлиной бородой, он чуть ли не полчаса перечислял своим дребезжащим голосом грехи и пороки «гнусных вероотступников», требуя покарать их всех до единого, истребить эту ползучую заразу, вырвать,

понимаешь, с корнем этот мерзкий сорняк из святой земли израэльской! Он яростно топал ногами, шипел и плевался, и грозил невесть кому своим жёлтым мосластым кулаком. Когда Йосэф бар-Камит, не выдержав, всё-таки прервал выступление почтенного старца и спросил, что, собственно, он, почтенный Мордехай бар-Уриэль, предлагает в данном конкретном случае, выяснилось, что почтенный Мордехай в данном конкретном случае предлагает то же, что и все – казнь мечом. На том и порешили.

Смертный приговор Санхедрина подлежал высочайшему утверждению. Во дворец Агриппы была направлена представительная депутация – было известно, что царь отличается мягким нравом и не особо одобряет смертные приговоры, по многу раз отсылая их обратно в суд, настаивая на поиске других возможных мер наказания и требуя безусловного соблюдения не только духа, но и буквы Закона. Однако на этот раз всё прошло как по маслу. Едва узнав, что преступник принадлежит к опасной секте вероотступников, со словами: «Чего хочет народ – того хочет правитель» славный внук Великого Хордоса поставил оттиск своей печати под судебным папирусом.

Казнь состоялась в тот же день – на завтра была суббота, и та же буква Закона не позволяла оставлять узника под стражей в святой седьмой день недели. Петрос понимал, что ему не следует соваться к месту казни – могут опознать, но не смог заставить себя остаться дома...

Лил дождь. Земля на Гагулте совершенно раскисла, и все участники казни взбирались на холм, то и дело оскальзываясь в грязи и хватаясь друг за друга руками. В лучшем положении оказалась рядовые храмовой стражи – те хотя бы могли опираться на свои копья. Наконец все вскарабкались наверх и расположились на своих местах: на самой вершине холма, возле поставленного на невысокие козлы, толстого горизонтального бревна, – связанный по рукам Йааков с двумя стражниками по бокам; дальше и чуть в стороне – тесной группой – представитель суда со своим помощником, сотник храмовой стражи и палач; ниже – полукругом – оцепление. Далее всё произошло как-то совсем буднично и неожиданно быстро. Стражники развернули Йаакова лицом к зрителям, и представитель суда, то и дело заглядывая в совершенно размокший папирус, прокричал что-то неразборчивое за шумом дождя. Затем, сунув бумагу помощнику, он сделал шаг к Йаакову и что-то ему сказал. Йааков отрицательно покачал головой. Судья вернулся на место и подал знак солдатам, те тут же повалили казнимого на бревно лицом вниз и, не жалея верёвок, привязали. Палач, осторожно ступая по грязи, подошёл к изголовью, примостился, широко расставляя ноги, и, примерившись, резко взмахнул мечом. Голова отвалилась и повисла на лоскуте кожи; из туловища на бревно длинно брызнуло красным. Палач тут же рубанул ещё раз, и голова, кувыркнувшись, упала в грязь. Палач, опираясь на меч, обогнул бревно, поднял с земли за волосы перепачканную голову и показал её вначале представителю суда, а затем зрителям. В толпе заулюлюкали и засвистели, но как-то вяло, без азарта. И сразу же стали расходиться. А рабы-похоронщики, торопясь и оскальзываясь, уже волокли обезглавленное тело к повозке, запряжённой мокрым понурым мулом. И представитель суда со своим помощником, нелепо размахивая руками, – боком-боком – уже съезжали по грязи вниз с холма. И стражники, повесив на плечо мокрые верёвки, уже брели по дороге вслед за толпой к едва виднеющимся за пеленой дождя Садовым воротам. А дождь всё лил из низких свинцовых туч, и мутные ручьи, стекая со склона, сливались в бегущий вдоль дороги грязный бурливый поток, и бревно на вершине уже вновь было не красным, а чёрным, и пустые чёрные столбы с перекладинами торчали на холме и вдоль дороги, как огромные сапожные гвозди, вылезшие из гигантской грязной подошвы. Пусто было на Гагулте, и пусто было на Яфской дороге, и пусто – черно и совсем пусто – было на душе...

Петрос вздохнул. Сначала Йешу, теперь вот Йааков, а не сегодня-завтра – и он сам. Зря он всё-таки пошёл на Гагулту, зря. Там его, скорее всего, и заприметили. Наверняка, среди зрителей был соглядатай Йосэфа бар-Камита. А то и не один. Заприметили, выследили, дождались удобного момента. И взяли, понимаешь, вполне грамотно – на выходе из нужника... Ох, добавит ретивый первосвященник йерушалаимскую общину, как пить дать добавит. И так от неё уже почти ничего не осталось. Если в лучшие времена численность общины доходила до пяти тысяч человек, то сейчас прихожан осталось не больше трёх сотен. Это включая детей. Разбегается паства. Да и как тут не разбегаться, если житья совсем не стало. Денег нет, работы нет, от Храма отлучили. А там, того и гляди, или последнего крова лишат, или вообще на суд Санхедрина за вероотступничество потащат. Да по большому счёту в здешней христианской общине сейчас и остались только те, кому идти совсем уж некуда. Кто дом свой и всё своё имущество в другом городе продал и в Йерушалаим подался в надежде на скорый приход Спасителя. Из таких как раз и получились

самые ревностные верующие. Да и что им, скажи на милость, теперь остаётся, кроме как истово верить?

Разбрелись овцы – не стали нужны пастыри. Сейчас из самых первых учеников рабби Йешу в Святом городе оставались лишь убитый горем Йоханан да младший Йааков – Коби. (Петрос горько усмехнулся – теперь уже нет надобности уточнять, кто из двух Йааковых младший, а кто старший, теперь, понимаешь, уже не перепутаешь!) Остальные апостолосы разбрелись кто куда в поисках новой паствы.

Пилип вернулся было в Бейт-Цайду, но потом, как в своё время и Петрос, не усидел дома, в четырёх стенах, и подался сначала в Голанитиду, потом – в Итурую, а сейчас проповедовал где-то то ли в Финикии, то ли в Сирии. Вестей от него не было уже почти два года.

Тадай вместе с братом рабби, Шимоном, ушли на восток, в Парфию, добрались до Бабилона, но, не найдя общего языка с тамошней еврейской общиной, категорически воспротивившейся новому учению, вынуждены были уйти из легендарного города, долго скитались по Нахарайму и наконец осели в Шуруппаке, обретя среди местных евреев и обращённых язычников несколько десятков учеников.

Толстяк Леви с Томой поначалу подались в Египет, но потом, так же, как и Тадай с Шимоном, гонимые местными рабинами, перебрались ещё южнее – в Берберию. Они основали большую христианскую общину в Адүлисе, что на берегу Арабийского залива, с полгода проповедовали там вместе, а потом Томе, который уже давно хотел осуществить мечту своего учителя, подвернулась удачная оказия, и он с караваном александрийских купцов уплыл в Индию. А бывший тверийский мытарь остался руководить общиной. Оттуда на прошлый Суккот в Святой город приходила большая группа паломников, с которыми Леви передал йерушалайским братьям свой привет, а в довесок к нему – кожаный мешочек с тремя десятками звонких золотых ауреев, – дела у молодой быстрорастущей христианской общины в богатом купеческом Адулисе шли, не в пример йерушалайской, хорошо.

А Натан с Андреасом ещё три года назад отправились на Кипр, а оттуда – в Памфилию, где их дороги вскоре разошлись: Натан повернул на восток, в надежде достичь далёкой горной Армении, а Андреас двинулся дальше на север. Последняя весточка от него пришла в прошлом году из битинийского Халкидона – этой, как писал брат, «жемчужины всего Понта Эвксинского». Где находится этот самый Понт Эвксинский и на каком из его берегов раскинулась Битиния с этой её «жемчужиной», Петрос представлял себе слабо. В доме Вдовой Мирьям, где последнее время он жил, одна из рабынь, Рода, была как раз из Битинии, но ничего конкретного о местоположении своей далёкой родины она сказать не могла: «...долго нас оттуда везли, ой, долго, а всё морем, две сестры мои помёрли, пока нас везли...»

Разошлись, разлетелись апостолосы. Петроса и самого помотало за последние годы. Они ведь с Линосом только накануне Пурима пришли в Йерушалаим из Кесарии. А до этого где только не жили: и в той же Кесарии, и в Яфе, и в Лоде, и в Антиохии, и даже в своё время в Шомроне провели больше года, укрываясь там от ищеек Ханана. Да, растеклись по миру апостолосы, оправдывая своё, некогда шутливое, придуманное Андреасом прозвище. Разбрелись по белу свету, избрав для себя участь непростую, поприще хлопотное. Прав, трижды прав был мудрый рабби Йешу: нам всем теперь стало неинтересно ловить рыбу, нам всем теперь гораздо интереснее ловить человек. Ах, Йешу, Йешу, брат мой названный и учитель, куда заведёт меня предложенная тобою стезя? В благой ли час повстречались мы с тобой на берегу рыбного Кинеретского озера?!..

Стукнул засов. Заскрипели дверные петли. Застучали под каменными сводами гулкие торопливые шаги. Упал на стену сквозь зарешёченное окно жёлтый пляшущий свет факела. И командный, не терпящий возражений голос приказал:

– Открывай!

Петроса прошибло потом. Всё-таки это за ним! Всё-таки пришли! Конец! Неужели конец?! Он забился и загремел цепями. Господи, хоть бы одну руку освободить! В горло вцеплюсь!! Зубами рвать буду!!..

Дверь распахнулась. В камеру вдвинулся яркий, роняющий огненные брызги, факел. Потом из черноты за ним проступила фигура сотника храмовой стражи.

– Вот он, – указал он на Петроса кому-то невидимому за спиной.

– Снимите колодки! – приказал из темноты спокойный властный голос, показавшийся Петросу знакомым; Петрос замер.

Рядом возник стражник – тот самый густобровый шомроним – и принялся, громко сопя, суетливо сбивать колодки. Тяжёлые доски со стуком упали на пол. Петрос попытался встать... и не смог – он не чувствовал ни рук, ни ног.

– Поднимите его! – приказал всё тот же властный голос.

Стражники в четыре руки поставили узника на непослушные подгибающиеся ноги, для верности прислонив его к стене. И тогда из-за их спин к Петросу шагнул человек, которого он меньше всего ожидал здесь увидеть.

– Тасаэль?! – изумился Петрос...

– Так куда мы всё-таки едем? – спросил Петрос.

– Догадайся, – усмехнулся почти невидимый в темноте Тасаэль.

Петрос поразмышлял.

– Неужели к самому?!

– Неужели... – подтвердил Тасаэль и после долгой паузы добавил: – Ты ему нужен.

– Чего вдруг?! – удивился Петрос. – Зачем это царю-самодержцу вдруг понадобился беглый преступник?!

– Узнаешь, – лаконично ответил Тасаэль.

Петрос хмыкнул и замолчал. Бига медленно катила по ночному Йерушалайму. На улицах было темно и пусто – ни сторожей, ни патрулей, ни прохожих. Оно и понятно – час самый сонный, предутренний. Даже рабы-водовозы ещё не взялись за свою работу.

Луна уже ушла. По небу, то и дело заслоняя звёзды, быстро бежали небольшие лохматые облака. Ветер дул с востока. Он был не сильный, но холодный и заставлял Тасаэля кутаться в свой длинный шерстяной плащ. Петроса, одетого в одну нижнюю рубаху, пробирало насквозь.

Они проехали через открытые настежь и уже давно вросшие своими краями в землю древние Эфраимовы ворота в Старой стене и стали взбираться на Цийон. Колёса биги загремели по булыжнику мостовой. Впереди, на фоне тёмного неба, ясно обозначилась освещённая факельным светом громада дворца.

Петрос пошевелил вконец заочневшими пальцами босых ног.

– Как-то неловко идти к царю в таком виде.

Тасаэль, вновь выдержав длинную паузу, ответил:

– Не волнуйся... Оденут.

Он стал немногословным, Тасаэль. Помнится, раньше он таким немногословным не был. Наоборот, он вечно любил поболтать, посудачить, рассказать что-нибудь забавное из всегда богатой на события дворцовой жизни. Ну что ж, положение обязывает. Он ведь теперь как-никак не простой делопроизводитель при зрителе тверийских рынков. Он теперь, понимаешь, – вельможа, царский сановник, правая рука Агриппы. Даже голос у него стал другим – весомым, что ли? Сквозила в нём теперь спокойная уверенность, ощущалась за ним некая мощь, сила, чувствовалось в нём умение и – да! – желание отдавать распоряжения, командовать, повелевать. Другим, ой, другим стал наш Тасаэль. Да что там говорить, он даже пах теперь по-другому! То ли какими-то заморскими благовониями, то ли какими-то дорогими, недоступными простым смертным, яствами – в общем, придворной жизнью теперь он пах, неземной роскошью, дворцом. Петрос представил себе, как сейчас пахнет от него самого и непроизвольно поморщился. А Тасаэль – ничего, сидит нос не воротит. И это правильно. Он ведь, надо понимать, сейчас на службе, при исполнении. Это во-первых. А во-вторых, не чужого всё-таки человека везёт. Шурина везёт. Хоть и не близкого, а всё же родственника. А родственников, как известно, не выбирают...

Во дворец въехали через боковые ворота. Сунувшийся было к биге охранник, едва опознав в свете факела вельможного пассажира, шарахнулся в сторону и согнулся в низком поклоне.

Возница остановил двуколку с тыльной стороны северного крыла дворца. По длинной узкой лестнице поднялись наверх, прошли по беломраморной галерее и, миновав тяжёлые двустворчатые двери, услужливо распахнутые бессонными рабами-привратниками, вошли во внутренние покои. Здесь было гораздо теплее. И здесь их ждали. Точнее, ждали Тасаэля. Пятеро рабов во главе с кубикуларием кинулись мимо Петроса навстречу хозяину, засуетились, принимая плащ, усаживая в уложенное подушками кресло, бережно снимая с ног хозяина запылённые сандалии. Через несколько мгновений Тасаэль уже сидел в кресле, опустив ноги в таз с подогретой цветочной водой и держа в руке серебряный кубок с горячим вином.

– Да! – окликнул хозяин своего кубикюлярия и, указав ему на одиноко стоящего в дверях Петроса, кратко приказал: – Накормить. Помыть. Одеть... – и, сделав большой глоток из кубка, посмаковав во рту горячее альбанское, расщедрился, обращаясь уже к своему шурина, на длинную неспешную фразу: – Пока отдыхай, поешь... поспи... но учти, царь Агриппа встаёт рано... так что у тебя на всё про всё от силы часа три...

Царя Агриппу одолевала зевота. Может, конечно, он и вставал всегда рано, но сегодня, надо полагать, ранний подъём оказался ему не в радость, не выспался, надо полагать, сегодня царь Агриппа – издали было видно. И слышно.

– Так ты и есть тот самый... э-э-у-ах... тот самый Тасаэль шурина из Кфар-Нахума? Как там тебя? Саксум? Кефа?

– Петрос, – почтительно наклонил голову Петрос. – Друзья теперь называют меня Петросом, великий царь.

– Петрос? – Агриппа с сомнением поджал губы. – Почему, собственно, Петрос? Ты ведь, насколько я знаю, еврей, галилеянин, но никак не грек. Впрочем, какая разница, – он слабо махнул рукой. – Пусть будет... э-э-у-ах... Петрос... – царь вынул мизинцем соринку из глаза, внимательно рассмотрел её, вытер палец об одежду, после чего оценивающе оглядел своего собеседника. – Сколько тебе лет, Симон Петрос?

– Сорок семь, великий царь.

Агриппа задрал бровь.

– Ты неплохо выглядишь для своего возраста... А как... вообще?

– Прости, великий царь?

– Ну, как ты себя чувствуешь?

– Благодарю тебя, великий царь, я здоров.

– Здоров... Здоров... – Агриппа задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику. – Здоров – это хорошо... А как твои... легионерские навыки? Надеюсь, ты их ещё не растерял? Тасаэль говорил, ты здорово владеешь мечом.

Петрос озадаченно моргнул.

– Я... Мне давно не приходилось практиковаться, великий царь. Но... полагаю, я в форме.

– Это хорошо... хорошо... – Агриппа снова широко зевнул и, повернувшись к стоящему неподалёку Тасаэлю, пощёлкал пальцами: – Скажи там, чтоб принесли орешков и... и лимонной воды... Да! И пусть придёт Анастасиос!

Тасаэль, поклонившись, вышел. Агриппа вновь оценивающе оглядел Петроса.

– Я хочу поручить тебе одно дело... Петрос, – медленно заговорил он. – Одно очень важное... и очень ответственное дело...

Петрос выжидательно молчал.

– Я отправляю в Рому груз... Очень ценный груз... И очень важный... Я хочу, чтобы ты этот груз сопровождал... Разумеется, не один. Я дам тебе людей.

– Сопровождать груз до Румы? – на всякий случай уточнил Петрос.

– Да, до Румы. От Кесарии до Румы... Корабль сейчас готовят в кесарийском порту.

– Да, но я ведь не моряк.

– А я тебя беру не как моряка. Моряков у меня хватает... Твоей обязанностью станет охрана груза... В том числе и на корабле.

Петрос полез пальцами в бороду, но тут же опомнился и опустил руку.

– Я так полагаю, великий царь, отказы не принимаются?

– Ну отчего же, – Агриппа усмехнулся. – Сколько угодно. Можешь хоть сейчас вернуться в свою камеру. Полагаю, Йосэф бар-Камит тебя уже заждался...

– Ты позволишь, великий царь?! – в дверях залы возник Тасаэль в сопровождении нескольких рабов.

Агриппа вяло кивнул.

Через мгновение рядом с ним вырос резной, инкрустированный слоновой костью, круглый столик, на котором тут же возникло серебряное блюдо с очищенными орешками и широкая золочёная чаша с лимонной водой. Раб-виночерпий наполнил царский кубок и передал его рабу-прегустатору. Тот отпил из кубка глоток и с поклоном поставил сосуд рядом с левой рукой господина. Агриппа не глядя взял кубок. Ещё один раб, по внешности явный ахеец – надо

полагать, тот самый Анастасиос – тут же занял место за креслом хозяина и принялся осторожно массировать его плечи и шею. Агриппа кинул в рот орешек и прикрыл глаза.

– У тебя есть вопросы, Симон Петрос? – спросил он, не поднимая век.

– Да, великий царь. Если позволишь.

– Спрашивай.

Петрос помедлил.

– Почему именно я?

Агриппа, не открывая глаз, медленно жевал.

– Почему ты?.. Потому что мне нужен был человек... во-первых, опытный, то есть искушённый в военном ремесле... во-вторых, человек, умеющий командовать... командир... и в-третьих... человек посторонний, ну, в смысле не из дворцовых, не вовлечённый во все эти... придворные интриги... – Агриппа лениво отпил из кубка. – Ну, и наконец, я искал человека надёжного, можно даже сказать, верного... одним словом, на которого можно положиться. Вот Тасаэль и посоветовал мне взять тебя.

– Прости, великий царь, – Петрос позволил себе лёгкую усмешку, – но... считать надёжным человека, которого обвиняют во множестве преступлений...

Агриппа приоткрыл один глаз и сонно взглянул на собеседника.

– Кто обвиняет?

Петрос повёл плечом.

– Ну, например, тот же Йосэф бар-Камит.

Агриппа отправил в рот очередной орешек и снова прикрыл глаз.

– У первосвященника свои резоны, у меня – свои... Но ты прав, Симон Петрос, вопрос надёжности – очень... острый вопрос... Поэтому я немного подстраховался. Твой сын... Кажется, его зовут Марк?.. Так вот, твой сын, проживёт некоторое время... до твоего возвращения из Румы... в моём дворце, в Кесарии... За ним уже поехали.

Петрос проглотил тягучую слюну.

– Великий царь!.. А если... а что, если корабль попадёт в бурю, и... и груз погибнет? Ведь, согласись, никакие мечи и... и никакие военные навыки не спасут судно от разгула стихий! И моей вины в случившемся тоже не будет! Каким бы я ни был верным и... и старательным, я не смогу остановить шторм или... обуздать ветер! Что тогда станет с моим сыном?!

Агриппа, не открывая глаза, приподнял брови.

– Буря, не буря... Стихия, не стихия... – медленно проговорил он. – Пираты, шторма... мели, водовороты – да что угодно! Какая разница?! Если ты хочешь, чтоб твой сын дожил до совершеннолетия, доставь в Рому груз и вернись обратно... С подтверждением, – он кинул в рот ещё один орешек и хмыкнул: – Я тебе больше скажу, Симон Петрос, если ты доставишь груз не весь... не целиком, если будет утрачена хоть какая-то часть груза... ты получишь назад своего Марка тоже... не целиком. Надеюсь, ты меня понял?

Петрос кивнул.

– Я понял тебя, великий царь.

– Ещё вопросы есть?

Петрос ладонью стёр с лица липкую испарину.

– Да... Есть... Ещё один вопрос. Что это за груз?..

Глаза Агриппы открылись и настороженно блеснули. Челюсть замерла.

– Прости, великий царь, – Петрос неловко поклонился, – наверно, я зря задал этот вопрос. Наверно, мне не следовало его задавать. Ведь груз, наверняка, секретный.

Агриппа рассмеялся.

– Нет... Нет, что ты! Никакой секретности! – он снова отпил из кубка и закивал. – Хотя, да, конечно! Груз, безусловно, секретный! Ещё какой секретный! Он настолько секретный, что по прибытии в Италию о нём не будет уведомлён даже остийский таможенный прокуратор. Но я почему-то уверен, что сегодня самый последний босяк на Нижнем рынке уже знает, какой груз собирается отправлять царь Агриппа из Кесарии в Рому. Разве можно сохранить что-нибудь в тайне... – он поводит кубком в воздухе, – в Йерушалайме?!..

Агриппа похлопал Анастасиоса по пальцам и сделал знак рукой: мол, хватит, достаточно, свободен. Ахеец, кланяясь, отошёл. Царь показал Тасаэлю подбородком на рабов и кивнул на дверь. Через несколько мгновений в зале не осталось никого постороннего. Агриппа взглянул на Петроса.

– Ты не босяк с Нижнего рынка, так что тебе тем более следует знать о содержании груза... На августовские календы у моего друга, великого кесаря Клавдия, день рождения. Я отправляю ему подарок... Это сюрприз, отсюда и тайна... Я хочу подарить кесарю восхитительную коллекцию синайской керамики... Посуда, вазы... Всё очень древнее... и очень дорогое... Груз, как видишь, ценный и... хрупкий, – он усмехнулся. – Так что смотри, ничего не роняй.

– Так груз надо будет доставить императору? – уточнил Петрос. – Самому кесарю Клавдию?!

– Нет, – Агриппа покачал головой. – Груз доставите моему сыну, на Эсквилинский холм. А он уже отвезёт его на Каэйлий, в дом кесаря.

Петрос покусал губу, соображая.

– Тогда ещё один вопрос, великий царь. Я могу взять с собой своих людей? Хотя бы пару-тройку человек. Надёжных, проверенных, – торопливо добавил он.

– Нет! – подавшись вперёд, жёстко сказал Агриппа. – Никаких твоих людей! Никого из посторонних! Люди будут только мои!

– Да, великий царь... – покорно склонил голову Петрос. – Позволь узнать, сколько всего человек будет в отряде?

– Двадцать. Плюс ты. Плюс Тасаэль.

Петрос удивлённо взглянул на зятя.

– Так Тасаэль тоже едет?!

– Тоже, – кивнул Агриппа. – Ты ведь не знаешь Италии. И никогда не был в Риме. Так что Тасаэль едет тоже... И старший, между прочим, он. Запомни: он руководит всей экспедицией! Ты только охраняешь груз!

Петрос снова поклонился.

– Конечно, великий царь.

Агриппа ещё некоторое время сверлил Петроса взглядом, потом откинулся на спинку кресла, сделал глоток из кубка и кинул в рот ещё один орешек.

– У тебя всё? Или есть ещё вопросы?

– Если позволишь, великий царь, ещё один вопрос.

Агриппа вздохнул.

– Ты утомил меня, Симон Петрос... Ну, хорошо, спрашивай.

Петрос помедлил.

– Я... Я смогу перед отъездом увидеться с сыном?

– Сможешь. И не раз. У тебя ещё будет уйма времени... Целых пятьдесят дней, – Агриппа повернул голову и сказал уже Тасаэлю: – Поплывёте в конце мая, сразу после Шавуота...

И снова была ночь, и снова колёса биги гремели по булыжной мостовой.

– Давай заедем ко мне, – предложил Петрос, поворачиваясь к Тасаэлю. – Здесь недалеко – по Хинномской улице два квартала.

– Нет, – коротко сказал Тасаэль. – Никаких заездов.

– Послушай, – Петрос для убедительности даже взял зятя за локоть, – я всё понимаю. Тайна, секретность и всё такое прочее. Но ты подумай вот о чём. Я ведь сейчас вроде как сижу в тюрьме. Так? Об этом все знают. И уже было объявлено, что после Писхи будет суд. Об этом тоже все знают. Так? А тут раз – и меня нету! Ни меня, ни суда, ничего нет! В чём дело?! Что случилось?!.. Что скажет Йосэф бар-Камит, когда люди из нашей общины придут к нему с вопросами? А они ведь придут! Что я умер? Где тогда тело?.. Что я сбежал? Кто ж этому поверит?! Поднимется шум. Понимаешь? Большой шум. В городе меня хорошо знают, поэтому шум будет очень большой. Может быть, даже будет бунт! Оно вам надо?!..

Тасаэль молчал.

– Давай заедем ко мне, – продолжал настаивать Петрос. – Я просто скажу своим, чтоб меня не искали. Только одно – чтоб меня не искали! Не волнуйся, я не скажу ни слова, ни полслова о том, куда я еду и для чего. Я им вообще не скажу, что я куда-то еду! Просто я им покажусь, они увидят меня, увидят, что я жив-здоров, и я им скажу, чтоб меня не искали и чтобы за меня не волновались. Ну?!..

Тасаэль аккуратно высвободил свой локоть.

– Хорошо. Заедем... Но не больше, чем на четверть часа... И смотри – ничего лишнего!.. Это, кстати, в твоих же интересах...

Бигу остановили в переулке. Петрос, радуясь тому, что небо плотно укрыто тучами и уже почти полная луна не превращает ночь в день, крадучись обогнул дом и осторожно постучал в калитку. В доме ещё не спали. Ещё слышны были приглушённые голоса, а в одном из окон из-под ставни пробивался подвижный желтоватый свет. «Хамец ищут, – догадался Петрос. – Ну, правильно, канун Писхи!». Он постучал сильнее.

– Кто там?! – отозвался женский голос со двора.

Это была Рода – одна из хозяйских рабынь.

– Рода! – негромко позвал Петрос. – Это я! Открой!

– Кто там?! Кто стучит?!

– Я это, я, Рода! Петрос!

– Какой ещё Петрос?!.. О, Господи! Петрос!.. Петрос, это ты?!

– Да, Рода! Это я! Открой!

– Господи! Петрос! Господи!.. – запричитала Рода и вместо того, чтобы открыть калитку, бросилась со всех ног в дом. – Мирьям!!.. Мирьям!!.. Петрос пришёл!!.. Мирьям, Петрос!!..

Петрос шёпотом выругался. Вот ведь бестолковая баба! Сейчас, понимаешь, всю округу на ноги подымет!

В доме возникла суета. Захлопали двери, во двор высыпало сразу несколько человек.

– Кто здесь?!..

– Петрос, это ты?!..

– Господи, да это ж Петрос!..

– Кто там пришёл, Рода?! Что ты говоришь?!..

– Открывайте!.. Открывайте!..

– Да посветите кто-нибудь! Не видно ж ничего!..

– Петрос!.. Петрос!..

Наконец калитка распахнулась, и Петрос нырнул во двор. В пляшущем свете масляных плашек замелькали удивлённо-счастливые лица.

– Господи, Петрос!..

– Ты как здесь?!..

– Петрос, откуда ты?!..

– Господи! Господи, слава тебе!..

– Петрос вернулся!.. Петрос!..

– В дом!.. В дом!.. – ташил всех за собой Петрос. – Ради Бога, не шумите!.. Пойдёмте в дом!..

В доме Петроса обступили со всех сторон. Все галдели, все тянулись к нему прикоснуться, потрогать, как будто не доверяя собственным глазам. Коби, так тот просто затискал его в своих объятьях. Рядом приплясывал, всё стараясь прижаться щекой к плечу, совершенно счастливый Йохи.

– Ты как здесь?!.. Тебя отпустили?!.. А как же суд?!.. Ты насовсем?!.. – засыпал Коби Петроса быстрыми вопросами.

Наконец Петросу удалось высвободиться.

– А где Йоханан? Где Линос? – оглядев присутствующих, спросил он.

– В Бейт-Энью они ушли. К Элазару, – ответил Коби. – Приболел Элазар... – и вновь затеребил, задёргал Петроса: – Ну, ты как здесь?! Тебя отпустили?! Давай, рассказывай!

Петрос ещё раз огляделся и наткнулся на восторженно-ожидаящий взгляд Йохи.

– Чудо! – коротко сказал тогда Петрос. – Послушайте меня, братья и сёстры! Свершилось великое чудо!.. Ангел спустился с небес и вывел меня из тюрьмы...

Тишина, наступившая после этих его слов, была такая, что стало слышно, как в плошке, что держала в руках простоволосая Рода, трещит фитиль.

– Да, – сказал Петрос, вновь находя в толпе распахнутые до предела глаза Йохи, – это был ангел. Белый ангел. Белый, как снег на вершине Хермона... Он спустился ко мне в камеру прямо сквозь потолок, и в камере стало светло, как днём... Он спустился и стал предо мной. И тогда цепи, которыми я был скован, распались сами... «Встань, обуйся и оденься!» – приказал он мне. Я спросил его: «Во что же, Господи?! Отобрали у меня одежды мои!» И тут вижу – у ног моих лежат одежды, подобные царским. Вот они, эти одежды, вы видите их на мне. И я оделся и обулся, и всё оказалось мне в пору. И тогда ангел сказал: «Следуй за мной!» и прикоснулся к двери. И дверь камеры распахнулась, хотя я видел, что засов задвинут и замок на нём закрыт. И мы вышли из камеры, и я не знал, сплю я или нет, но думал, что сплю и что всё это мне снится. И мы прошли

мимо спящей стражи, и двери одна за другой распахивались пред нами. И мы вышли во двор. И там вся стража тоже спала, но большие железные ворота, ведущие в город, были закрыты и заперты. И тогда ангел протянул к ним длань и приказал мне: «Иди!». И я, испугавшись, сказал: «Так ведь ворота же заперты, Господи! Как же я пройду?!» Но он повторил: «Иди!», и я не посмел послушаться. И я пошёл прямо на запертые ворота и... прошёл сквозь них! И тогда я решил про себя, что я точно сплю. И вдруг... как будто, и вправду, проснулся. И огляделся... И вижу: стою я на улице Сыроделов, а Антониева крепость у меня за спиной, и я от неё уже шагах в ста... И тогда я понял: это не сон! Это наш рабби Йешу, Помазанник Божий, послал мне с небес ангела! Он послал мне ангела, дабы не свершился суд несправедливый. Дабы цедукимы и левиты не надругались надо мной, как надругались в своё время над ним. Он послал мне ангела, дабы вышел я невредимым из узилища! И дабы и впредь славил я имя его! И дело его! И пас агнцев своих, готовя их ко дню великому! Ко дню пришествия Спасителя нашего!! Ко дню пришествия Помазанника Божьего Йешу!!..

Петрос перевёл дух и огляделся. Все стояли на коленях, простирая к нему руки. Йохи рыдал, и слёзы катились по его щекам и капали с пока ещё короткой и редкой бороды.

– Я покидаю вас, братья и сёстры! – сказал им тогда Петрос. – Ибо Господь наш устами ангела приказал мне уйти из Йерушалайма, удалиться в места иные... потаённые... Я ухожу, братья и сёстры, но я мысленно остаюсь с вами... Я буду с вами днём, в трудах ваших. Я буду с вами ночью во снах ваших. Я каждый день буду стоять рядом с вами на вечерней молитве. И вкушать вместе с вами хлеб ваш... Молитесь за меня, братья и сёстры. И я за вас молиться стану... Я не знаю, куда приведёт меня стезя моя. Но я точно знаю, что мы однажды встретимся!.. Если не в этом доме, то в других домах. Если не в этом городе, то в других городах... или странах. Мы обязательно встретимся!.. И уж конечно, мы встретимся с приходом Спасителя нашего, Помазанника Божьего Йешу. Помните! Грядёт сей день от лика Господня! Узрим мы Спасителя нашего! Скоро уже!! Узрим!!.. Простите меня, братья мои и сёстры, ежели был я с кем из вас суров или несправедлив. Не держите зла на меня. Ибо и я не держу зла ни на кого из вас. Простите меня! И прощайте!.. Йааков, брат, проводи меня...

Сопровождаемые вздохами и всхлипами они вышли из дома и, освещая себе путь масляной плошкой, пересекли двор и остановились у калитки.

– Ради Господа всемогущего скажи мне, что происходит?! – спросил Коби, поднимая повыше плошку и шаря по лицу Петроса беспокойными глазами. – Что всё это значит?!.. Как ты вышел из тюрьмы? Что это ещё за ангел такой?!.. И куда ты, наконец, собрался сейчас, на ночь глядя, в канун Писхи?!.. Ты что... сбежал?!

– Прости, Коби, – мягко сказал Петрос, – я не могу тебе ничего сказать. Правда, не могу. Не моя это тайна.

– Но ты не сбежал?!

– Нет-нет, не волнуйся, всё законно. Я не сбежал, и никто меня искать не будет. И к вам за мной никто не придёт.

– Ничего не понимаю! – потряс головой Коби.

– А и не надо ничего понимать, – всё так же мягко, но настойчиво сказал Петрос. – Просто поверь. Всё хорошо. Правда!.. Я жив и я на свободе. И Йосэфу бар-Камиту меня теперь не достать. Не по зубам я теперь Йосэфу бар-Камиту. Это – главное. Всё остальное не важно. Понимаешь?

Коби недоверчиво pokrutil головой.

– Понимать-то я понимаю, но... И куда ты сейчас направляешься, тоже не скажешь?

– Не скажу, – подтвердил Петрос. – Пойми, это в твоих же интересах. Лучше, если ты не будешь этого знать. Поверь.

Он посмотрел на расстроенное лицо своего товарища, на его растерянно бегающие глаза, на закушенную губу и, не выдержав, положил ему руку на плечо.

– Коби...

– Да понял я, понял!.. – дёрнулся апостолос и, чуть не плача, спросил: – Мне-то теперь как?!.. Мне-то что теперь делать?!

Петрос всё же обнял его, похлопал по спине, успокаивая, и, опять отодвинув от себя, заглянул в глаза.

– Тебе теперь делать... вот что, – твёрдо и отдельно сказал он. – Дождись Линоса. И передай ему... Скажи ему, чтоб он сразу же после Писхи отправлялся в путь... Сразу же!.. Пусть он идёт... Пусть он идёт туда, где я стал Петросом, а он – Линосом. Запомнил?.. Передай ему это слово в

слово, он поймёт: пусть он идёт туда, где я стал Петросом, а он – Линосом... И пусть он меня там ждёт. Каждую неделю, в шестой день, накануне субботы. Ясно? Каждую неделю, в шестой день. С полдня до заката... Ты... Ты понял меня, Йааков?!

Коби смотрел на него расширенными глазами и молчал. Потом опомнился и закивал.

– Я понял! Я понял, Петрос! С полдня до заката! Накануне субботы! Я понял!..

– Там, где я стал Петросом...

– Да! Да! А он – Линосом! Я всё передам! В точности передам! Не беспокойся!

Петрос улыбнулся.

– Да я и не беспокоюсь. Я знаю, ты всё сделаешь, как надо... – он отступил на шаг. – Ну что, брат Йааков, будем прощаться?..

Коби вдруг всплеснул руками и засуетился.

– Подожди! Денег! Денег хоть возьми! Куда ж ты без денег?!.. Постой, я сейчас принесу!

Петрос поймал его за рукав.

– Да не надо мне никаких денег. Успокойся.

– Как же не надо?! Надо!.. – Коби всё порывался бежать. – Да ты не волнуйся! Мы без денег не останемся! У нас теперь много денег! Мы теперь, туда-сюда, почти богатые!

– Опаньки! – задрал брови Петрос. – Это ж откуда к вам такие большие деньги свалились, что вы теперь почти богатые? То, понимаешь, всю зиму едва концы с концами сводили, муку с толчёной корой мешали, а тут деньгами швыряетесь налево и направо!.. Клад нашли? Или наследство кто получил? Подожди, дай догадаюсь. У Вдовой Мирьям свёкор помер?

Коби рассмеялся.

– Нет... Нет, что ты! Просто Йосэф Барнабас с Шаулем Малым вернулись вчера из Сирии с кучей денег.

– Вот как! – удивился Петрос. – Выходит, наследство получил почтенный Евдиас? Или в Антиохии научились чеканить деньги из верблюжьего дерьма?

Коби, продолжая смеяться, завертел головой.

– Нет... Это всё Агабос! Это он провернул это дельце... Он же, помнишь, ещё по молодости промышлял по рынкам, изображая припадочного? Милостыню собирал. Ну, так вот. В Антиохии он тоже устроил представление. Месяц назад, на Пурим. Прямо в молельном доме, во время вечернего чтения Свитка Эстёр. Барнабас говорит: стояли все, слушали, всё тихо-мирно было. И он, Агабос то есть, тоже стоял, всё губами шевелил. А потом глаза вдруг закатил, затрясся весь. Барнабас опомниться не успел, как он грянулся на пол и кататься стал. Хрипит, пена со рта, светильники повалил. Ну, тут, конечно, уже не до чтения, все сбежались. «На воздух! На воздух его!» – кричат. Вытащили его, туда-сюда, во двор, водой облили. А он глаза открыл, сел и говорит, что, мол, видение ему только что было, снизошёл, мол, на него Дух Святой. И Дух этот ему вроде как сказал, что скоро по всей земле йехудейской великий недород случится, голод и мор будет. Мол, вымрут многие и многие города и деревни, а в Йерушалайме, мол, дойдёт до того, что от голода люди друг друга есть станут. Ну, тут, ясное дело, устрашились все, опечалились. Спрашивают у него: а Святой Дух не говорил тебе, часом, что делать-то надо, как быть? А он им: а как же, говорил. Мол, следует вам отделить от щедрот ваших и послать помощь братьям вашим из Сирии в Йехудею. А вам, мол, за вашу доброту воздастся во благовремени. Ну, вот они по всей Сирии денег-то насобирали и прислали с Барнабасом нам, чтоб мы их здесь, туда-сюда, распределили по всем общинам. Без малого полторы тысячи денариев.

– Ого! – взялся за бороду Петрос. – Действительно солидно... А не боитесь? Вдруг как не будет в этом году в Йехудее недорода?

– В этом не будет – в следующем будет, – легкомысленно отмахнулся Коби. – А не в следующем, так через год. Агабос ведь не говорил, когда конкретно. Он сказал: скоро. А в Йехудее раз в три-четыре года всяко неурожай бывает. Вон, в позапрошлом году был – помнишь, зерно ещё из Египта привозили? Значит, скоро опять будет.

– Ну, неурожай-то, может, и будет, а как насчёт глада и мора великого?

Коби поёжился.

– Ну, это не дай Бог, конечно. Но... Когда сильный неурожай, то, туда-сюда, непременно кто-нибудь где-нибудь от голода да помрёт. Без этого ведь не бывает... А в общем, вариант-то беспроигрышный: будет голод – Агабос прославится как великий пророк; не будет голода – да кто там года через три-четыре вспомнит, что и где он когда-то там предсказывал?!.. Так что, как

видишь, богатые мы нынче, – подытожил Коби. – И денег я тебе могу, сколько захочешь, дать. Сколько тебе принести? Сто денариев?.. Триста?.. Пятьсот?..

Петрос махнул рукой.

– Я ж тебе говорю: мне ничего не надо. Видишь, во что я одет? Прикидываешь, сколько такая одежда стоит?.. То-то же. Так что сам теперь подумай, пораскинь мозгами и... и держи, понимаешь, язык за зубами!

Глаза Коби опять округлились.

– Петрос, ты... ты... Неужели ты... туда-сюда?..

– Всё! Всё! – оборвал его, поморщившись, Петрос. – Я ж тебе сказал, держи свои соображения при себе! Понял?! Здоровее будешь!.. Ладно, заболтался я тут с тобой. Пойду... – он снова, уже торопливо, обнял Коби, поцеловал его в щёку, потрепал по плечу. – Всё! Прощай, брат Йааков! Доброго вам седера!.. И не забудь насчёт Линоса! Вот ему, кстати, деньги пригодятся. ЕМУ лучше денег с собой дай. Да побольше. Они ему точно понадобятся. И в дороге и... там... Ладно, будь здоров!.. И не горюй, брат! Всё образуется! Бог даст, свидимся!.. Прощай! И не поминай лихом!..

– Так почему всё-таки я? – спросил Петрос, когда бига, миновав ярко освещённые и запахнутые настезь по случаю праздника Садовые ворота, нырнула в темноту и мягко покатила по утопающей в пыли Яфской дороге. – Никогда не поверю, что я был у вас единственным кандидатом на это... на эту должность.

Тасаэль по своей новой привычке ответил не сразу.

– Разумеется... – отозвался он, когда Петрос уже подумал, что ответа на заданный вопрос не последует. – Назывались многие... Но царь выбрал тебя.

– Я вижу, что он выбрал меня, – терпеливо сказал Петрос. – Вот я и спрашиваю: почему?..

Бига качалась на неровностях дороги, как сфина на короткой волне. Впереди, то и дело заслоняемые спиной возницы, мелькали факелы передового отряда. Остро несло конским потом. В воздухе, поднятая многочисленными копытами, висела, затрудняя дыхание, невидимая мелкая пыль.

Тасаэль молчал.

– Послушай, Тасаэль, – проникновенно сказал Петрос, – ты пойми, нам с тобой ещё до Кесарии вместе ехать. А потом до Румы вместе плыть. Я ж с тебя, понимаешь, всё равно не слезу. Ты даже представить себе не можешь, каким я иногда бываю надоедливый и нудный. Так что ты лучше сейчас на все мои вопросы ответь.

– Чего ты от меня хочешь?! – отозвался из темноты Тасаэль, голос у него был глухой и раздражённый.

– Я от тебя всего-навсего хочу услышать ответ на мой вопрос: почему Агриппа выбрал именно меня?

– Ты же спрашивал его самого. Он тебе ответил... Причём вполне подробно.

– Ты знаешь, – сказал Петрос, – ответил он, конечно, подробно. Но всё это как-то... общо. Наверняка, у него были и другие кандидаты, которые целиком и полностью подходили под эти требования... Были ведь?.. Что молчишь?!

– Ну...

– Что «ну»?!

– Ну... были.

– Ну вот я тебя и спрашиваю: почему именно я?.. Почему Агриппа среди множества кандидатов выбрал именно меня?.. Ну, чего молчишь?!.. Эй, Тасаэль!

– Ну откуда я знаю, почему он выбрал именно тебя?!

– Вот прям-таки и не знаешь?!

– Не знаю!

– И не догадываешься?

– И не... Слушай, отстань, а!

– Ни за что! Я ж тебе сказал: я с тебя не слезу!

– Да пошёл ты!..

– Куда ж я пойду?! – несказанно удивился Петрос. – Во-первых, ночь, бига, в Кесарию мы едем – забыл? А во-вторых, царь Агриппа мне строго-настрого приказал с тобой рядом

находиться. Неотлучно. Денно и ночью. Пока, понимаешь, груз до места не довезём... Или, может, ты хочешь, – ужаснулся он, – чтобы я послушался царского приказа?!

– Петрос, ну, чего ты ко мне привязался?! – взмолился Тасаэль. – Отстань, я тебя прошу!.. Пожалуйста!

– Ответ на вопрос – отстану.

– Отстанешь?

– Ну!

– Поклянись!

– Клянусь! – торжественно сказал Петрос. – Клянусь хвостом дохлого верблюда! Клянусь подошвами моих сандалий! Клянусь чесночной отрыжкой нашего возницы! Хватит?.. Или ещё чем-нибудь поклясться?.. Хочешь, своей отрыжкой поклянусь?..

Тасаэль наконец рассмеялся.

– Слушай, – сказал он, – ну, ей-богу! Честное слово, не знаю, почему царь выбрал именно тебя.

– А ты подумай, – сказал тогда Петрос серьёзно. – Подумай... Ты же был всё время с ним рядом. Ты же видел, как он принимает решения. Был же, наверняка, такой момент, когда он остановился на моей кандидатуре. Что-то ведь его подтолкнуло к такому выбору. А?

– Да какая тебе, в конце концов, разница, почему он выбрал именно тебя?! Выбрал и выбрал. Это главное. Радоваться надо! А не то сидел бы ты до сих пор в своей вонючей камере и ждал... неизвестно чего.

– Ничего подобного, – сказал Петрос, – это я теперь жду неизвестно чего. А в камере мне всё было более или менее понятно. И чего ждать мне тоже было понятно. А сейчас... Сейчас сплошные загадки. А я загадок не люблю. Я люблю, чтоб всё было ясно и по полочкам разложено: сюда идти – сюда не идти; это враг – это друг. Понимаешь?.. А у меня пока такое ощущение, что я променял одну тюрьму на другую.

– Тоже сравнил! – возмутился Тасаэль. – Там – каменный мешок, стража, никуда не сбежишь, и впереди суд и, возможно, смерть. А здесь...

– А здесь, – подхватил Петрос, – тесная повозка, та же стража, тоже никуда не сбежишь, и впереди... Кто знает, может, тоже смерть... Только ещё непонятно какая.

– Да почему ты так решил?!

– А почему мне так не решить?! Кто я для Агриппы?! Никто! Мелкая кость для игры в «тали»! А я не люблю, чтоб меня использовали как игральную кость! Или как разменную монету! Отвык я, понимаешь, от этого!.. Кстати, если ты думаешь, что ты для Агриппы значишь больше – ты очень сильно заблуждаешься. В случае чего, он и тебя тоже смахнёт, не глядя. Как крошку со стола!

– Я с Агриппой уже двадцать лет, – сказал Тасаэль, и в голосе его прозвучала обида. – И он никогда...

– И он никогда ещё не давал тебе такого странного задания, – вновь перебил Петрос зятя. – Так?

– Ну, почему?! Я уже не раз плавал в Италию с различными поручениями и...

– И всякий раз тебя сопровождал беглый преступник – по сути, смертник, в последний момент освобождённый из тюрьмы. Да?

– Нет, но...

– Ты подумай, Тасаэль, – мягко, но с нажимом сказал Петрос. – Не торопись. Подумай. Неужели тебе вся эта затея не кажется странной?.. Мне так она, ой, как таковой кажется! Не сходятся, понимаешь, во всей этой истории концы с концами! Не стыкуются! Поэтому я и хочу разобраться. Досконально разобраться. Чтоб знать, чего ожидать. И чего бояться. А разобраться я пока не могу! Потому что... не за что зацепиться! Понимаешь? Я же ведь почти ничего не знаю! Ведь если рисковать, то хотя бы надо знать, ради чего!.. Ты о себе подумай! Мне-то терять нечего. Я и так уже почти всё потерял. А у тебя – семья, дети, дом богатый, положение. И пойми, ты всё это можешь потерять. Враз! В одночасье! Всё!.. Понимаешь?!

– Откуда ты это знаешь?! – недоверчиво и даже слегка испуганно спросил Тасаэль. – Откуда ты это можешь знать?!

– Я не знаю, – устало сказал Петрос. – Я чувствую. Я в своё время очень хорошо научился чувствовать опасность. Шкурой чувствовать. Нутром. Задницей своей многострадальной. И я сейчас чувствую – опасно! Опасная игра затевается, понимаешь? Большая опасная игра! Для меня

опасная, а стало быть, и для тебя!.. Поэтому я и прошу – дай мне шанс! Помоги мне хоть в малом! Я ведь тебя не о многом прошу. Я тебя прошу всего-навсего ответить мне на один вопрос: почему именно я?!.. Я уверен, ты знаешь на него ответ... Не спеши. Подумай. Вспомни.

Тасаэль хмыкнул, но промолчал. И молчал после этого целую вечность.

– По-моему... – наконец сказал он с некоторым сомнением в голосе. – Я, возможно, ошибаюсь, но, по-моему, царь остановился на твоей кандидатуре... когда узнал, что у тебя есть сын. Единственный ребёнок... Да-да! – оживился он. – Точно! Я ещё сказал тогда, что жена твоя умерла при родах, но у тебя остался сын. Агриппа тогда очень заинтересовался этим. Его ещё, помнится, удивило, что твоего сына, как и его собственного, тоже зовут Марк.

– Марк... – повторил вслед за ним Петрос. – Ну да, разумеется... Марк... Марк...

Ему вдруг расхотелось задавать вопросы. Любые. И даже просто разговаривать. Он откинулся на спинку сиденья и замолчал.

Бига, переваливаясь на пыльных ухабах, медленно катила сквозь глухую безлунную ночь. Жалобно поскрипывали колёса. Сзади, на месте провалившегося во мрак Йерушалайма, уже ничего нельзя было разглядеть. И по сторонам тоже ничего нельзя было разглядеть – всё скрывала непроглядная равнодушная тьма. И впереди тоже была тьма. И от факелов, жёлтыми ночными бабочками танцующих там, она казалась лишь ещё чернее и ещё безнадежнее...

2

Неприятность случилась незадолго до отплытия.

Буквально накануне Шавуота охранник-ротозей из состава ночной стражи «Солариса» взял да и уронил свой факел прямо на бухты просмоленных канатов, сложенных на корме этой, ещё совсем новой, сладко пахнущей кедровой стружкой онерарии, названной именем доброго южного ветра. Занялось сразу и жарко, и сгорело бы, без сомнения, всё судно (а может, и не одно – корабли в кесарийской гавани стояли тесно), не окажись по чистой случайности рядом, на берегу, опытного капитана со стоящего неподалёку александрийского зерновоза. То ли капитан страдал бессонницей и среди ночи решил прогуляться по набережной, то ли он возвращался на свой корабль после затянувшейся гулянки в одной из припортовых попин – неизвестно. Но именно он, внезапно возникший из темноты – огромный, бешеный, громогласный, – и организовал тушение пожара силами растерявшихся стражников «Солариса» и подоспевших на выручку экипажей соседних судов. И хотя, по словам Тасаэля, посетившего утром место происшествия, онерария «ещё легко отделалась», урон кораблю был нанесён весьма ощутимый: сгорела большая часть кормы, включая всю пассажирскую надстройку и – главное! – рулевую балку. Ротозея-охранника, разумеется, примерно наказали, «прописав» ему двадцать ударов тяжёлым бичом и переведя с позором из столицы в забытый Богом провинциальный Хефёр, однако помочь пострадавшему судну это, разумеется, уже не могло.

Ремонт корабля затянулся на шесть недель, по истечении которых стало ясно, что добраться до Румы к августовским календам «Соларис» даже при самых благоприятных условиях уже никак не успеет. К удивлению Петроса, царь Агриппа отнёсся к этому достаточно спокойно. Со слов того же Тасаэля, самодержец даже нашёл в случившемся благую сторону. «На день рожденья подарки дарят все, – заметил царь. – И все стараются переплюнуть друг друга. Там будут целые горы самых разных даров и подношений. А мой подарок придёт в Рому через несколько дней, когда все страсти уже улягутся. И мой добрый друг Клавдий сможет по достоинству оценить моё внимание к нему».

Задержка с отплытием обрадовала и Петроса. Всё это время он жил в кесарийском дворце Агриппы, в покоях Тасаэля, наслаждаясь роскошью обстановки, редкими дорогими винами и отличной кухней, на которой кудесничал нанятый Тасаэлем за огромные деньги повар – молчаливый и надменный, как верблюд, парфянин из мизийского Пёргамона. Щедрый хозяин даже предоставил в распоряжение своему гостю и родственнику четырёх персональных рабов: пожилого негра-эфиопа и его здоровяка-сына – для оказания повседневных услуг и двух молоденьких смазливых дакиек – для ночных утех. Но больше всего Петроса радовало другое – он каждый день виделся с сыном. Марка, по высочайшему распоряжению спешно доставленного из Кфар-Нахума, поселили на царской половине, в комнатах вольнонаёмной прислуги. Покидать дворец ему было строжайше запрещено, но разрешено было гулять в малом дворцовом саду, куда Агриппа почти никогда не заходил, и где юноше-заложнику и его отцу удавалось ежедневно встречаться.

Петрос не видел сына больше трёх лет. За это время Марк подрос, вытянулся, но, по сути, всё ещё оставался ребёнком. Годы разлуки с сыном сделали своё дело – мальчик чурался отца и держался с ним хоть и вежливо, но отчуждённо – как с уважаемым, но всё-таки посторонним человеком. Петрос прилагал все свои силы, буквально лез из кожи вон, чтобы расположить к себе сына, но лёд таял медленно, слишком медленно, так что неожиданная задержка с отплытием оказалась весьма и весьма кстати.

В первые же дни общения с Марком выяснилась и ещё одна деталь, неприятно поразившая Петроса и давшая ему, как отцу, очередной основательный повод для самоедства – мальчик в свои тринадцать лет не умел ни читать, ни писать. План созрел сразу. Петрос отправился в город и, найдя Линоса, который вслед за своим другом перебрался в Кесарию и жил в местной христианской общине, поручил ему приодеться поприличней и снять престижное жильё где-нибудь неподалёку от дворца. Затем за очередным обедом он между делом пожаловался Тасаэлю на неграмотность своего сына. Зять, рассеянно попивая соррентийское, предложил нанять мальчику толкового наставника. Петрос за предложение с энтузиазмом ухватился и через несколько дней представил вельможному родственнику благообразного грека, сведущего в науках, почитающего еврейский Закон да к тому же ещё и проживающего в каких-нибудь двух кварталах от дворца. Грек произвёл на Тасаэля самое благоприятное впечатление – дело своё он знал твёрдо, совсем неплохо для иноземца разбирался в Писании и Законе, кроме своего родного языка прекрасно говорил и писал на арамейском и романском, был кроток и даже слегка подобоострастен и, в довершении всего, ещё и совсем не жаден до денег. Тасаэль, выждав благоприятный момент, обратился к царю, и вскоре на царской половине появился новый жилец – невысокий худощавый грек с заострённым, по-птичьи узким лицом – книжник и учитель Линос из Коринфоса. Теперь Петрос, отправляясь в Рому, мог быть относительно спокоен – рядом с Марком во дворце оставался свой, надёжный и проверенный человек.

Новую дату отплытия назначили на июльские иды – третья ава по еврейскому календарю.

Однако и на этот раз отправиться в путь не получилось.

За два дня до отплытия, в совершенно тихую безветренную ночь, онерария внезапно дала течь и стала довольно быстро тонуть, и только благодаря отчаянным усилиям экипажа к утру осталась на плаву, а не легла на грунт прямо возле дворцовой набережной. Скандал получился страшным. Агриппа, на рассвете прибывший на берег, собственноручно исхлестал по лицу подрядчика, руководившего ремонтом «Солариса», полагая, что это именно он виновен в случившемся. Полузатопленную онерарию, постоянно откачивая и вычерпывая из неё воду, отвели на другой конец бухты, где не было каменного причала, и с огромным трудом вытащили на пологий берег. И тут обнаружилось странное: в днище судна зияло небольшое аккуратное отверстие, явно высверленное чьими-то умелыми руками. Было спешно назначено дознание. Поначалу в содеянном заподозрили команду «Солариса». Однако перекрёстные допросы, проведённые самыми решительными методами, так и не смогли выявить причастность кого-либо из членов экипажа к случившемуся. Кроме того, более детальный осмотр показал, что отверстие в корпусе онерарии было просверлено... снаружи. Это в корне меняло всю картину произошедшего. Теперь в новом свете предстал и давешний, чуть не погубивший онерарию, пожар. В Хефер с приказом немедленно доставить на следствие стражника-ротозея были посланы гонцы, которые, однако, вернулись ни с чем. Оказалось, что провинившийся стражник ещё месяц назад был убит – зарезан прямо на улице в пьяной драке. Посчитать это случайностью мог, пожалуй, только очень наивный человек. Вывод напрашивался сам собой: кому-то очень не хотелось, чтобы «Соларис» покинул кесарийскую гавань. Кому-то хитрому, влиятельному и жестокому, да к тому же ещё достаточно хорошо осведомлённому во всех дворцовых делах.

– Что происходит?! – наседал Петрос на Тасаэля. – Ты можешь мне объяснить?!.. Кому наше плавание поперёк горла?!..

Но Тасаэль, сам теряясь в догадках, только разводил руками.

– Может, кто-то хочет поссорить Агриппу с кесарем? – предположил он. – Все свои подарки императору пришлют, и только от Агриппы ничего не будет... Хотя, прямо скажем, способ странный и... ненадёжный – Клавдий и Агриппа друзья с детства, и чтобы рассориться из-за такой малости...

– А может, дело в грузе? – прищурился Петрос. – Может, понимаешь, кто-то не хочет, чтобы наш груз попал в Италию? Ты уверен, что мы везём в Рому именно синайскую керамику?

– Разумеется! – фыркнул Тасаэль. – Я сам в прошлом году покупал эту коллекцию в Яфе у индийских купцов. По указанию Агриппы, конечно. И сейчас её всю паковали в моём присутствии... Прекрасная коллекция, между прочим: кубки, патеры, блюда... вазы. И очень дорогая! Агриппа выложил за неё целое состояние – сорок тысяч денариев! И клянусь, она того стоит! Там есть совершенно уникальные вещи!

– А кроме коллекции? Может, есть ещё какой-то груз?

Тасаэль медленно покачал головой.

– Какой? Я бы знал. Да и к тому же у нас ведь не гаула. И не зерновоз. У нас всего-навсего малая корбита. Так что кроме коллекции на наш «Соларис» при всём желании ничего не погрузишь. Семьдесят здоровенных корзин по три таланта весом каждая. И так бы хоть всё под палубу влезло.

– Ого! – округлил глаза Петрос. – Семьдесят корзин! Вот это коллекция! Это же, понимаешь, целая гора посуды! В Синае после вас хоть одна миска глиняная осталась? Или вы с Агриппой всё подчистую выгребли?

Тасаэль снова развёл руками:

– Царский подарок...

После всего случившегося Агриппа приказал полностью заменить экипаж «Солариса», а заодно и всю портовую стражу. Вновь отремонтированную онерарию отвели на отдельный, усиленно охраняемый причал. Кроме того, место стоянки судна теперь предусмотрительно огородили со стороны моря сетями.

За два дня до августовских календ – восемнадцатого ава – началась погрузка на корабль. Тогда-то Петрос впервые увидел собственными глазами то, что ему предстояло охранять. Коллекция была упакована в большущие – по пояс взрослому человеку – плетёные корзины, тщательно обшитые поверху плотной рогожей. Тогда же Петрос познакомился и со своими людьми – с поступившим в его распоряжение отрядом в количестве двадцати человек.

Отряд был разношёрстным, собранным, как говорится, с поля по зёрнышку. Двадцать человек, свезённых в Кесарию из разных концов Палестины, не знакомых друг с другом, впервые увидевших друг друга лишь накануне, абсолютно не ведающих ни о целях плавания, ни о своём предназначении. Многие из них вообще не знали о том, что им предстоит куда-то плыть, и теперь, топчась на набережной, с неприкрытым беспокойством смотрели на «Соларис» и на всю ту суету, которая неизбежно сопровождает подготовку к выходу судна в море. Были в отряде и молодые новобранцы, и опытные, повидавшие виды солдаты, и недавние отставники, ещё не разучившиеся держать в руках оружие.

С оружием, к стати, было нехорошо. Петрос, проведя первоначальное построение, убедился, что вооружён отряд примитивно и явно недостаточно для той миссии, которую он был призван исполнять: на два десятка человек имелось лишь четырнадцать мечей, пять боевых топоров, одиннадцать копий и три десятка дротиков. У восьмерых воинов были ещё кинжалы, но зато у пятерых не было ни щитов, ни кольчуг. Поспешно назначив двух наиболее толковых отставников командирами отделений, Петрос помчался к Тасаэлю.

– Мы что, на прогулку едем?! – ворвался он к дремлющему после завтрака начальнику экспедиции. – На ближний пляж за ракушками?! Или, понимаешь, в Дор, на базар, сандалии покупать?! Кто набирал этот сброд?! Каким местом думал тот, кто их вооружал?!

Тасаэль недовольно поднялся с кушетки.

– Что ты орёшь, как... ужаленный ишак? Чем ты опять недоволен?

– Я недоволен... человеческой глупостью! – еле сдерживаясь, сказал Петрос. – В Легионе подобной... команде я бы не доверил охранять даже лагерную латрину! Половина солдат вообще не знакома друг с другом! Вторая половина боится воды пуще смерти и смотрит на корабль, как на собственную погребальную телегу! А оружие! Почему взято так мало копий и дротиков?! Почему у пятерых обалдуев нет ни щитов, ни кольчуг?! Они что, понимаешь, в качестве мишеней поедут?! Почему, наконец, в отряде нет ни одного лучника?!

– Всё?... – спросил Тасаэль, останавливаясь над столом и придиричиво выбирая себе персик.

Петрос, отдуваясь, не ответил. Тасаэль наконец определился с выбором, вонзил зубы в брызнувшую соком розовую мякоть и повернулся к шуринам.

– Ты пришёл не по адресу, – медленно жуя, произнёс он. – Отряд набирал Овдья – военный советник Агриппы. Критерий отбора был примерно таким же, как и с тобой: отличный послушной

список плюс никакого родства с дворцовой знатью, и тем более с левитами. И никакого отношения к храмовой страже.

– Странный отбор, – заметил Петрос. – Ну да ладно, отбор отбором, это, собственно, не моё дело, но собрать отряд вместе хотя бы, понимаешь, за месяц до отплытия можно было?!

– Нельзя, – Тасаэль кинул недоеденный персик на поднос. – Царь боится сговора... или подкупа. Отсюда все эти меры предосторожности.

– А оружие! – продолжал горячиться Петрос. – Оружие нормальное можно было им дать?! Этот ваш Овадья, он вообще воевал когда-нибудь?! Или только в детстве, в деревянных солдатиках?!

– А ты задай этот вопрос царю, – усмехнулся Тасаэль. – Агриппа, кстати, ждёт нас с тобой... для прощального напутствия. Дак!.. – позвал он; на пороге возник почтительно склонившийся кабикуларий. – Который час, Дак?

– Пять часов, господин. Самое начало шестого.

– Царь ждёт нас к полудню, – повернулся Тасаэль к шурину. – В нашем распоряжении ещё почти час. Так что успокойся... поешь, – он сделал жест в сторону стола, – выпей вина... И пойдём...

Агриппа внимательно, не перебивая, выслушал Петроса, после чего отрицательно покачал головой:

– Нет.

Петрос смешался.

– Прости, великий царь, насчёт чего конкретно «нет»?

– Насчёт всего. По каждому твоему пункту – нет. Задерживать выход судна я больше не стану – завтра на рассвете «Соларис» должен выйти из кесарийской гавани. Менять кого-либо в отряде не разрешаю. И добавлять в отряд тоже никого не буду. Ну, а насчёт оружия – тут без проблем. Возьми всё, что считаешь нужным. Овадья распорядится.

Стоящий по левую руку от царя военный советник – приземистый и грузный, с мясистым широким лицом, на котором постоянно сохранялось слегка брезгливое выражение, – важно кивнул.

– А лучники?! – воскликнул Петрос. – Дай мне хотя бы четверых лучников, великий царь!

– Нет, – повторил Агриппа. – Ты слышал?! Нет! Если тебе нужны лучники, возьми у Овадья луки и вооружи ими хоть каждого из своих людей.

Петрос открыл рот, закрыл, медленно выдохнул через ноздри, после чего уже почти спокойно сказал:

– Великий царь! Чтобы из простого солдата сделать толкового лучника обычно уходит полгода. Причём последние три месяца лучник тренируется со своим персональным луком. Я могу раздать своим людям хоть по пять луков, но за те несколько часов, что остались до отхода «Солариса», они всё равно не научатся из них стрелять.

Агриппа вопросительно посмотрел на Овадью.

– А зачем тебе вообще лучники?! – тут же насел тот на Петроса. – Ты ведь не крепость оборонять собираешься, ты...

– Именно! – не дал ему закончить Петрос. – Именно крепость! Для меня сейчас «Соларис» – крепость! И я его собираюсь оборонять! С момента отхода от кесарийской набережной до момента, понимаешь, прибытия в Рому. Великий царь! – повернулся он к Агриппе. – Ты ведь знаешь, на кону не только моя голова, но и голова моего сына. Поэтому я сразу говорю: без лучников я никуда не поплыву! Хочешь, казни меня прямо здесь, хочешь, отправь обратно к Йосэфу бар-Камиту, но без четверых лучников я даже не поднимусь на борт «Солариса»!

– Ты как разговариваешь с великим царём?! – вытаращил глаза побагровевший Овадья. – Ты кому условия ставишь?! Да тебя за такие речи!..

– Подожди... – поморщился Агриппа, он прикрыл глаза и потёр пальцами переносицу. – Что у нас здесь, в Кесарии, с лучниками?

– Здесь?... – красномордый Овадья медленно остывал. – У Малькиэля под началом отряд. Полсотни луков... У Седого Натана в северных казармах три десятка лучников-эдомейцев... Здесь – всё... У Танхума Счастливого полная сотня лучников. Но это в Хефере. Полдня пути.

– Полдня пути... – Агриппа задумчиво постукивал по подлокотнику кресла. – Вот что... – он повернулся к военному советнику. – Давай дуй в северные казармы и возьми у Седого Натана

четверых лучников. Только выбирай сам, а не тех, на кого он тебе укажет! Сам! Понял?!.. Бери их вместе с луками и стрелами – и сразу же на корабль. Никуда не заезжая! И ничего им не объясняй. И уж тем более Натану! Ничего! Скажи, мол, знать ничего не знаю – царский приказ! Ясно?!.. Всё. Действуй!..

Петрос с чувством поклонился:

– Благодарю тебя, великий царь!.. Может, ты тогда позволишь мне высказать ещё одно предложение?

Тасаэль сделал зверские глаза и старательно кашлянул в кулак.

– Ничего! – отмахнулся от него Агриппа. – Чего уж теперь! Теперь уж ничего не поделаешь! У нас теперь отставные примы царями командуют! Давай, прим, раз уж сел на шею и ножки свесил, говори, чего уж там!

– Прости, великий царь... – Петрос невольно улыбнулся – воображение тут же услужливо подбросило ему забавную картинку: он, болтая ногами, удобно сидит на шее царя. – Прости, но... Но, может, имеет смысл перенести отход «Солариса»? И отплыть не завтра утром, а нынче вечером? Погрузка в основном закончена, и...

– Ну, тебя не поймёшь! – возмущённо воскликнул Тасаэль. – То ты предлагаешь отложить выход судна на неделю, то теперь торопишь с отходом!..

– Погоди-погоди! – защёлкал на него пальцами Агриппа. – Погоди! Резон в его словах есть. Изменив время отхода, мы, безусловно, спутаем планы нашему недоброжелателю, кем бы он ни был. Да, прим? Ты ведь об этом думал?!.. Ну вот! Так что идея сама по себе не лишена смысла. Идея интересная. Вот только... что у нас с ветром?

– На закате ветер повернёт от берега, – сказал Петрос. – Это позволит нам уйти достаточно далеко на запад. А потом, уже в открытом море, мы повернём на север и пойдём на Сидон. Небо сегодня чистое, так что капитан без труда сможет определиться по звёздам.

– Ну? Что скажешь?!.. – повернулся царь к Тасаэлю.

Тот молча пожал плечами.

– Утверждаю! – грохнул Агриппа кулаком по подлокотнику. – Уйдёте сегодня на закате! Давайте оба на пристань и готовьте судно к отходу. Проверьте там всё хорошенько! Чтоб ничего не забыли! И капитана!.. Как его там?!.. Мильтиадиса! Мильтиадиса ко мне! Живо!..

«Соларис» шёл на север, подгоняемый тем самым мягким южным ветерком, в чью честь он и получил своё звучное яркое имя. Час был ранний, солнце поднялось ещё не высоко, оно ещё полностью не выбралось из розовых пелёнок утренней дымки, и нежаркое, красноватое, заспанно жмурилось, нежась на смятой постели недалёкого берега. Над мачтой онерарии, в холодно-голубой небесной выси неподвижно висели редкие белоснежные пёрышки облаков.

За ночь почти не продвинулись вперёд. Капитан судна, меднолицый неразговорчивый грек Мильтиадис, осторожничал и, несмотря на хорошую погоду, лишь на рассвете приказал развернуть основной парус. До этого «Соларис» сначала шёл под артемоном – небольшим прямоугольным парусом, растянутым под наклонной носовой мачтой, а потом и вовсе несколько часов пролежал в дрейфе, дожидаясь попутного ветра.

Море было спокойным, судно почти не качало, но этого «почти» с лихвой хватило для того, чтобы две трети отряда Петроса легли от морской болезни. Страдальцы вповалку лежали на корме судна, время от времени с трудом приподнимаясь и свешивая нечёсанные бороды за борт. Тасаэль, вид хотя и имел бледный, пока держался и даже согласился позавтракать вместе с шурином, впрочем, удовлетворившись лишь сухарём и несколькими глотками кислого вина. Петрос же ел с аппетитом, разрывая жареного цыплёнка руками и бросая кости в наглых крикливых чаек, с самого рассвета неотступно следовавших за кораблём.

– Хороший ветер, – сказал Тасаэль, стараясь не смотреть на блестящие от жира губы шурина. – К обеду будем в Сидоне.

– Там нас ждут?

– Да, – кивнул Тасаэль, – пропретор предупреждён... Его зовут Квинт Антоний Стих. Я его немного знаю. Он несколько раз бывал в Кесарии. Вполне достойный муж... хотя и язычник... Мы там переночуем и завтра уйдём на Кипр, в Саламин.

Петрос кивнул. Он швырнул последнюю объеденную косточку птицам, допил своё вино и, вытерев руки тонкотканым полотенцем, заботливо поданным ему Дивиконом – единственным из тасаэлевых рабов, которого тот взял в плаванье, – откинулся спиной на невысокий барьер,

огораживающий по краям смотровую площадку. Петрос подставил лицо ласковым лучам утреннего солнца и прикрыл глаза. Было покойно. Громко, но не раздражающе кричали чайки. Убаюкивающе поскрипывали ванты. Меднолицый Мильтиадис, заложив руки за спину, медленно прохаживался по смотровой площадке, служившей одновременно и капитанским мостиком, и мурлыкал себе под нос какую-то легкомысленную греческую песенку, в которой упрашивал некую «любезную Каллио́пу» обязательно дождаться его из плавания, по приходе из которого, он, де, не будет тратить время на пустые разговоры, а сразу же сорвёт с неё хитон и... Собственно, из подробного и откровенного перечисления всех тех забав, которыми герой-мореплаватель мечтал заняться с любезной Каллиопой, как раз и состояла вся песенка.

Справа по борту тянулся унылый пустынный берег. Он уже начал постепенно повышаться, вздымаясь в плоское столообразное плато Кáрмель, обрывающееся чуть севернее в море одноимённым мысом. За мысом начинался небольшой уютный залив Киссо́н, названный по имени впадающей в него речки. Издалека мыс напоминал припавшего на передние лапы поджарого медведя, жадно лакающего морскую воду.

Петрос плыл этим маршрутом не впервые. Прошлый раз – а было это уже лет семь или даже восемь назад – он путешествовал в здешних краях вместе с Линосом. Тогда они добирались из Яфы в Антиохию и нанялись матросами на убогую киликийскую фасéлу – небольшое судёнышко, корпус которого был сделан из плетёных прутьев, обшитых поверху необработанными коровьими шкурами. В тот раз они до Антиохии не доплыли, судно дало течь, и им с огромным трудом удалось добраться до Птолемаиды, которую местные жители всё ещё называли Акко, – древнего портового города, расположенного в северной оконечности залива Киссон. Там они с Линосом вынужденно задержались почти на полгода, но времени даром не теряли, основав из проживавших в Птолемаиде многочисленных евреев небольшую, но дружную христианскую общину почитателей Помазанника Божьего Йешу...

Петрос открыл глаза. Что-то изменилось. Солнце грело. Ванты поскрипывали. По-прежнему громко голосили голодные чайки. Вот только меднолицый капитан Мильтиадис больше не прохаживался, напевая себе по нос свою фривольную моряцкую песенку. Капитан стоял на правом краю мостика и, напряжённо вытягивая шею, всматривался вдаль. У Петроса вдруг заныло сто лет не беспокоившее его плечо.

– Эй! – оглянулся Мильтиадис и, вытянув руку, указал вперёд по правому борту судна. – Эй, начальник! Глянь!.. Видишь?! Нет?!

Тасаэль и Петрос, разом вскочив со своих мест, кинулись к нему. Петрос, взглянув туда, куда указывал капитан, ощутил в животе неприятный сосущий холодок. Вывалив из-за мыса, наперерез «Соларису» шли одна, две... пять... нет, шесть!.. шесть больших вёсельных лодок, густо заполненных людьми.

– Рыбаки? – неуверенно спросил Тасаэль.

Петрос покачал головой.

– Нет. Это не рыбаки... Это по нашу душу.

Он уже разглядел всё, что ему было нужно: это были широкие восьмивёсельные бáрки – неустойчивые и неповоротливые, но быстроходные и вместительные посудины – излюбленные «орудия лова» прибрежных пиратов. На каждом судёнышке, не считая гребцов, находились не менее двух десятков воинов – Петрос уже отчётливо видел торчащие над их головами штурмовые лестницы и длинные копья с тяжёлыми абордажными крючьями на концах.

– Господи! Делать-то что?! – воскликнул дрожащим голосом Тасаэль.

– В море! Поворачивай в море! Быстрее! – закричал Петрос, обращаясь к капитану.

Но тот лишь отрицательно покачал головой.

– Бессмысленно. Ветер попутный. Повернём в море – потеряем ход... Эй!!.. – заорал он и, заложив пальцы в рот, оглушительно свистнул. – Эй!! Никíтас!! Кóсмас!! Нестор!! Верхний парус поднять!! Бегом!!.. Дармоеды!!.. На руле!! Править строго по ветру!!.. Лáмпрос!! Всех на правый борт! Слышите?! Нет?! Всех! Готовить багры!!.. Веселей! Веселей, доходяги, рот вам на бок!! Если не хотите стать кормом для рыб – веселей!..

Твёрдый голос Мильтиадиса привёл Петроса в чувство. Он потряс головой, сбрасывая с себя невольное оцепенение, и тоже заорал, надсаживая глотку:

– Отря-а-ад!!.. К бою!!.. Противник справа по борту!!.. Дротики, копья готовы!!.. Подъём! Подъём, слабосильная команда!!.. Лучники!! Двое – на нос, двое – на корму! Бить по гребцам! Только по гребцам! Поняли?! Бегом!!.. Гийора! Арóн! Расставьте своих людей! Раздайте дротики!

Бить с двадцати шагов! Не дальше! Целить по гребцам! Слышали?! Выбивайте гребцов!.. Пошли! Пошли! Пошли!!!.. Бегом!!

Корабль наполнился топотом и криками. «Слабосильная команда», забыв про морскую болезнь, лихорадочно готовилась к бою. Заблестели на солнце спешно надеваемые кольчуги, полетели под ноги кожаные чехлы от щитов, с дробным стуком раскатилась по палубе охапка дротиков, уроненная споткнувшимся ротозеем.

Раскрылся, захлопав на ветру, верхний треугольный парус на вершине мачты. «Соларис» подвернул чуть левее и, со звоном принимая в правую скулу, обшитую тонкими свинцовыми листами, низкую короткую волну, стал полого уходить от берега.

Петрос скатился вниз, под смотровую площадку, туда, где находились жилые помещения, ворвался в свою комнату, наскоро, не завязывая тесёмку, всунулся в кольчугу, выхватил из кожаного чехла щит, сорвал со стены меч и опрометью, прыгая через три ступеньки, взбежал обратно на мостик.

Между кораблём и лодками было сейчас около двухсот шагов, и расстояние быстро сокращалось. Уже слышны были резкие отрывистые команды гортаторов, задававших ритм гребцам. Лодки были явно перегружены. Они низко сидели в воде, но всё равно двигались быстро, гораздо быстрее «Солариса».

К Петросу подскочил бледный до синевы Тасаэль, губы у него ходили ходуном, борода тряслась.

– Нам не уйти! – испуганно шаря по лицу шурина расширенными глазами, воскликнул он. – Не уйти! И не отбиться! Их слишком много! Что делать, Петрос?! Делать что?!

– Прочь!! – рявкнул на него Петрос. – Пошёл! Вниз! Вниз! Чтоб я тебя не видел!..

Тасаэль исчез.

Лодки накатывали. Взвилась и вонзилась в борт ближней барки первая стрела.

– Выше! Выше бери! – вновь заорал Петрос. – Лучники! Выбивай гребцов!..

– Эй, на «Соларисе»! – раздался зычный голос с одной из лодок. – Убрать паруса!.. Всем, кто не будет сопротивляться, гарантирую жизнь! Эй, слышали?! Кто хочет жить – сложить оружие!

– Не слушать!!..

– Не слушайте их!!.. – одновременно закричали Петрос и капитан.

– Кто сдастся – сдохнет первым! – громко добавил Петрос, а Мильтиадис вдогон ему выдал столь длинное и чудовищно непристойное греческое ругательство, что отставной прим посмотрел на меднолицего капитана с невольным уважением.

Когда до ближней лодки оставалось шагов пятьдесят, сразу две стрелы, пущенные с носа корабля, попали в цель. Первая воткнулась точно в грудь переднего гребца, вторая – в плечо следующего. Раненый жалобно заверещал и опрокинулся на спину, завалившись на сидящего за ним третьего гребца. Лодку развернуло. Она резко качнулась и, зачерпнув низким бортом воду, потеряла ход.

– Так их!! – заорал Петрос. – Видели?! Всем бить по гребцам!! По гребцам!! Дротики – к бою!!..

Лодки шли наперерез. Уже можно было рассмотреть лица нападавших. Стрелы падали на них одна за одной, то и дело находя себе новую жертву. Закрутилась на месте и вдруг легла на борт вторая лодка. С неё горохом посыпались в воду люди.

– Дротики!! Дротиками бей!!.. Арон!! – крикнул Петрос.

Из-за паруса ему не был виден нос корабля, но он знал, что Арон – командир первого отделения – находится где-то там, со своими людьми, и именно там сейчас разворачивались основные события.

С борта корабля полетели дротики.

– Право руля!! – вдруг страшно заорал над самым ухом у Петроса Мильтиадис. – Тарань!!.. Тарань!! Ещё руль вправо!!.. Ещё!!

Палуба скользнула из-под ног, «Соларис» накренился, и Петрос, вцепившись в перила, увидел, как передовая лодка нападавших уходит под нос корабля. Оттуда послышался многоголосый крик ужаса и затем – отчётливый хруст. А с оставшихся лодок на «Соларис» уже летели абордажные копья.

– Руби!! Руби верёвки!! – надсаживался Петрос. – Верёвки руби!!.. Копья, мечи – к бою!!

Но лодки уже ушли в мёртвую зону, под борт, и оттуда уже выскакивали и цеплялись за планширь, жадно впивались железными крючьями в доски палубы короткие штурмовые

лестницы, и уже лезли по ним на корабль люди с оскаленными бешеными лицами. Много людей. Слишком много.

Петрос выхватил меч и, прыгнув с мостика, ринулся в самую гущу нападавших.

Он сходу зарубил двоих и чуть успел прикрыться щитом от падавшего сбоку меча. Он отпрыгнул в сторону, ударил с разворотом, вновь увернулся и завертелся на месте, нанося рубящие и колющие удары, прикрываясь щитом и лишь следя, чтобы никого не оказалось сзади, за спиной.

Один раз ему брызнула в глаза чужая кровь и он на несколько страшных мгновений ослеп.

Один раз он поскользнулся на чьих-то ещё дымящихся внутренностях и тяжело – так, что лязгнули зубы – грохнулся на спину. Сверху тут же повалился кто-то ещё, и Петросу с огромным трудом удалось сбросить с себя мёртвое тело и вновь подняться на ноги. На него тут же налетел огромный, заросший до самых глаз чёрной бородой, пират и, ловко орудуя абордажным копьём, сорвал с руки щит, после чего, плотоядно оскалась, стал тыкать в лицо страшным окровавленным крюком. Петрос пятился, уворачиваясь и с трудом отбиваясь мечом.

– Х-ха!! – крикнул кто-то сбоку, и пирата буквально смело ударом тяжёлого копья.

Это был Гийора – декан-два – тоже без щита, в разрубленной в двух местах кольчуге, с ног до головы залитый то ли своей, то ли чужой кровью.

– Не зевай, командир!.. – проорал он, пытаясь выдернуть своё копьё из всё ещё дёргающего ногами тела противника. – Эх, драка-то какая! А?!..

– Сзади!! – бросаясь к нему, крикнул Петрос, но не успел.

Голова Гийоры отвалилась и упала к его ногам. А перед Петросом уже стоял новый противник – быстрый, ловкий, прикрытый щитом и блестящим тораксом, с длинным кавалерийским мечом – спатой – в отведённой для удара руке. Петрос, выставив перед собой меч, отпрыгнул назад. Краем глаза он видел, что рядом, на полу, валяется щит, но понимал, что схватить его не успеет – слишком мала дистанция и слишком стремителен его враг. Над краем щита противника Петрос видел нацеленные на него, немигающие прищуренные глаза. Враг был спокоен, он понимал, что на тесном пространстве палубы Петросу некуда от него деться. Петрос попытался уйти вбок, вдоль парусной фалы, но пират резким коротким выпадом преградил ему путь. Петрос отступил ещё на пару шагов и упёрся спиной в мачту. Противник, мгновенье поколебавшись, двинулся в атаку, но тут же упал на колени и, выронив меч, повалился лицом вниз – из его затылка, белея оперением, торчала стрела. Петрос быстро подхватил с палубы свой щит и, выпрямившись, огляделся. Бой шёл по всему кораблю. Трещали, сталкиваясь, щиты. Над головами, вспыхивая на солнце, быстро мелькали мечи. Кто-то высоким голосом протяжно кричал, зовя на помощь. Слышался тяжёлый топот, насадное сопение, и многоголосая яростная ругань. Густо несло свежей парной кровью.

На смотровой площадке, широко расставив ноги, стоял капитан Мильтиадис и умело отбивался копьём от лезущих к нему, вверх по узкой лестнице, пиратов. За спиной капитана располагались оба кормовых лучника. Они работали. Движения их были размеренны и спокойны. Они быстро, но без суеты выуживали стрелы из заплечных колчанов, не глядя клали их на тетиву и, мощным коротким движением согнув лук, били в упор по нападавшим. Видимо, именно оттуда прилетела спасшая Петроса стрела. Ещё несколько человек из корабельной команды рубились на дальнем конце капитанского мостика, отбиваясь от лезущих на него со стороны кормы по приставным лестницам разбойников.

Капитана надо было выручать, и Петрос вдоль левого борта, где было посвободней, кинулся на корму, по ходу срубив, как молодое деревце, какого-то зазевавшегося недомерка.

На корме было горячо. Нападавших здесь было гораздо больше, чем оборонявшихся, и участь последних была предрешена – они, человек десять-двенадцать, прижатые к рулевой балке, отбивались из последних сил. Петрос, как коршун, налетел на пиратов сзади, рубя направо и налево, и через короткое время ситуация поменялась на обратную: уже разбойники были прижаты к заднему борту и не помышляли больше ни о чём, кроме спасения. Через несколько мгновений всё было кончено: несколько пиратов прыгнули в воду, пятеро были убиты на месте, а один, отбросив меч и щит и подняв руки, упал на колени, моля о пощаде. Петрос, почти не глядя, наискосок рубанул его мечом и ногой через пролом в перилах столкнул тело за борт.

– Эй!! – обернувшись к смотровой площадке, заорал он. – Эллада!! Держись!!..

Приведённая Петросом к капитанскому мостику команда решила исход боя. Пиратов, несмотря на их яростное сопротивление, сначала оттеснили к борту, а затем обратили в бегство.

Очень помогли при этом лучники, продолжавшие методично расстреливать разбойников со смотровой площадки. А когда последних пиратов добивали возле всё той же рулевой балки, с носа «Солариса» подоспел Арон с немногочисленными остатками своего отделения. На носу тоже всё было кончено.

Из-под капитанского мостика приволокли двоих, пытавшихся там спрятаться, разбойников.

– Кто вас послал? – приставив меч к груди одного из них, спросил Петрос. – Кто вам рассказал про наш корабль?

– Мы... Я не знаю... – промычал пленный. – Старший знает... – он пошарил глазами. – Его, наверно, убили.

– Ответ неверный... – сказал Петрос и, ткнув мечом пирату под бороду, пинком столкнул его за борт. – Ты! – положил он окровавленное лезвие на грудь второго.

Тот, бешено вытаращив глаза, задёргался и зашепелявил:

– Я скафу! Я фсё скафу! Только не убифай!..

– Ну! – подтолкнул его мечом Петрос.

– Носью! Он пфискакал носью! – давясь и выкатывая глаза ещё дальше, заторопился тот. – Пфискакал и сказал, фто утфом будет судно! С хофосей добысей!..

– Кто?! Кто прискакал?!

– Из Кесафии! Я его не знаю! Он из Кесафии!.. И он глафней нафего атамана! Он пфиказыфал!..

– Имя! Имя его ты знаешь?! Ваш атаман его по имени называл?!

Пират замотал головой так, что с его окровавленной бороды во все стороны полетели брызги.

– Нет! Не называл! И я его не знаю!.. Не убифай меня! Пфошу! Пофалуйста! Я фсё сказал! Пфафда!

– Хорошо, – сказал Петрос, отводя от его груди меч. – Я тебя не убью. Можешь идти.

– Куда?! – снова вытаращился тот.

– Туда, – кивнул Петрос на тёмно-синюю, с крохотными белыми барашками волн, забортную воду.

– Но я!.. Я федь не умею плафать!

– А ты пешком, – посоветовал Петрос. – Пешком. По дну. Здесь до берега недалеко... – и сильным толчком щита сбросив разбойника за борт, повернулся к обступившим его членам команды. – Ну?! Чего стоим?! Ещё ничего не кончилось!.. Слушать меня! Осмотреться на корабле! Всех мёртвых – за борт! Всех чужаков – живых, полуживых, полумёртвых – за борт! наших раненых снести в одно место и перевязать!.. Мильтиадис! Эй, капитан! Скорость не снижать! Курс прежний!.. Пока прежний!.. Посмотри, что у нас с кораблём. Какие повреждения? И что у тебя с командой? Плыть дальше сможем?!.. Где Тасаэль?!.. Кто видел Тасаэля?!..

Начальник экспедиции нашёлся в своей комнате, где он на пару со своим слугой Дивиконом прятался в самом дальнем углу – за большим, окованным железом, сундуком. Петрос чуть ли не за шиворот выволок зятя из его укрытия.

– А теперь без дураков, Тасаэль! Что мы везём?! Что на самом деле в этих чёртовых корзинах?!

– К-как что? – ёжась и запинаясь отвечал Тасаэль. – Ты же знаешь... – глаза его бегали, он явно прислушивался к тому, что делается на палубе. – А что... нападение... отбили?

– Отбили! – отмахнулся Петрос. – ЭТО нападение мы отбили. Но думаю, оно не последнее. А теперь послушай меня! Нападение было не случайным. Понимаешь?! Кто-то из Кесарии приказал пиратам напасть именно на «Соларис»!..

– Откуда ты знаешь?!

– От верблюда!.. Я допросил одного из пленных. Имён он никаких, к сожалению, не назвал, но сказал конкретно, что напасть на «Соларис» им приказал человек, прискакавший ночью из Кесарии.

– Не... не может быть... – пробормотал Тасаэль.

– Отчего же не может?! – удивился Петрос. – По-моему, так очень даже может! Сначала кто-то очень не хотел, чтобы «Соларис» вышел в море. А теперь, когда он всё-таки ушёл из Кесарии, кто-то, понимаешь, очень хочет перехватить наш груз по дороге... Это не было случайным нападением, Тасаэль! Пираты точно знали, куда они идут и за чем! Не веришь?! А ты вспомни! Вспомни! В самом начале нападения. Что они нам кричали с лодок? Они кричали: «Эй! На

"Соларисе"!..» А теперь подумай, откуда они могли знать название нашего судна?! На корабле ведь нигде не написано, что он называется именно «Соларис»! Так?! А они знали! Понимаешь?! Знали!.. Так что у нас всё-таки в трюме, Тасаэль?! Скажи мне! Хватит держать меня за болвана! Я должен знать, что мы везём! Ты же помнишь – на кону жизнь моего сына! Так что скажи мне – что мы везём?! Что?!

– В-вазы... керамику... – промямлил Тасаэль. – Коллекцию, в общем. Ты же знаешь!

– Знаю, – сказал Петрос. – Но я также знаю, что ни одна коллекция в мире не стоит тех усилий, которые уже затратил кто-то, пытаясь сначала не выпустить её из Кесарии, а потом захватить на полпути к Сидону. Так что скажи мне лучше правду.

– Я говорю тебе правду! – забормотал-заторопился Тасаэль. – Просто это очень дорогая коллекция! Я же тебе говорил! Сорок тысяч денариев! Целое состояние! И это при том, что я покупал её оптом. Да-да, оптом! А если её продавать по частям, можно заработать ещё больше! Там же есть просто уникальные вещи!..

– А ну пошли! – оборвал его Петрос.

– Куда?! – испугался тот.

– Пошли-пошли! – Петрос ухватил Тасаэля под локоть и потащил наружу. – Пойдём, посмотрим на твои уникальные вещи! Пойдём!..

– Подожди!.. – упирался Тасаэль. – Постой!.. Неужели ты посмеешь?!.. Да постой же ты!

Вытащенный на палубу, он принялся дико озираться, разглядывая следы недавнего побоища: залитую кровью палубу, лежащие повсюду трупы, валяющиеся под ногами щиты и оружие, порубленный в лохмотья такелаж. Петрос упрямо тащил зятя к расположенному за мачтой, в передней части корабля, входу в трюм.

– Снимай печати! – подведя Тасаэля к наглухо задраенному трюмному люку, приказал он.

– Ещё чего! – тут же взъерепенился Тасаэль. – И не подумаю!

– Ну и ладно! – повёл плечом Петрос. – Сам справлюсь.

Он отодвинул зятя в сторону, вытащил из ножен кинжал и принялся одну за другой срезать восковые печати.

– Ты!.. Ты не смеешь!.. – затанцевал вокруг него Тасаэль. – Это возмутительно!.. Я... Я тебе запрещаю!

– Я понял... – кивал Петрос, продвигаясь с ножом вокруг люка. – Понял... Ты мне запрещаешь... – он ухватился двумя руками за край люка и с натугой отвалил тяжёлую дубовую крышку. – Лезь! – кивнул он Тасаэлю на открывшееся квадратное отверстие.

– Никуда я не полезу! – отшатнулся от люка Тасаэль.

Но Петрос кулаком с зажатым в нём кинжалом подтолкнул его обратно.

– Лезь!

– Это... Это насилие! – с достоинством сказал Тасаэль. – Я пожалуюсь Агриппе! Ты будешь наказан!

– Агриппа далеко, – отозвался Петрос, – а я рядом. Не зли меня – лезь!

Тасаэль заткнулся и, осторожно ставя ноги, стал с опаской спускаться по крутой лестнице. Петрос, дождавшись, когда зять достигнет дна, скатился следом. Недолго думая, он схватил первую попавшуюся корзину и, с трудом втащив её в квадрат падающего сверху света, принялся торопливо вспарывать рогожную обшивку.

– Петрос!.. Петрос, не смей! – закричал Тасаэль, хватая шурина за руку. – Там царские печати! Ты что, с ума сошёл?!.. Петрос, я прошу тебя!

Петрос молча отстранил его плечом, продолжая вспарывать с трудом поддающуюся ножу двойную рогожу. Вскоре открылась плетёная крышка корзины. Петрос аккуратно срезал две большие печати по краям и, приподняв крышку, отложил её в сторону. Корзина была доверху наполнена древесной стружкой.

– Знал бы я... – угрюмо проворчал за его спиной Тасаэль. – Знал бы я, что ты такой – ни за что бы не порекомендовал тебя царю... Да ты сам – хуже пирата!

– Да, – сказал Петрос, разгребая руками стружку, – я такой. Босой, понимаешь, неподпоясанный, дёгтем перемазанный...

На поверхности показался бок завернутой в тонкую ткань большой чаши. Петрос вытащил её из корзины, отряхнул от налипшей на материю стружки и аккуратно развернул. Это был кратёр – большой сосуд с двумя ручками, предназначенный для смешивания вина с водой. Петрос бережно поставил его на пол и снова склонился над корзиной. Одно за другим из-под ароматной кедровой

стружки стали появляться различные керамические изделия: кубки, блюда, небольшие изящные вазы. Все они были тщательно завернуты в несколько слоёв ткани, а некоторые ещё и перевязаны поверху тонкой бечёвкой. Наконец из корзины была извлечена последняя вещица – большое плоское блюдо, разукрашенное плывущими сквозь водоросли лупоглазыми рыбами.

– Ничего не понимаю!.. – бормотал Петрос, засунувшись по пояс в корзину и яростно шаря руками в оставшейся на дне стружке. – Здесь же нет ничего!

– Ну что? Убедился? – ехидно спросил за его спиной Тасаэль. – Я ведь тебе говорил. А ты: «Лезь! Лезь! Не зли меня!»... Ну и что ты теперь скажешь Агриппе?

Петрос наконец выбрался из корзины, стружка свисала с него клочьями, как шерсть с плохо остриженной овцы.

– Послушай, – даже как-то жалобно обратился он к зятю, – объясни мне дураку. Я ничегошеньки не понимаю!

– А чего тут понимать?! – удивился Тасаэль. – Я ж тебе сто раз уже говорил: коллекция там! Дорогая! ОЧЕНЬ дорогая! Ты же меня не слушаешь! Вбил себе невесть что в голову! А мы коллекцию керамики везём! Синайской керамики! Понимаешь?! Кол-лек-ци-ю!

– Господи! – воздел руки Петрос. – Куда катится этот мир?! Нет! Куда он прикатился?! Мало того, что за какие-то глиняные миски, за какие-то черепки, цена которым две пруты за дюжину, люди готовы платить сумасшедшие деньги, так они ещё, понимаешь, убивать за эти черепки готовы! Сколько людей положили сегодня и своих, и чужих!

– Где большие деньги – там всегда смерть ходит... – равнодушно пожал плечами Тасаэль. – Так что теперь со всем этим делать будем? – кивнул он на разорённую корзину.

– С этим? – переспросил Петрос. – Это всё – ерунда! Закроем, по-новой обошьём, ты своей печатью опечатаешь. Главное, всё цело. Ни один ваш грёбаный черепок не пострадал... – он оглядел себя и принялся отряхиваться. – Ты мне другое скажи. Куда мы теперь?

– Как куда?! – удивился Тасаэль. – В Сидон, конечно!

– А если подумать? – Петрос распрямился и в упор посмотрел на зятя. – Я полагаю, нам теперь не следует соваться в Сидон. И вообще. Думаю, нам вовсе не следует плыть по утверждённому в Кесарии маршруту. Как говорится, целее будем.

Тасаэль хотел возразить, даже открыл рот, но потом хмыкнул и принялся сосредоточенно скрести пальцем висок.

– То, что ты говоришь, разумно... – наконец ответил он. – Разумно... Кто-то действительно охотится за нашим грузом. И этот кто-то очень хорошо осведомлён... Если нас попытались перехватить на полпути к Сидону, значит, вполне могут попытаться перехватить и где-то дальше... Да, ты прав! В Сидон нам соваться не следует!

– И в Саламис тоже, – добавил Петрос. – Скажи, мы можем на Кипре зайти в какой-нибудь другой порт?

Тасаэль задумался.

– В Пафос разве что. Там проконсулом Квинт Сергей Пауль. Он друг Агриппы. Полагаю, он нас приветит и... И там мы будем в безопасности.

– Ну, пусть будет Пафос, – согласился Петрос. – Мне, по большому счёту, без разницы. Лишь бы груз сохранить... Ладно, давай-ка здесь всё приберём, назад запакуем да пойдём обрадуем капитана...

Когда через четверть часа они выбрались из трюма, количество покойников на палубе заметно поубавилось. Стараясь не наступать в ещё не засохшие лужи крови, они пробрались к кормовой надстройке. Из её окон слышались стоны раненых, которых снесли сюда со всего корабля. Капитан Мильтиадис, заложив руки за спину, с невозмутимым видом прохаживался по мостику. Петрос и Тасаэль по скользкой от крови лестнице поднялись к нему.

– Ну что, чем порадуешь, капитан? – спросил Петрос меднолицего грека.

Тот фыркнул.

– Радоваться особо нечему. У меня от команды осталось трое. Остальные убиты. Включая обоих рулевых... Рулевые – это потеря. Понимаешь? Нет?.. От ваших тоже мало что осталось. Девять убитых и ещё семеро раненых, из которых четверо вряд ли доживут до Сидона...

– Мы не пойдём в Сидон, капитан, – перебил его Петрос.

– То есть как это «не пойдём»?! – удивился Мильтиадис и вопросительно посмотрел на Тасаэля. – А куда же мы тогда?

– На Кипр, – сказал Тасаэль. – Ты сможешь привести нас на Кипр, капитан? В Пафос.

– В Па-афос... – протянул Мильтиадис и в задумчивости принялся обеими руками чесать в своей густой чёрной шевелюре. – А почему не в Сидон? У нас же раненые. Да и «Соларис» подлатать не помешало бы. Нет?

– А в Сидоне нас, скорее всего, ждут, – сказал Петрос. – Друзья-приятели наших сегодняшних гостей. Надеюсь, ты не хочешь, чтобы всё это... – он обвёл рукой вокруг себя, – ещё раз повторилось в сидонском порту?

– Да уж... – крикнул капитан. – Такого и врагу не пожелаешь...

– Ну так что, – снова спросил Тасаэль, – ты доведёшь «Соларис» до Пафоса?

Мильтиадис наконец оставил в покое свою буйную причёску.

– Три дня пути, – задумчиво сказал он. – Это если ветер не переменится... И если ваши люди заменят мне моих убитых матросов.

– Заменят, – заверил его Петрос. – В этом ты можешь быть совершенно уверен. В этом ты даже не сомневайся. Ты, главное, приведи нас, понимаешь, на Кипр...

3

В Пафосе задержались на неделю.

Как оказалось, повреждения, полученные «Соларисом» в бою, были более серьёзными, чем предполагалось ранее: несколько досок обшивки носовой части оказались проломленными – видимо, вследствие столкновения онерарии с пиратской лодкой. Кроме того, было сломано правое рулевое весло и повреждена рулевая балка.

– Нам сильно повезло, что все три дня море оставалось спокойным, – разглядывая зловещие трещины на носовой обшивке, сказал капитан Мильтиадис. – Если бы пошла хоть небольшая волна, нам бы здесь за пару часов всё размолотило. Соображаешь? Нет?.. И мы бы тогда... – он замолчал и, заложив руки за спину, принялся покачиваться с пятки на носок.

– Что «мы бы тогда»?! – испуганно спросил Тасаэль.

– Рыб на дне кормили, – закончил за капитана Петрос и примирительно добавил: – Ну, должно же нам было, в конце концов, хоть раз в чём-то повезти! А то до сих пор, понимаешь, одни только невезения!

– Здесь серьёзная работа, – кивая на свой израненный корабль, заметил Мильтиадис. – Так что мы можем в Пафосе, чего доброго, надолго застрять...

Но всё сложилось как нельзя лучше.

Кипрский проконсул Квинт Сергей Пауль, узнав, что «Соларис» везёт подарок от одного его близкого друга, царя Агриппы, другому – Великому кесарю Клавдию, оказал гостям самый радушный приём и предложил любую посильную помощь.

Раненые были определены в гарнизонный лазарет, команда онерарии – доукомплектована, на ремонт судна были отряжены лучшие пафосские корабли.

Тасаэль, Петрос и капитан Мильтиадис были приглашены во дворец проконсула в качестве гостей. Бесценный груз во избежание каких-либо недоразумений был также перевезён во дворец и помещён под надёжную охрану легионеров из состава подчинённой проконсулу вексиллии Третьего «Галльского» легиона, базировавшейся на Кипре.

В процессе длинных и неторопливых застольных бесед во время дворцовых обедов, затягивающихся обычно за полночь, как-то само собой выяснилось, что хозяин дворца когда-то был коротко знаком и даже дружен с Йосэфом бар-Нэхэмьей – первым кипрянином, вступившим в йерушалаимскую христианскую общину. Давний решительный поступок Йосэфа, очень небедного, вполне благополучного землевладельца, положившего всё своё состояние на алтарь веры, в своё время немало поразил Квинта Сергия Пауля, заставив его вынырнуть из засасывающей рутины служебных дел, из никогда не прекращающегося круговорота дворцовых интриг, празднеств и забав, и задуматься о вечном. Как оказалось, проконсул уже давно тяготился официальной имперской религией и тянулся к единобожию, справедливо полагая, что с одним Богом человеку договориться всё-таки проще, чем с целым выводком богов, не способных договориться даже друг с другом. Разговоры на эту тему вскоре стали доминировать за столом. Тасаэль горячо и настойчиво убеждал проконсула в истинности и незыблемости еврейской веры. Петрос время от времени поддакивал, не забывая упоминать о скором и неизбежном приходе Спасителя. Меднолицый капитан Мильтиадис, видимо, опасаясь мести своих, греческих, богов, во время этих разговоров благообразно помалкивал, усиленно налегая на прекрасные местные вина, богатейшая коллекция которых хранилась в подвалах дворца.

Впрочем, ни о чём конкретном не договорились. Вся готовность проконсула перейти в новую веру тут же съёживалась, сдувалась, как проколотый рыбий пузырь, едва разговор заходил об обязательном ритуале обрезания.

Неделя пролетела быстро, за два дня до августовских ид старший корабелов-ремонтников доложил проконсулу о полной готовности «Солариса» к выходу в море, и уже на следующий день онерария покинула гостеприимный Пафос, взяв курс на ликийскую Мйру.

В дальнейшем плавание протекало, в целом, спокойно. Лишь в ахайском Мотоне в ожидании попутного ветра пришлось задержаться на восемь дней.

Накануне сентябрьских календ «Соларис» наконец достиг италийских берегов и, сложив розовые от закатного солнца паруса, бросил якорь в тёмно-фиолетовые воды маленькой уютной гавани возле стен отходящего ко сну Региа-Юлия.

– Ну вот, – устало ворочая шеей так, как будто это именно ему пришлось тащить на себе через моря весь груз онерарии, сказал Тасаэль, – самое трудное позади. Теперь четыре, ну, может, пять дней спокойного плавания – и мы в Остии. Как раз к Романским играм поспеем...

Капитан Мильтиадис отреагировал на эти слова странно. Он, как взнузданный конь, высоко задрал голову, фыркнул и, с грохотом скатившись с мостика, двинулся по кораблю, ругаясь самыми страшными словами и рассыпая вокруг себя тумачи и затрецины.

– Чего это он? – удивлённо повернулся к шурина Тасаэль.

Петрос укоризненно постучал костяшками пальцев себе в лоб.

– Ты думай, что говоришь! «Четыре-пять дней...»! Разве можно наперёд загадывать?! Да ни один моряк никогда, понимаешь, не скажет: я буду в таком-то порту через столько-то дней. Загадывать наперёд – значит, по сути, дразнить богов. Искушать их терпение. А богов у греков много, сам знаешь. Может, даже больше, чем у романцев. Во всяком случае, точно знаю, у них каждым ветром управляет свой бог.

Тасаэль брезгливо скривил губы:

– Одно слово – язычники!

– Язычники не язычники, а относятся они к своим богам так же серьёзно, как мы к своему.

– Ну и что он теперь, из-за этого дальше не поплывёт? – скептически усмехнулся Тасаэль.

– Ну, поплыть-то он, конечно, поплывёт, – хмыкнул Петрос. – Вопрос: когда? Вот увидишь, он будет теперь всячески оттягивать отправление.

– Я ему пооттягиваю! – сдвинув брови, грозно произнёс Тасаэль. – Пусть только попробует! И так уже столько времени потеряли!.. – и, повысив голос так, чтоб его было слышно на всём корабле, добавил: – Я начальник экспедиции, и я здесь определяю день и час отплытия!.. Завтра же выходим на Остию!..

Но завтра же выйти на Остию не получилось – ночью капитан Мильтиадис исчез.

Вместе с ним исчез и малый корабельный ялик. Это позволяло надеяться на то, что меднолицый капитан не растворился ночью в благоуханном италийском воздухе и не отправился в гости к морским богам – вымаливать прощение за дерзкие слова своего пассажира, а прозаично съехал на берег, где теперь его и надлежало искать.

Тасаэль рвал и метал, а Петрос, на удивление, оставался спокойным. Он почему-то был уверен, что, во-первых, с Мильтиадисом всё будет хорошо, всё обойдётся – ничего дурного с капитаном на берегу не случится. А во-вторых, что всё теперь будет хорошо и с «Соларисом», а также с упрятым в его трюм ценным грузом: охотящийся за ним недоброжелатель, кем бы он ни был, остался где-то там, далеко, за многими и многими морскими переходами – на выжженных солнцем, безжизненных берегах Палестины. Что же касается потерянного времени... Ну что ж, потерянное время, конечно, назад не вернёшь, но ведь, с другой стороны... а куда, скажите на милость, торопиться? Прибудут они в Рому днём раньше или десятью днями позже – от этого, по большому счёту, ничего не изменится. Это, надо понимать, сейчас мало кого волнует. Если уж царю Агриппе было всё равно, когда груз прибудет на место, то ему, отставному приму и обычному охраннику, отвечающему лишь за сохранность груза, – и подавно! Главное, понимаешь, груз цел! А значит, юному Марку, оставленному в кесарийском дворце в качестве заложника, ничто не угрожает.

Поиски Мильтиадиса затянулись почти на двое суток, и Петрос не был ни чуточки удивлён, когда суеверного капитана наконец обнаружили в одной из максимально удалённых от гавани дешёвых попин в состоянии полнейшей пьяной остекленелости. Взбешённый начальник экспедиции прямо там, в попине, набросился на «дезертира» с кулаками. Выглядело это смешно.

Драться Тасаэль не умел, махал кулаками нелепо, как-то по-женски, но, к удивлению Петроса, в конце концов умудрился-таки расквасить Мильтиадису его прямой, как копьё Аполлона, образцовый греческий нос. Петросу пришлось вмешаться. Он оттеснил разбушевавшегося зятя в сторону и приказал своим людям доставить загульного капитана на корабль. Мильтиадис, к слову сказать, всей этой суеты вокруг себя, похоже, вовсе не заметил. Никак не реагируя на происходящее, он продолжал по-младенчески счастливо улыбаться и что-то бессвязно бормотать, обильно пуская разбитым носом кровавые розовые пузыри. Притащив капитана на корабль, Петрос взял его под свою опеку и, собрав воедино весь свой богатый легионерский опыт, за одну ночь привёл Мильтиадиса в надлежащее его ответственной должности состояние.

– Всегда одно и то же... – бормотал Петрос, поливая специально доставленной с берега холодной родниковой водой понуро сидящего в кадке голого капитана. – Что тогда, на «Салакии», что здесь... И что за нежный народ, вы, моряки! Ну, хочешь выпить – выпей! Что ж я, не понимаю?! Коль душа горит! Но нельзя же вот так... с высокой горы да, понимаешь, в глубокую яму!..

Утром третьего дня «Соларис», выбрав якоря и подняв главный парус и артемон, вышел из гавани Регию-Юлия и, благополучно миновав изобилующую коварными течениями горловину Мессэнского пролива, взял курс на север. Впереди лежало Нижнее море...

– Эй! Нестор! А ну-ка убери верхний парус!.. Слышишь?! Нет?!.. Что-то не нравится мне этот ветерок!

Капитан Мильтиадис, заложив руки за спину, стоял в центре смотровой площадки и по своей излюбленной привычке покачивался с пятки на носок. Час назад «Соларис» вышел из маленькой, насквозь пропахшей вулканической серой, бухточки на северной оконечности острова Энэрия, где он провёл ночь, и теперь под всеми тремя парусами резво бежал к конечному пункту своего плавания – Остии, до которой оставалось ещё примерно два дневных перехода. Ветер, который так не понравился меднолицему капитану, дул с юго-востока, изрядно подгоняя онерарию но, в то же время, постепенно отжимая её от итальянского берега. Подвёрнутый артемоном «Соларис» шёл, слегка накренившись на левый борт, со звоном разбивая бегущую навстречу невысокую крутую волну. Недавно взошедшее солнце висело справа по борту, прямо над далёким Везувием, конус которого напоминал отсюда маленькую пирамидку, одну из тех, которые дети всех стран и народов лепят на свою забаву из прибрежного ила или песка.

– Ходко идём!.. – блеснул морским словечком стоявший сбоку от капитана Тасаэль.

Начальник экспедиции пребывал в добром расположении духа. Он выспался, вкусно поел, морская болезнь уже давно не терзала его, долгое и опасное плавание близилось к своему завершению – так что всё обстояло хорошо и даже прекрасно. Ветер был плотным, почти попутным, онерария шла быстро, с каждым мгновением сокращая и без того уже не особо большое расстояние до конечной точки маршрута. Если ветер не переменится и не ослабнет, можно будет, чего доброго, попасть в Остию не к завтрашнему вечеру, а гораздо раньше – может, даже к утру!

Тасаэль хотел было озвучить это своё оптимистичное предположение, но, наткнувшись на немигающий взгляд Мильтиадиса, сердито поджал губы и промолчал. Петрос, угадавший ход мыслей своего зятя и наблюдавший со стороны этот бессловесный обмен взглядами, усмехнулся – всё-таки урок морских традиций, преподанный в Регию-Юлия меднолицым капитаном начальнику экспедиции, не пропал даром.

В пятом часу ветер усилился. Волны стали выше, и «Соларис» теперь то и дело тяжело зарывался в них носом, с шумом вздымая вверх целые каскады белоснежных пенных брызг. Главный парус был натянут до предела, мачта заметно согнулась вперёд, шкоты под ветром басовито гудели, как потревоженные в дупле дикие пчёлы. На небе по-прежнему не было ни единого облачка. Солнце, поднявшись почти к зениту, немилосердно жарило затылок.

Капитан Мильтиадис уже не покачивался с пятки на носок. Широко расставив ноги и ухватившись побелевшими пальцами за планширь ограждения, он стоял в правом переднем углу мостика и, наклонившись вперёд, напряжённо всматривался в горизонт, пытаясь разглядеть, зацепиться взглядом хоть за какой-нибудь береговой ориентир. Но за беспорядочно скачущими табунами взбесившихся белогривых волн итальянского берега уже не было видно.

– Нам мачту не сломает? – тревожно спросил Тасаэль, с трудом подобравшись к Петросу по то и дело уходящей из-под ног палубе. – Я отсюда слышу, как она трещит... Может, сказать Мильтиадису?

– Не суйся! – предупредил зятя Петрос. – Не лезь! Поверь, у него слух не хуже, чем у тебя... И вообще! Он – капитан, мы – пассажиры. Ему виднее. Так что стой и не рыпайся!

– Что-то муторно мне от всего этого, – помолчав, кивнул Тасаэль на забортное нагромождение волн.

– Муторно – сходи потощни, – посоветовал Петрос и сердито отвернулся.

Но он понимал зятя. Вид взбаламученного моря, тяжёлый плеск волн, пляшущая под ногами палуба, содрогания и скрип корабля – всё это и в него вселяло беспокойство, вызывало какое-то внутреннее напряжение, заставляло судорожно сжиматься желудок. Это не было тошнотой. Это было именно муторностью.

Вскоре после этого разговора лопнул крайний левый шкот, и капитан тут же приказал убрать главный парус. Теперь «Соларис» шёл под одним артемоном, по-прежнему повёрнутым максимально круто к ветру. Удерживать корабль на курсе стало гораздо труднее, и капитан отправил на помощь выбивающимся из сил рулевым ещё двоих матросов. Судно заметно сбавило ход. Пена теперь летела не из-под носа корабля, а сзади – ветер срывал её с гребней волн и швырял через кормовой борт на заднюю площадку, где мокрые от пота и солёных брызг матросы с трудом удерживали рвущуюся из рук, ходящую ходуном рулевую балку. Волны теперь тоже накатывали сзади. Первым делом они со скорлупочным треском раскололи о корму болтавшийся за кораблём на привязи ялик. А потом стали с методичностью молотобойца бить в корму, и от их тяжёлых ударов «Соларис» всякий раз вздрагивал и вскидывался, как обожжённый плетью взнузданный конь.

Время тянулось медленно, день казался бесконечным, но как-то незаметно и вдруг оказалось, что солнце уже обогнуло корабль и теперь – огромное, болезненно опухшее, – висит слева, над поднимающимся и вновь тяжело опадающим бортом «Солариса». Оно постепенно, но всё быстрее катилось вниз, к обезумевшим в своей неистовой пляске, грязно-пепельным волнам, и от вида этой пляски само постепенно раскалялось, наливалось тяжёлой багровой злобой. Его плотные, почти осязаемые терракотовые лучи били теперь прямо в дрожащий, напряжённо выгнутый артемон, и казалось, что это именно они, а не ветер, раздувают, вспучивают парус, пытаются сорвать его с мачты и унести в кипящую дымную даль, за сизо-белёсый мутный горизонт – в сторону невидимого и недостижимого теперь итальянского берега.

Умиращее солнце ещё не полностью утонуло в густой сиреневой дымке, а справа, в тёмно-фиолетовом небе уже зажглись первые, испуганно дрожащие звёзды. Ветер в предчувствии ночи всё больше свирепел. Он уже не гудел, он выл в изнемогающих от напряжения вантах. Волны с тяжёлым грохотом били в корму. После каждого такого удара целые водопады с шумом рушились через задний борт и, шипя и кипя, растекались по качающейся и кренящейся палубе. На руле уже стояло шестеро матросов, но и они не могли совладать с нечеловеческой силы ударами обезумевших волн.

– Держать!!!.. Держать корму!!!.. – надрываясь, орал капитан Мильтиадис, перегибаясь через перила вниз – к вцепившимся мёртвой хваткой в рулевую балку матросам, он уже не ругался страшными чёрными словами, он просил, умолял выбивающихся из последних сил рулевых: – Ради всех богов, мальчики, держите корму!!!..

Но удержать корму «мальчикам» не удалось. Огромный пенный вал, накатив сзади, с треском сломал левое рулевое весло. Корму тут же потащило вбок, и онерария встала поперёк волн.

– Парус!!!!.. – страшным голосом закричал капитан. – Нестор!! Парус – под ветер!!!..

Но было поздно. Очередная волна, чёрной стеной поднявшаяся справа, была, казалось, выше мачт. Её светящийся пенный гребень надвигался, неотвратимо вздымался, нависал, с шипением гасил звёзды и наконец оттуда, от звёзд, обрушился вниз – на корабль. Онерария содрогнулась всем телом и тяжело легла на левый борт. Многоголосый крик ужаса взлетел над кораблём, но тут же был скомкан и унесён прочь хохочущим ветром. Пенный вал прокатился по палубе, снося всё и всех на своём пути. Петроса швырнуло через весь мостик. Он больно ударился грудью об ограждение и, ухватившись одной рукой за скользкий планширь, другой умудрился поймать за шиворот уже почти перевалившегося через перила Тасаэля. «Соларис», скрипя и постанывая, как

от боли, стал медленно, как будто нехотя, подниматься. Петрос видел, как за бортом, в кипящей пене мелькнули и тут же пропали чьи-то головы и цепляющиеся за воздух руки.

– Господи!.. Господи!.. Господи!.. – хрипло шептал Тасаэль, судорожно хватаясь за Петроса; его обезумевшие глаза были широко распахнуты, в зрачках – огромных и чёрных – плясал ужас.

Петрос оглянулся и не увидел на мостике капитана Мильтиадиса. А сзади, из фиолетовой тьмы, уже надвигалась, вздымалась, накатывала новая убийственная волна.

– Держись!! – заорал Петрос, изо всех сил прижимая трепещущего, как голубь под рубахой, зятя к перилам.

Волна ударила в борт, и «Соларис» вновь тяжело завалился влево. Он лежал на боку долго, невыносимо долго – казалась, что он уже больше никогда не поднимется. Но вода стекла с палубы, и онерария, скрипя и стеноя, снова стала выпрямляться.

Оглушительно хлопнул артемон. Петрос взглянул вперёд и увидел на носу корабля силуэты людей, копошащихся возле вновь наполнившегося паруса. Петрос поразился. Ему казалось, что на судне все сейчас озабочены лишь одним – своим личным спасением, таким простым и понятным, естественным желанием выжить. Но кто-то, оказывается, не сдался, кто-то, рискуя жизнью, продолжал бороться за корабль!

Ещё одна волна, шипя, прокатилась по палубе. Но «Соларис» уже выправлялся, уже поворачивался кормой к ветру. Артемон, поставленный прямо, теперь выполнял роль флюгерного флажка, удерживая судно от смертельно опасных разворотов. Корабль медленно набирал ход. Он хотел уйти от волн, слиться с ними, спастись – кротким и смиренным бежать в их чреде туда, куда гнал всех исступлённый неистовый ветер.

На мостик с трудом взобрался весь промокший до нитки капитан Мильтиадис. У него была рассечена бровь, и тонкий тёмно-вишнёвый ручеёк, стекая по виску, терялся в мокрой бороде, вновь проявляясь, набухая на её остром кончике быстрыми розовыми каплями. Капитан, тяжело шатаясь, подошёл к Петросу с Тасаэлем, внимательно оглядел их побелевшими от усталости глазами и, отвечая на невысказанный немой вопрос, медленно покачал головой.

– Молитесь!.. – хриплым сорванным голосом сказал он. – Молитесь своему богу, евреи!.. А я буду молиться своим богам... – он помолчал и добавил негромко, едва слышно за рёвом ветра и грохотом волн: – Это единственное, что нам сейчас осталось, – молиться...

За час до полуночи из бледного зарева, растёкшегося по правому борту у горизонта, неторопливо выполз узкий стареющий месяц, выполз и стал медленно подниматься – грязно-жёлтый и неопрятный, как неровно обрезанный старушечий ноготь. В его тусклом тыквенном свете стали видны, проступили из непроглядной грохочущей тьмы, волны: взлетающие вверх, скачущие, опадающие, сталкивающиеся. Движения онерарии видно не было. Казалось, что «Соларис» просто стоит на месте, а волны, по какой-то причине озлобившиеся на корабль, налетают на него со всех сторон, бьют в борта, в нос, в корму, трясут и раскачивают его на своих могучих плечах, приподнимают и тут же швыряют вниз, во внезапно разверзшуюся под днищем бездну, и через какое-то мгновение снова вздымают вверх – прямо к безжалостно исколотому холодными звёздами, траурно-чёрному небу.

Эта странная смертельная игра волн с кораблём продолжалась всю ночь. Всю ночь «Соларис», облитый тускло-жёлтым лунным светом, шатался из стороны в сторону, как пьяный, спотыкался и падал в залитые чёрной водой бездонные ямы, вскидывался и принимался, скрипя всеми своими суставами, мучительно карабкаться куда-то наверх, чтоб через мгновение вновь сорваться и рухнуть в пропасть. Измученными людьми овладела апатия. Все, уцелевшие днём, лежали сейчас вповалку на палубе у главной мачты и своей кукольной неподвижностью и восковой желтизной лиц, скорее, напоминали мёртвых, нежели живых.

Петрос после многих попыток в конце концов нашёл для себя более-менее устойчивое положение: он сидел, вжавшись спиной в угол смотровой площадки, широко раскинув ноги и просунув руки между балясинами перил. Рядом с ним – на боку, головой к корме, обхватив руками один точёный столбик ограждения и упёршись лбом в другой, – лежал Тасаэль. На больших левых кренах ноги его отрывались от перил и начинали быстро скользить к противоположному борту, а на правых – ехали обратно и с размаху стучались об ограждение. Но это Тасаэлю нисколько не мешало – обессиленный и опустошённый пережитым, начальник экспедиции крепко спал. Петрос, опустив подбородок на грудь, тоже дремал, лишь время от времени вздрагивая, вскидывая голову и тревожно озираясь по сторонам. На корабле сейчас бодрствовали только двое. Капитан Мильтиадис, широко расставив ноги, как огромный чёрный

циркуль, неподвижно стоял в левом переднем углу мостика и, ссутулившись и тяжело опершись на планширь, неотрывно смотрел вперёд – в зловеще кипящую, шатающуюся тьму. А на носу корабля, у передней мачты, на фоне подсвеченного луной артемона, неподвижным тёмным изваянием громоздилась фигура силача Нестора, приставленного капитаном к барабанно натянутому, дрожащему от напряжения парусу.

Именно он, Нестор, на рассвете первым и увидел землю...

– Земля!!..

Петрос вскинул голову и больно ударился затылком о перила.

– Земля!!.. – снова донёсся с носа корабля разорванный ветром, отчаянный крик. – Вижу землю!!..

Петрос вскочил, неуверенно озираясь.

Небо побледнело. В светло-сиреневых предрассветных сумерках всё так же плясали вокруг корабля косматые свинцовые волны. Месяц – потускневший, ноздреватый – висел уже над кормой и был похож на забытую в тёмном сарае, заплесневелую скибу козьего сыра.

Перебирая руками по перилам, Петрос с трудом добрался до Мильтиадиса по ходящему ходуном капитанскому мостику.

– Не вижу!.. – с отчаяньем прохрипел Мильтиадис, мазнув по лицу Петроса воспалённым взглядом. – Ничего не вижу!.. – и, подавшись вперёд, крикнул сорванным голосом: – Нестор!! Эй!! Что там?!! Земля?!! Нет?!

Нестор обернулся к ним от артемона и махнул рукой, показывая вперёд.

– Да!! Да!!.. Прямо по курсу!!.. Земля!!.. Там!!

Люди на палубе зашевелились. Цепляясь друг за друга, они поднимались на ноги и, вытягивая шеи, пытались хоть что-нибудь разглядеть впереди по ходу корабля – в кипящих и мерцающих лиловых сумерках.

Рядом возник взволнованный, шумно дышащий Тасаэль.

– Что?!.. Что там?! Земля?!.. Это Италия, да?!.. Что вы молчите?!.. Мильтиадис!!

– Не вижу я ничего!.. – зло огрызнулся капитан. – Если увижу – скажу... Но в любом случае это не Италия. Мы всю ночь шли на северо-запад. Ветер только недавно чуть подвернул к югу... Может... Может, это Сардиния? Нет? Хотя... Вряд ли нас могло отнести так далеко на запад.

– А может, это какой-нибудь остров? – предположил Петрос. – Здесь есть какие-нибудь острова?

Мильтиадис пожал плечами.

– Это могли бы быть Понтийские острова, но, по моим прикидкам, мы их должны были уже давно миновать. Неужели... неужели я ошибся в расчётах?!.. Нестор!! – хрипло гаркнул он. – Ну что там?!! Видишь?! Нет?!..

– Не вижу!!.. – донеслось с носа корабля. – Пока не вижу!!.. Было, а сейчас нет!!

– А чтоб тебя!.. – хрипло выругался капитан.

– А Понтийские острова это для нас хорошо?.. Или как? – спросил Петрос.

Мильтиадис хмыкнул.

– Это для нас очень хорошо! Это было бы для нас настолько хорошо, что... что так не бывает. Это означало бы, что мы в одном переходе от Остии... Нет, не может быть! Наверно, Нестор просто ошибся. Не должно здесь быть никакой земли!.. Мы сейчас должны быть где-то посередине между Италией и Сардинией. На расстоянии – что туда, что туда – где-то стадиев в шестьсот-семьсот. Так что...

– Гос-споди!.. – подавленным голосом просипел вдруг Тасаэль. – Что это?!.. Что это, Петрос?! – испуганно вскрикнул он, тыча рукой куда-то влево.

Петрос повернул голову и... тоже увидел: высоко, очень высоко – намного выше пенных гребней самых высоких волн, выше заволакивающей горизонт тёмно-лиловой непроглядной дымки тускло светились нежным розовым светом покатые вершины гор. Они плавно понижались влево и вправо, и сразу же отчётливо стала видна проступающая сквозь дымку тёмная полоска, пересекающая курс корабля.

– Всеблагая Дева Афина! – прохрипел капитан Мильтиадис. – Так это же!.. Так это же Кирнос! Нет?!.. О боги! Да вы смеётесь надо мной!

– Кирнос? – переспросил Тасаэль. – Где это?

Но капитан не ответил.

– Нестор!!.. – пересиливая вой ветра, заорал он, перегибаясь через планширь. – Нестор, кол тебе в задницу!! Артемон вправо на четверть!!.. Феодóрос!! Парís!! На нос, к Нестору!! Быстро!!.. Артемон вправо на четверть!! На четверть и не на полпальца больше!! Слышите?! Нет?!.. Эй, на палубе!! Все на руль!!.. Все, я сказал!!.. Пошли!! Пошли!! Бегом!! Шевелись, доходяги, дерьма вам за пазуху!!.. Балку раскрепить!! Руль вправо на борт!! До упора вправо на борт!!.. И держать корму!! Держать корму, дармоеды, разрази вас гром!!

На корабле всё пришло в движение. Люди, только что безвольно лежавшие на палубе, теперь, отчаянно цепляясь за всё, за что только можно зацепиться, пробирались кто в нос, кто на корму, хватались за натянутые до предела фалы, отчаянно наваливались на скачущую, как норовистый конь, рулевую балку. Захлопал и тут же вновь замолчал подвёрнутый на нужный угол артемон. «Соларис» слегка завалился на левый борт, заскрипел, заохал. Он перестал быть послушной игрушкой в хищных лапах волн. Он снова боролся.

– А мы... А мы разве не сможем где-нибудь там причалить? – спросил Тасаэль, мотнув головой в сторону уже отчётливо видимого берега.

– Причалить?! – изумлённо повернулся к нему капитан. – Где?!

– Н-ну... – неуверенно протянул начальник экспедиции. – В какой-нибудь бухте. Где ветра нет.

Мильтиадис смерил Тасаэля презрительным взглядом.

– Даже если там есть подходящая бухта... – указал он рукой вперёд. – В чём я очень сильно сомневаюсь. Не слышал я что-то ни про какие здешние бухты. Но даже если там есть какая-нибудь бухта, нам в неё всё равно не попасть.

– Почему? – нахмурил брови Тасаэль.

– Да потому... – снисходительно объяснил капитан. – Ты никогда не пробовал вдевать нитку в иголку? Нет?.. А теперь представь, что тебе надо сделать это с разбега!..

Через час, когда взошло солнце, ситуация стала предельно ясной. Онерария, насколько возможно подвёрнутая артемоном к северу, всё равно шла прямо на скалы. Они уже отчётливо виднелись впереди, тёмной стеной выступая над лохматой бело-зелёной поверхностью моря. Чуть правее носа корабля берег выполаживался, понижался, пропадал за острыми пенными гребнями, но повернуть туда, к свободной воде, к спасительному простору «Соларис» был уже не способен.

– Да, это Кирнос, – неожиданно спокойно сказал капитан, глядя, прищурившись, на уступчатые горные вершины, тянущиеся по левому борту «Солариса». – Романцы называют его Корсика. Слышали? Нет?.. Где-то здесь пропал мой отец... Сгинул без следа. А теперь вот, получается... – он пожевал губу и горько закончил: – Воистину, боги умеют шутить...

Как бы слегка придерживаемый береговым барьером, ветер начал постепенно слабеть. Капитан Мильтиадис приказал подвернуть артемон круче к ветру, но это всё равно не спасало положения – онерария шла на скалы. Со смотровой площадки уже отчётливо просматривалась белая полоса прибоя, тянущаяся вдоль всего зелёно-коричневого, с белыми клыками оползней, высокого берега. Корабль несло прямоком в небольшой полукруглый залив, ограниченный справа выступающим далеко в море каменистым мысом. Обогнуть его онерария уже не могла. Это была ловушка, и она уже захлопнулась, захватив в качестве добычи несчастный «Соларис».

– Агафон! Деонисос! Остаётесь на руле! Остальным – готовить лодку! – приказал капитан, и эта команда, перечёркивающая все последние, ещё оставшиеся надежды, означающая безоговорочное поражение, сдачу, ударила Петроса так, что у него перехватило дыхание.

– Я не уйду с корабля! – крикнул Петрос, хватая Мильтиадиса за плечо и разворачивая его к себе – глаза в глаза. – Слышишь?! Не уйду!

Лицо капитана осталось бесстрастным. Он аккуратно снял руку Петроса со своего плеча и коротко кивнул:

– Да. Я тоже...

Берег неумолимо надвигался. Сквозь яростный плеск волн и звериное завывание ветра уже отчётливо слышался непрекращающийся громopodobный рокот рушащихся на камни огромных пенных валов.

Большую спасательную лодку, всю дорогу от Кесарии спокойно простоявшую на специальном помосте перед главной мачтой, торопливо расчехлили и освободили от креплений. Теперь, чтобы спустить шлюпку на воду, необходимо было перенести её за борт, подцепив таями к носовой мачте, которая при погрузочно-разгрузочных работах исполняла заодно и роль кран-балки. Угрюмый Нестор с топором в опущенной руке стоял рядом с артемоном, искоса

поглядывая на капитана, готовый в любое мгновение исполнить его команду – перерубить парусные фалы. Но капитан не торопился отдавать роковой приказ. Он выжидал. Он медлил. И вскоре Петрос понял, почему.

«Соларис» несло вдоль берега. Нос корабля смотрел прямо в грохочущий бушующий кипень прибоя, но онерария теперь не только двигалась вперёд, но и смешалась вбок, вправо – в сторону выступающего в море мыса, который оказался вдруг не сплошным, а разделился, распался на три небольших каменистых острова. Два прохода, между самими островами, были слишком узки для онерарии, но третий – между берегом и ближайшим к нему островком – был достаточно широк, и именно туда тащило сейчас «Соларис». В проливе кипела и яростно клокотала вода. В воздухе над ним висел туман, сотканный из водяной взвеси, поднятой вверх бесчисленными пенными фонтанами. А на этом тумане сверкали, переливаясь сочно-зелёным и розовым, десятки и сотни маленьких крутобоких радуг. Это было красиво. Очень красиво. Но от этой красоты у Петроса в животе вдруг набух и запульсировал огромный шершавый ледяной ком.

– Течение!.. – прохрипел над ухом капитан Мильтиадис. – Прибрежное течение. Так бывает... Вон там мы и останемся. Видишь? Нет?.. – показал он рукой на узкий кипящий пролив и, помолчав, еле слышно добавил: – Скйлла и Хáрибдис.

До берега было стадия три. И примерно столько же, может, чуть больше, оставалось «Соларису» до дышащей влажной смерти пасти пролива. Там, за проливом – и это уже было видно! – за пологим песчаным мысом, берег круто заворачивал и уходил влево, на северо-запад. Там было открытое море. Там была чистая вода. Там было спасение!

– А может, проскочим? – робко спросил Тасаэль.

Мильтиадис свирепо взглянул на него и, ничего не ответив, отвернулся.

– Эй, капитан! – донеслось с палубы. – Не пора ли спускать лодку?! Мне что-то не хочется добираться до берега вплавь!

Это был Лафур – огромный вислоплечий детина, нанятый матросом в экипаж «Солариса» на Кипре.

– И правда, капитан, – поддержал выскочку кто-то из его друзей, – хватит ждать! Один вот так ждал-ждал – да на камни брюхом и напоролся! Глянь, как впереди кипит!

И действительно, прямо по курсу корабля, на добрый стадий ближе линии прибоя, вода в нескольких местах буквально кипела, время от времени выбрасывая вверх длинные пенные языки – там явно скрывались рифы либо большие подводные камни.

– Прекратить базар!!.. – рыкнул капитан Мильтиадис, мельком глянув на бунтовщиков. – Всем ждать!!

– Да чего там ждать! – тут же отозвался Лафур. – Некогда ждать! Если хочешь, оставайся и жди! А мы с ребятами делаем ноги!.. Эй, Нестор! Руби, паря, фалы, разворачивай мачту!

Несколько человек отделились от нестройной толпы, окружавшей лодку, и двинулись к носовой мачте.

– А ну, стоять!!.. – повернулся к ним Нестор и взвесил в руке топор. – Назад, сволóта!!

«Сволóта» нерешительно остановилась и затопталась на месте, понукая и подталкивая друг друга.

– Я сказал: прекратить базар!! – хрипло заорал Мильтиадис. – Ясно?! Нет?!.. Или кого-нибудь, самого умного, отправить за борт?!!

– Эй, Лафур! – подал голос и Петрос. – Ты бы попридержал свой язык! Или жить надоело?!

– А ты, иудей, тоже, что ли, хочешь торчать на рифах?! – заорал в ответ Лафур. – Брось! Айда с нами! На берег! На корабле через рифы не пройдёшь! А на лодке – запросто!

– Хочешь на берег – прыгай за борт и плыви! – отозвался Петрос.

– Да что мы их слушаем!! – заголосил один из подельников Лафура – длинный и тощий финикиец по прозвищу Мосол. – Хватай лодку, ребята! Не нужна нам мачта! На руках спустим!

Бунтовщики загалдели, засуетились, торопливо обвязывая лодку верёвками и стаскивая её с помоста.

– Прекратить!!.. – надрывался с мостика капитан. – Слышите?! Нет?!.. Назад, ублюдки, якорь вам в глотку!! Не смей!!..

Но его уже никто не слушал. А до горловины пролива тем временем оставалась всего пара стадиев кипящей, как в котле, пенной мутно-зелёной воды.

– Арон! – окликнул Петрос стоявшего внизу декана. – Разберись-ка с этой швалью! А то они нам, чего доброго, лодку угробят!

Арон коротко кивнул, нырнул под мостик и, через мгновение вновь появившись на палубе с мечом в руке, решительно двинулся к копошащимся возле левого борта бунтовщикам.

– А ну, все назад!!.. – услышал Петрос его твёрдый, не терпящий возражений, голос. – Назад, я сказал!!.. Все отошли от лодки!! Ну!!.. Руки буду обрубать, кто сунется!!

Смутяны отпрянули.

– Но-но, ты полегче, паря! – пятась от Арона, примирительно сказал Лафур. – Зачем так горячиться?! Хочешь на берег – пожалуйста! Мы тебя первым пропустим!..

И в этот момент корабль задел днищем за камни. Толчок кинул Арона вперёд, прямо на главаря мятежников. Лафур, поймав декана в свои объятия, тут же вцепился ему обеими руками в правую кисть, выкручивая её и пытаясь вырвать меч. Арон двинул смутяна слева кулаком в ухо и, выдернув руку с мечом из цепких лап Лафура, отскочил назад. И тут же кто-то из бунтовщиков врезал ему веслом по затылку. Декан пошатнулся, выронил меч и, сделав два неверных шага, перевалился через борт, мгновенно канув в кипящем водовороте. Петрос, зарывав, кинулся вниз по лестнице. Когда он с мечом в руке выскочил из своей комнаты на палубу, воевать уже было не с кем. Возле уроненной вверх дном лодки стоял с топором в руках огромный угрюмый Нестор, а у его ног копошились, пытаясь отползти в сторону и оскальзываясь в собственной крови, двое из неудачливых мятежников. Финикиец Мосол, сплюснутый, как тряпичная кукла, висел на планшире, свесив кровавую голову за борт. А зачинщика бунта, Лафура, не было видно вовсе.

«Соларис» вновь с глухим стуком зацепил днищем за камни. От толчка Петрос упал на колени, но тут же вскочил и принялся карабкаться на мостик по шатающейся и уходящей из-под ног лестнице, Меч, зажатый в руке, сильно мешал ему.

Мильтиадис встретил его наверху сиплым, как орлиный клёкот, хохотом и отдалённо похожим на улыбку оскалом.

– Похоже, поживём еще, евреи! Нет?!.. – смеясь, приговаривал он, похлопывая по плечу шатающегося от этих похлопываний, неуверенно улыбающегося Тасаэля. – Поживём!.. Рано нам ещё рыб кормить! Нет?!..

Петрос огляделся. Слева по борту, на расстоянии какого-то полустадия, медленно проплывал, уходил назад поросший густым зелёным кустарником пологий мыс. А сразу за ним, впереди, перед заваленным чуть на сторону артемоном, открывалась штормовая сине-зелёная, рябая от пенных гребней, но свободная от камней и рифов, бесконечная морская даль...

– Мы сильно отклонились от курса? – спросил Петрос Мильтиадиса.

Тот фыркнул.

– Сильнее некуда! Это же Кирнос! – ткнул он рукой в раскинувшиеся вдоль по левому борту невысокие зелёные холмы.

– А как же Рома? Остия? – подал голос Тасаэль. – Нам теперь... как туда?

Капитан отмахнулся.

– Про Рому пока забудь. Рома твоя – там... – он потыкал пальцем себе за спину. – Два, а то и три дневных перехода. Соображаешь? Нет?.. И с таким направлением ветра нам туда вообще никак не попасть... Надо же! – Мильтиадис покачал головой и, запустив обе руки в свою лохматую смоляную шевелюру, принялся истово чесаться. – Ни за что бы не поверил, что за сутки можно пролететь больше двух тысяч стадиев! Никогда ни о чём подобном не слышал!

Пройдя через пролив и завернув за спасительный мыс, «Соларис» медленно продвигался вдоль безлюдного корсиканского берега. Ветер за мысом был гораздо слабее, и онерария теперь устойчиво шла под артемоном, без особых проблем управляемая уцелевшим рулевым веслом.

Здесь тоже штормило, но после всего того, что пришлось пережить экипажу «Солариса», это волнение моря казалось чем-то вроде кругов на воде, расходящихся от играющих на мелководье детишек.

– А там что? – спросил Петрос, указывая на виднеющуюся за кормой на горизонте короткую полосу суши. – Остров?

– Да, – кивнул Мильтиадис. – Это Капрария.

– Капрария?! – удивился Петрос. – Там что, действительно, много коз?

– Хватает, – согласился капитан. – Но сейчас уже не то, что было. Вот отец мне рассказывал, раньше, лет тридцать тому назад, их там кишмя кишело. Руками можно было ловить. Представляешь? Нет?..

– А до Италии здесь далеко?

– Ну вот, смотри, – стал показывать рукой капитан, – до Капрарии здесь стадиев сто пятьдесят. И от неё до италийского берега ещё стадиев триста по прямой. Соображаешь? Нет?.. Вроде бы всё рядом. Но прямо не поплывёшь – нужен западный ветер. Когда он подует – одному Эблосу известно. Может, через неделю. А может, через две... А может, завтра... Так что думай, начальник, – повернулся он к Тасаэлю, – решай. Или отсиживаемся где-нибудь здесь, на Кирносе, ждём попутного ветра, или...

– Или... что? – округлил глаза Тасаэль.

– Или не ждём попутного ветра, – пожал плечами Мильтиадис. – И идём в Италию с южным ветром. Но тогда – куда вынесет. Понимаешь? Нет?.. Может, в Пизу. Может в Луну... А может, даже в Сегестию. Всякое может быть.

– А... А потом?

– А потом опять два варианта, – развёл руками капитан. – Либо снова ждём попутного ветра. Теперь северного. Неделю ждём. Месяц... Два... Либо расстаёмся. Вы забираете своё барахло и везёте его в Рому сушей. Понимаешь? Нет?.. А я... – он усмехнулся в бороду, – А я всё-таки жду попутного ветра и, не спеша, плыву в Остию.

Тасаэль ошарашенно посмотрел на Петроса. Тот повёл плечом.

– Ты главный. Решать тебе...

Тем временем «Соларис» миновал ещё один мыс, за которым открылась крохотная треугольная бухта, закрытая от свирепого южного ветра отвесными скалами. Серая скальная стена в двух местах была взрезана узкими тёмными ущельями. В глубине одного из них виднелся невысокий водопад, белым полотном ниспадающий с отвесного, заросшего поверху кустами и деревьями, каменистого уступа. Здесь была пресная вода. И лес для ремонта судна. И здесь почти совсем не было ветра.

– Парус долой!!.. – скомандовал Мильтиадис. – Оба якоря за борт!!.. Парис! Проследи, чтоб якоря как надо забрали! Канаты крепить внатяг!!.. Нестор!!.. Нестор, рот тебе на бок!! Давай в трюм! Проверь, нет ли течи!!.. – и, повернувшись к Тасаэлю, учтиво поклонился: – Осмелюсь потревожить твой бесценный груз, начальник. Не возражаешь? Нет?..

Обоз подошёл к РOME в десятом часу дня.

– Сюда... – показал Тасаэль на большую, вытопанную до голой земли, площадку справа от дороги. – Здесь остановимся. Всё равно нас до заката в город не пустят, – и, повернувшись назад, закричал, замахал руками: – Сваливай!!.. Направо!!.. Эй! Сюда давай!!.. Привал!!

Возницы, соскочив с телег, принялись торопливо заворачивать волов. Обоз, пыля, скатился с дороги и, преодолев обширный участок жёлтой, с засохшими следами копыт и тележных колёс, закаменевшей почвы, остановился под чахлыми кустами, доживающими свой незавидный век на краю пустыря, что протянулся на добрых три стадия вдоль некогда мощной и высокой, а теперь обветшавшей и полуразрушенной старинной городской стены. Эта стена, построенная в незапамятные времена славным царём Анком Мэркием, окружала Яникул – холм на западном берегу Тибра, с древнейших времён служивший РOME форпостом на правобережье, заселённом в ту пору воинственными враждебными племенами.

– Волон не распрягать!! – крикнул возницам Тасаэль. – Никому никуда не расходиться!! Ясно?!!.. Всем ждать!!.. – и, повернувшись к Петросу, распорядился: – Ну, ты тут присматривай – что да как. А я – в город. Дойду до дома Агриппы, скажу, что мы прибыли. Чтоб, не ровен час, спать не легли.

Он ушёл, а Петрос, выставив по краям обоза двоих часовых, улёгся под кустом, постелив плащ прямо в рыжую пыль. День клонился к вечеру. Остывающее солнце висело над Аврелиевой дорогой, то и дело заслоняемое резвыми, бегущими в сторону города, лёгкими облачками. По дороге, тоже в сторону города, двигались многочисленные путники, спешили с поклажей рабы, катились конные экипажи. Все торопились в столицу великой империи. Все дороги сходились к РOME.

Длинное путешествие подходило к концу. Не думал, не гадал Петрос, что путь от Кесарии до Ромы окажется столь трудным и опасным. Это уже было не путешествие, это была, понимаешь, целая жизнь – короткая, но насыщенная; и всё, что было до неё, вспоминалось теперь как нечто отдалённое, поплёкшее, полузабытое. Мало кому из тех, кто полтора месяца назад вышел в море на «Соларисе», удалось прожить эту маленькую жизнь до конца, достичь конечной точки маршрута. Из двадцати четырёх человек отряда, в последний день июля отправившегося вместе с

Петросом из Кесарии, до Румы добрались только четверо. Девять человек, включая декана-два Гийору, погибли в неравном бою возле мыса Кармель. Ещё трое умерли позднее от полученных в этом бою ран. Четверых раненых пришлось оставить на Кипре, в Пафосе. Двух человек смыло волной во время шторма. Кстати, тогда же пропал с корабля и единственный слуга Тасаэля Дивикон. У берегов Корсики от рук бунтовщиков погиб декан-один Арон. И ещё одного солдата, заболевшего лихорадкой уже на италийской земле, оставили на попечение еврейской общины в Русёлле. Петрос вздохнул. То, что он сам выжил в этом путешествии, он считал чудом. Самым настоящим чудом. Видать, кто-то там, наверху, заботился о нём, для чего-то берёт его глупую жизнь, прикрывал ладонями от смертельных сквозняков. Уж не рабби ли Йешу, праведник и страдалец, замолвил за него перед Всевышним словечко?..

От Корсики до Италии «Соларис» добежал за один день. Переход получился недолгим, но нервным. В трюме через повреждённую на камнях обшивку днища сочилась вода. Её постоянно откачивали, вычерпывали, люди выбивались из сил, но, несмотря на все старания, вода продолжала неуклонно прибывать. Благо, ветер чуть подвернул к западу, и онерария шла к италийским берегам почти по кратчайшему пути. Как бы то ни было, но к тому моменту, когда «Соларис» вошёл в устье Арна, воды в трюме было уже по колено. Разумеется, ни о каком дальнейшем плавании речи быть не могло – корабль требовал капитального ремонта. Капитан Мильтиадис выбросил онерарию на отлогий песчаный берег недалеко от Градо – большого оживлённого порта – по сути, торговых ворот Пизы, расположенного чуть ниже города по течению реки. Найти в близлежащих деревнях десяток грузовых телег не представило никакой сложности, и уже через день, на рассвете, обоз с ценным грузом двинулся по Аврелиевой дороге в сторону Румы.

– Доброго вам пути! – напутствовал их напоследок меднолицый капитан. – Поплывёте назад, в Палестину, – привет царю Агриппе. А меня не ждите. Мне тут, скорее всего, и зимовать придётся...

Волы не умеют спешить. Поэтому дорога от Пизы до Румы заняла две недели. Петрос поначалу немало опасался за целостность груза – оставшихся людей было явно недостаточно для охраны длинного и неторопливого обоза. Но всё обошлось – на Аврелиевой дороге было спокойно, лихие люди здесь давно уже не промышляли. Оно и понятно – охранялась одна из основных имперских дорог тщательно: то там, то тут мелькали на ней конные легионерские патрули, а почти на каждом постоялом дворе дежурила дружина вигилов, набранных, в основном, из местных жителей...

– Эй, командир! – окликнул Петроса стоявший неподалёку от него часовой. – Тасаэль идёт.

– Подъём!!.. Подъём!! – ещё издали прокричал начальник экспедиции, хлопая в ладоши. – Всем – подъём!! Трогаем!!..

Все засуетились. Закричали погонщики. Заскрипели огромные колёса. Замотали грустными мордами подгоняемые и понукаемые волы.

– Мы не рано? – поинтересовался у зятя Петрос. – Солнце ещё высоко... Или ты договорился, чтобы нас через ворота пропустили?

Тасаэль ответил не сразу. Он был явно чем-то озабочен и думал о своём.

– Что?.. А, нет, ни о чём я не договаривался. Мы не в город.

– Не в город?! – удивился Петрос. – А куда?

– Увидишь, – уклончиво ответил Тасаэль.

Обоз пересёк Аврелиеву дорогу и медленно покотился по разбитому просёлку, что, змеясь, тянулся на север вдоль городской стены. Петрос зажал пальцами нос.

– Господи! Ну и вонища!..

Кругом громоздились груды мусора и отходов – старые, уже густо поросшие бурьяном, и совсем свежие, насыпанные, похоже, только вчера. Невыносимо смердело падалью и какой-то тошнотворно кислой гнилью.

– Куда ты нас завёл?! – не разжимая пальцев, прогундосил Петрос. – Мы не в Гиномскую долину, часом, попали?.. И вообще, начальник, куда ты нас ведёшь?.. И неужели так пахнет Великий Город?! – несмотря на вонь, ему было почему-то весело, всё происходящее виделось ему сейчас в комичном свете.

Тасаэль на вопросы по-прежнему не отвечал и лишь покрикивал на возниц, вынуждая их подгонять свои воловы упряжки.

Наконец зловонный мусорный пустырь остался позади, просёлок вывел на широкую мощёную дорогу, отходящую от северных ворот Яникула и пролегающую по высокому берегу Тибра.

За Тибром лежала Рома. Точнее, за Тибром лежало Марсово Поле. Оно занимало всю левобережную пойму у подножья городских холмов и отсюда, с высокого правого берега, просматривалось всё, от края до края: от великолепного белоколонного здания Театра Помпея на юге, до вздымающегося впереди, на севере, за речной излучиной, островерхого зелёного конуса Мавзолея Августа. Сам город лежал дальше – на холмах. Он выглядывал окнами многоэтажных инсул из-за старой, но всё ещё могучей Сёрвиевой стены, он шелушился коростой красных черепичных крыш, он разбежался морщинами узких извилистых улиц, он торопливо карабкался по склонам холмов, увенчанных портиками надменных величественных храмов. Особо выделялся среди них великолепный Храм Юпитера Капитолийского, высоко вознесённый над окружающими строениями отвесным обрывом одноимённого холма и ослепительно полыхающий в лучах заходящего солнца своей двускатной позолоченной крышей.

Петрос испытывал двойное чувство. С одной стороны, он понимал, что перед ним лежит столица Великой Империи, завоевавшей и поработившей полмира, раскинувшейся от жарких африканских песков до холодной Британии и от неприступных Кавказских гор до неизведанного Атлантического океана, и от этого понимания, от осязаемой близости этого величия у него перехватывало дыхание и учащался пульс. Но с другой стороны, он всё ещё ощущал в ноздрях тошнотворную вонь городской свалки, он своими глазами видел полуразрушенные стены Яникула, скученность и вопиющую ветхость городских инсул, запущенное, неряшливо поросшее травой и кустарником, поле старого гипподрома на Марсовом Поле. Он даже умудрился заметить, что с одного из кровельных листов на крыше Храма Юпитера слезла позолота и теперь там, среди сверкающего золотого великолепия, вызывающе зеленела неаккуратная медная заплата. Там, за Тибром, роскошь и нищета, показная пышность и выпирающая из всех щелей убогость непрерывно ссорились, соперничали друг с другом, враждовали, вступали в непримиримый конфликт, воевали и убивали друг друга, но всё равно, неразлучные, жили вместе, зачастую в обнимку, обнесённые по периметру высокой крепостной стеной...

– Сюда!!.. Заворачивай!!.. – раздался неподалёку командный окрик Тасаэля. – Влево!! Влево давай!!

Петрос очнулся. Обоз снова сваливал с большой дороги на пыльный просёлок, поворачиваясь спиной к Тибру, а стало быть, и к городу.

– Ничего не понимаю!!.. – пробурчал себе под нос Петрос и, нагнав начальника экспедиции, взял его под локоть. – Так мы куда? Ты, часом, не заблудился? Город-то – там!

Тасаэль хмуро высвободил руку.

– Я не заблудился. Успокойся.

– Так куда мы тогда идём?!.. Ты же сам говорил: нам надо в город, на Эсквилинский холм, в дом Агриппы-младшего. А теперь что?!

– Ничего... Обстоятельства поменялись.

– Какие ещё обстоятельства?!

– Обыкновенные.

– Да ты можешь сказать по-человечески?!

Тасаэль остановился и резко повернулся к Петросу.

– А ты можешь потерпеть?! Полчаса! Не задавая дурацких вопросов! Всего лишь полчаса! Можешь?! Нет?!

Петрос даже попятился.

– Да я-то... могу... Собственно, какие проблемы...

– Вот и потерпи! Подожди! Сейчас придём на место – всё узнаешь!

– Ладно... – повёл плечом Петрос. – Наше дело, в принципе, телячье: нам сказали – мы пошли.

Тасаэль повернулся и снова зашагал по старой просёлочной дороге. Петрос, озадаченно почесав затылок, двинулся следом.

Теперь дорога вела мимо заброшенной стройки. Стройка была огромной. Кто-то когда-то затеял здесь строить что-то великолепное, что-то грандиозное, с размахом, но, не закончив, отступил, бросил. Стены, сложенные из тщательно отшлифованных желтоватых блоков тибурского туфа – с изящными арками и колоннами, увенчанными резными капителями, – были

выведены до уровня третьего этажа, и всё говорило о том, что это была далеко не окончательная высота здания. Длина сооружения тоже поражала – оно уходило вдаль как минимум на четыре стадии и занимало практически всю долину у подошвы холма. С другой стороны дороги тянулся высокий забор, за которым вверх по холму убежал виноградник, по всем признакам некогда богатый, ухоженный, но теперь тоже заброшенный, запущенный, зарастающий сорным кустарником и дикой травой.

Петрос снова нагнал Тасаэля.

– Послушай, а что это? – показал он зятю на незавершённую стройку.

– Гипподром... – не поворачивая головы, рассеянно ответил тот. – Прежний кесарь, Гай Калигула, затеял строить здесь новую арену. Старая его, видите ли, не устраивала... Да, как видишь, не достроил.

– Терпение кончилось? Или кирпич? – попытался пошутить Петрос.

– Калигула кончился... – раздражённо отозвался Тасаэль, он покосился на шурина. – Ты бы лучше, чем по сторонам глазеть, присматривал за погонщиками, а то, не ровен час, отстанет кто-нибудь.

– Я ему отстану! – угрожающе пообещал Петрос и остановился, чтобы дождаться хвоста колонны.

Вскоре забор, окружавший виноградник, кончился, и обоз, огибая холм, свернул вправо, на северо-запад – на какую-то уже совершенно козью тропу, едва угадываемую под ногами. Слева потянулось старое кладбище – давно заброшенное, заросшее буйной травой и могучими раскидистыми пиниями. Могильные плиты – растрескавшиеся, сколотые, обильно поросшие мхом и лишайником – скособоленно торчали из травы, испуганно выглядывали из-за стволов деревьев. Иные были вовсе повалены или, накренившись, вросли в землю до почти уже нечитаемой, едва различимой надписи.

– Куда это мы?! – несколько испуганно спросил Петроса Рафи – молодой солдат, один из двоих, шедших в арьергарде обоза.

– Не знаю, – отозвался Петрос. – Начальник ведёт. Ему виднее.

– Ну?!.. – удивлённо покрутил Рафи лопухой головой. – А здесь не опасно?

Рафи был как раз тем самым лучником, чей меткий выстрел в памятном сражении у мыса Кармель спас Петросу жизнь. В бою – само хладнокровие, сейчас Рафи больше напоминал перепуганного мальчишку. Несмотря на тёплый и даже жаркий вечер, он зябко ёжился и с нескрываемым опасением поглядывал в сторону угрюмого заброшенного погоста.

– Нет, – попытался ободрить его Петрос, – не опасно. Какой-нибудь лиходея-одиночка или даже мелкая банда на такой большой караван не сунутся, заботятся. А что-нибудь более серьёзного, какой-нибудь засады здесь ждать не приходится. Засады, их ведь, понимаешь, загодя ставят, да на больших дорогах, да когда знают, что кто-то пойдёт. А здесь уже сто лет никто не ходил. И ходить не будет... Это только мы, дураки, в эту глушь зачем-то прёмся.

Солдат печально вздохнул.

– Я-то думал, что уже всё – пришли... А тут опять куда-то...

– Ничего, – успокоил его Петрос. – Скоро уже. Теперь уже скоро... А потом – на корабль и домой.

– Ну?! – обрадовался Рафи. – А когда?

– Как только, так сразу, – заверил его Петрос. – Небось, в Остии нас уже «Соларис» дожидается. Сядем – поплывём!..

Рафи снова вздохнул. Вздыхал он выразительно. Петрос никогда раньше не замечал, что вздохом можно сказать так много, почти как словами. Во всяком случае, интонации у вздохов молодого солдата были всякий раз разные. Теперь он вздохнул мечтательно.

– Дома-то ждёт кто? – спросил его Петрос.

– Жена, – тут же отозвался солдат. – Брюхатая.

– Первенцем?

– Ну!.. На Суккот рожать.

– Во как! – одобрительно кивнул Петрос. – Приплывёшь домой – а там сын!

Рафи причмокнул и вздохнул опять. На этот раз – затаённо-восторженно.

– Стой!!.. – донеслось от передних телег. – Пришли!!.. Подгоняй под разгрузку!!

Петрос ускорил шаг и, продираясь сквозь густые кусты, которыми зарос край тропы, пробрался в голову колонны. Первые корзины уже снимали с телег и волокли сквозь заросли к

большим, в рост человека, прорубленным в склоне холма квадратным проёмам. Это была старая каменоломня. Заброшенная выработка, где много лет назад добывали туфовый кирпич. Теперь здесь царило запустение. Каменные отвалы густо поросли мхом и травой. По толстым колоннам между проёмами ползли вверх по склону бесчисленные лианы. Тропа здесь кончалась. Дальше – длинной грядой беспорядочно перемешанных камней и полусгнивших древесных стволов – громоздился, уходя далеко в лес, язык давнишнего оползня.

Тасаэля Петрос нашёл внутри каменоломни – в огромном зале с низким потолком, поддерживаемом многочисленными грубыми колоннами, оставленными строителями в процессе выработки. Через широкие проёмы в зал обильно проникал розоватый закатный свет. Дальний конец зала тонул в непроглядной тьме. Начальник экспедиции распорядился размещением корзин. Их ставили в два ряда вдоль внешней, самой светлой, галереи. Здесь когда-то бывали люди. Об этом говорили старые кострища, следы копоты на потолке и многочисленные рисунки и надписи на колоннах – большей частью похабного характера.

– Коллекцию выставлять здесь будем? – подходя, съехидничал Петрос.

Начальник экспедиции – распаренный и злой – мельком глянул на шутника и процедил сквозь зубы:

– Не смешно!.. Проследи лучше за разгрузкой. Чтоб, не дай Бог, ничего не уронили!.. И прикажи солдатам: пусть приготовят чего-нибудь поесть – ночевать будем здесь.

Петрос в лучших легионерских традициях вскинул правую руку вверх, показательно грохнул сандалией в пол и, сделав налево кругом, вышел, яростно ругаясь сразу на трёх языках...

Наконец последняя корзина была водружена на место. Возницы, получив оговоренную плату, укатили, оставив за своими телегами вместо едва заметной тропы широкую вытопанную дорогу. Солдаты, натаскав хвороста, развели костёр и теперь хлопотали вокруг него, затевая нехитрый ужин. Солнце, помаячив гранатовым глазом в верхушках пиний, окончательно скрылось за деревьями, погрузив мир в густые светло-лиловые сумерки.

– Ну что, поговорим? – подошёл Петрос к Тасаэлю.

Тот сидел на корточках перед своим, раскрытым настезь, дорожным сундуком. Рядом громоздилась куча из сваленного в одно место бесхозного оружия и разнообразного походного и военного снаряжения. Над сундуком чадно горел факел, небрежно воткнутый в щель между камнями.

– Давай поговорим... – отозвался зять, вставая. – Эй, солдат! – окликнул он Рафи, спешащего мимо них к костру с очередной вязанкой хвороста. – Подойди!

Рафи резко остановился, торопливо сгрузил ношу на землю и опасливо приблизился.

– На! – протянул ему Тасаэль распечатанный терракотовый конгий. – Здесь вино. Выпейте за здоровье кесаря Клавдия. И за окончание похода. Скажи своим, что я приказал сегодня отдыхать.

– Ну?! – изумился Рафи, он вытер ладони об одежду, осторожно принял кувшин и, держа его перед собой, неуклюже поклонился; оттопыренные уши его зарозовели. – Благодарю, начальник. Да продлит Господь твои дни!

– Ступай! – кивнул ему Тасаэль.

Солдат, бережно прижимая одной рукой к груди драгоценный сосуд, попятился к своей вязанке, присел, подбирая её, снова неловко поклонился Тасаэлю, после чего повернулся и заторопился к костру. Там тут же вспыхнуло яркое пламя, раздался смех, загремели, отдаваясь под низкими сводами, весёлые голоса.

– Может, в конце концов, объяснишь? – одобрительно прислушиваясь к солдатскому веселью, спросил Петрос зятя.

– Что именно тебе объяснить?

– Вот это всё, – обвёл Петрос вокруг себя рукой. – Насколько я помню, Агриппа приказал тебе доставить груз в дом своего сына, на Эсквилинский холм. А мы вместо этого, понимаешь...

– Агриппа умер, – перебил его Тасаэль.

– Что?! – осёкся Петрос.

– Царь. Агриппа. Умер, – раздельно повторил Тасаэль. – Всё. Нет больше царя Агриппы.

– Откуда... – смешался Петрос. – Откуда ты это знаешь?!

– Сядь! – кивнул начальник экспедиции на расколотый пополам туфовый кирпич. – И слушай!..

Петрос послушно опустился на предложенное место. Тасаэль захлопнул крышку сундука и уселся сверху, сложив руки на коленях.

– Я был сегодня на Эсквилинском холме, – выдержав паузу, сказал он. – Но в дом я даже не заходил. И знаешь, почему?.. Я увидел, что вход украшен ветвями кипариса – это значит, в доме траур, кто-то умер. Я тогда прикинулся любопытным прохожим и осторожно порасспрашивал привратника. Привратник там новый, меня он не знает да, к тому же, дурак. Так вот... – Тасаэль помолчал. – Неделю назад из Кесарии пришёл корабль. Он и привёз эту весть. Царь Агриппа умер. Ещё в начале августа. То есть практически сразу после нашего отъезда...

– С ума сойти! – выдохнул Петрос. – С чего бы ему умирать?! Он же был здоров, как бык!

– Не знаю, – пожал плечами Тасаэль. – Привратник по секрету рассказал: ходят слухи, что его отравили. Но это, сам понимаешь, только слухи.

– Вот это новость! – ошарашенно пробормотал Петрос, запуская пальцы в бороду. – Выходит... Выходит... Подожди! Но я всё равно ничего не понимаю! Сюда-то мы зачем пришли?!

– А затем... – негромко сказал Тасаэль. – Затем, что всё это, – он указал на длинный ряд корзин, – теперь наше.

– В смысле?! – вытаращился Петрос.

– В смысле, твоё и моё. Поровну.

Какое-то время Петрос, непонимающе хлопая глазами, смотрел на зятя. Потом опомнился.

– Ты... Ты хочешь присвоить себе эту коллекцию?!

– Нет, – покачал головой Тасаэль. – Коллекцию я как раз собираюсь, как нам и было предписано, доставить Агриппе-младшему. Доставить в целости и сохранности. Но!.. Но доставить её несколько позже. Не сейчас. Сейчас Марк всё равно в Кампании. Как сказал этот дурак привратник, – Тасаэль надменно задрал голову и заговорил густым басом, медленно и важно, видимо, пытаясь изобразить дурака-привратника: – Государь наш, кесарь Клавдий Британик, как только Романские игры закончились, изволил уехать в своё имение. И нашего хозяина с собой забрал... – он сплюнул. – Так вот. Было это, получается, позавчера. Когда они теперь вернуться в Рому – неизвестно. Но вряд ли раньше Эквиррий.

– Так что ты тогда собираешься делить поровну?! Пустые корзины?!

– Ты не понимаешь, – уголками рта улыбнулся Тасаэль, но глаза его остались при этом холодными. – Впрочем, ты и не должен ничего понимать.

– Да, не понимаю! – подтвердил Петрос. – Я абсолютно ничего не понимаю! Объясни!

Тасаэль поднялся с сундука и принялся прохаживаться. Петрос напряжённо следил за ним.

– В этих корзинах, – медленно сказал Тасаэль, – не только посуда...

– Ну да! – встрял Петрос. – Там ещё стружка! Я видел!

– В этих корзинах, – продолжал Тасаэль, не обращая на него внимания, – кроме посуды, есть ещё и... золото.

Петрос фыркнул.

– Врёшь! Я же сам, своими глазами!.. Или... или... Или в других корзинах?!..

– Не важно! – поморщился Тасаэль. – Там есть золото. Много золота. А теперь слушай, что я тебе скажу. И слушай внимательно... Про то, что царь Агриппа отправил кесарю Клавдию драгоценную посуду, знают многие. Очень многие. Но про то, что царь Агриппа вместе с посудой отправил своему сыну золото, знали только два человека: сам царь Агриппа и я. Агриппа умер. Смекаешь?.. Мой план таков. О том, что мы пришли в Рому пока никто не знает. Это раз... Агриппа-младший сейчас в Кампании. Это два... Поэтому мы сейчас совершенно спокойно, здесь, достаём золото из корзин, а коллекцию запаковываем обратно и, как нам и было предписано, доставляем в дом Агриппы-младшего на Эсквилин... Если тебя волнуют царские печати, не беспокойся – я знаю, как можно незаметно снимать и ставить обратно печать. Я умею это делать... Я везу с собой письмо царя Агриппы сыну. Точнее, я везу с собой два письма. Одно из них обычное. Это обыкновенная кера. В ней, в том числе, написано про коллекцию посуды. И опись коллекции прилагается. Это письмо я, как ты понимаешь, отдам Марку... А вот второе письмо... Второе письмо секретное. На папирусе. В нём – как раз про золото... И это письмо я, естественно, сожгу...

Петрос неожиданно заметил, что Тасаэль, прохаживаясь туда-сюда и вроде бы спокойно излагая свои мысли, тем не менее как будто несколько скован, напряжён. Он как будто чего-то ждёт, к чему-то прислушивается. Видимо, ещё не всё было кончено. Видимо, ещё что-то должно было произойти...

– Таким образом, – продолжал тем временем Тасаэль, – мы отдаём коллекцию Агриппе-младшему. Пусть он, если хочет, дарит её кесарю Клавдию как посмертный подарок царя

Агриппы. А золото мы делим между собой. Как я уже сказал, поровну... Золото, кстати, можно будет пока припрятать здесь. Эта каменоломня – настоящий лабиринт. Здесь сотни ходов и переходов. Здесь есть такие уголки, куда не рискнёт сунуться ни один нормальный человек. А некоторые ходы спускаются так глубоко, что, наверно, ведут напрямик к Плутону... Я здесь в своё время изрядно полазил. Когда Тиберий посадил Агриппу в тюрьму, всех его слуг, и меня в том числе, отправили за Тибр. Ухаживать за царским виноградником. За тем самым, мимо которого мы сегодня проходили. Видел?.. Кстати, вино из здешнего винограда отвратительное. То ли почва здесь дурная, то ли что... Короче, загнали нас на плантацию, мотыги вручили, словно рабам, – и вперёд! – Тасаэль фыркнул. – Представляешь, присматривать за нами отрядили целого кентуриона! Но всё равно, мы на этом винограднике больше дурака валяли, чем работали... А сюда мы время от времени сбегали. Ну, сам понимаешь, отдохнуть от надоевшего надзора, выпить вина да чего-нибудь вкусного пожрать... Девочек сюда водили... М-да... Так что я эти лабиринты знаю. И знаю, что в них при желании можно спрятать... хоть целый легион... Ну, – он остановился напротив Петроса и резко повернулся к нему. – Что скажешь?

– Что я скажу?.. – беспомощно повторил за ним Петрос, мысли у него путались, всё-таки он был изрядно ошарашен услышанным. – Это всё, конечно, очень заманчиво... Очень... Но, понимаешь... у меня ведь сын... Марк. Ты же помнишь, он в заложниках.

– Он был в заложниках, – твёрдо сказал Тасаэль. – Он был в заложниках у царя Агриппы. Но Агриппы больше нет. А значит, и нет больше никаких заложников. Понимаешь?!

– Да, – сказал Петрос. – Да. Я понимаю. Но... Но я не могу рисковать... А вдруг... – он замолчал.

– Что «вдруг»?

– А вдруг Агриппа успел перед смертью сделать какие-нибудь распоряжения насчёт моего сына?.. Или... Или вдруг существует другое письмо?

– Какое ещё другое?!

– Другое... Откуда ты знаешь, может, об этом золоте Агриппа написал сыну в предыдущем письме?.. Или этот корабль, что пришёл из Кесарии, про который тебе рассказал привратник, может, понимаешь, на нём к Агриппе-младшему приплыл кто-то ещё, тоже с письмом?

– Нет! – отрезал Тасаэль. – Нет! Такого не может быть. Все вопросы, касающиеся перевозки золота в Италию, Агриппа решал только через меня. Только!.. Ты пойми, я ведь уже много лет...

Он не договорил. От костра, где сидели солдаты, донеслись какие-то невнятные восклицания, что-то, похожее на протяжный стон, взлетел под потолок и раскатился под низкими сводами звон разбитого кувшина.

– Иди посмотри, что там, – кивнул Тасаэль. – Никак подрались.

Петрос поднялся с камня и пошёл на шум.

Тасаэль несколько мгновений смотрел ему вслед, а затем взял стоявший у стены лук, вытащил из лежащего тут же колчана стрелу, положил её на тетиву, с усилием согнул лук, прицелился и выстрелил Петросу в спину.

Стрела обожгла Петросу левую подмышку и со звоном ударилась в камни.

Петрос резко обернулся. Тасаэль пристраивал на тетиву новую стрелу. Лицо у него было испуганное, руки тряслись.

– Эй! – крикнул Петрос. – Ты что?!

Тасаэль вскинул лук.

Петрос выхватил из ножен меч и метнул его в предателя.

Меч попал Тасаэлю под поднятую левую руку. Лук дёрнулся. Стрела просвистела мимо уха Петроса и ударила в потолок. Посыпалась каменная крошка. Тасаэль, сбитый с ног мощным ударом, опрокинулся на одну из корзин, перевернулся, судорожно вцепился в её ручку и, застонав, вместе с корзиной тяжело завалился вбок.

Петрос, медленно приходя в себя, подошёл к зятю. Тот, лежал на спине и, мучительно выгибаясь, пытался за рукоять выдернуть глубоко вонзившийся в тело меч. Голова Тасаэля была запрокинута, из уголков рта к ушам текли тонкие алые струйки крови.

– Зачем?! – горько спросил его Петрос. – Господи, ну зачем?!

Тасаэль не ответил. В горле его что-то заклокотало. Ослабевшие пальцы выпустили рукоять. Тело опало, голова безвольно скатилась набок. В остановившихся глазах двумя маленькими жёлтыми бабочками плясало пламя факела.

Петрос молча постоял над неподвижным телом, а потом развернулся и пошёл к костру...

Из всех солдат, лежащих у костра, только лопухий Рафи ещё подавал признаки жизни. Лицо его посинело. Ноги были поджаты к животу. Тело била крупная дрожь. Судорожно скрюченные пальцы бессильно скребли землю. Из перекошенного набок рта толчками вытекала жёлтая пена.

Петрос, стиснув зубы, присел над молодым солдатом на корточки.

– Рафи... – беспомощно тронул он его за плечо. – Рафи, ну, ты что?..

Дыхание солдата пресеклось. Тело несколько раз слабо дёрнулось и затихло.

– Господи, да что же это?! – беспомощно прошептал Петрос.

Он встал и огляделся. Все солдаты лежали в одинаковых позах: далеко запрокинув голову и подтянув ноги к самому животу. Лица у всех были неприятного синюшного цвета. На серых губах запеклась пена. Петрос перешагнул через опрокинутый котелок с кашей, поднял с земли доньшко разбитого кувшина и осторожно понюхал сохранившиеся в нём остатки вина. Вместе с винным ароматом он уловил и другой, слабый, но отчётливый: пряный, немножко резковатый запах, напоминающий запах хрена.

– Так ведь это же!.. – прошептал поражённый Петрос.

Он вдруг почувствовал, что задыхается.

– Сволочь!! – заорал Петрос и с треском рванул ворот.

Он швырнул осколок кувшина в стену и выскочил из каменоломни в ночь.

– Будь ты проклят!!.. Будь ты проклят!!!.. Будь ты проклят!.. – на все лады повторял он, ничего не видя перед собой и только чувствуя, как по щекам быстро бегут горячие слёзы.

Потом он опомнился.

Тихо шумели в ночи кроны пиний. Над головой мириадами светлячков переливались и дрожали звёзды. Слева, по протоптанной волами дороге, медленно подползал к каменоломне бледный стелющийся туман. Где-то неподалёку грозно прогугукала и опять замолчала неясность.

Петрос вернулся в каменоломню.

Здесь было совсем темно. Факел уже потух, а от костра оставалось несколько едва тлеющих головешек. Петрос ощупью пробрался к сундуку Тасаэля и, откинув крышку, принялся шарить внутри. Вскоре пальцы его наткнулись на оловянную флягу с маслом. Петрос снял со стены факел и, осторожно ступая, пошёл к костру. Плеснув немного масла на головешки, Петрос заправил факел, поджёг его и вернулся обратно. Что-то не давало ему покоя. Какой-то эпизод выпал из его сознания, оставшись в памяти лишь смутным беспокойством.

Петрос подошёл к сундуку, постоял над ним, потом повернулся к лежащему в нескольких шагах телу Тасаэля. Беспокойство касалось именно Тасаэля. Какая-то заноза, связанная с ним, сидела в сознании, сидела где-то совсем рядом, неглубоко, но за неё было никак не ухватиться. Взгляд Петроса зацепился за стоящую рядом с телом корзину. Он поднял нещадно трещащий факел повыше и взгляделся. Корзина? Да, дело было в корзине. Что-то в этой корзине было неправильное, что-то недавно мимолётно поразило Петроса... Да! Вот оно! Петрос воткнул факел в расщелину, быстро подошёл к корзине и, поднатужившись, завалил её на бок. И сразу же отпустил. Корзина – сначала медленно, как бы нехотя, а потом всё быстрее – поднялась с пола и, покачнувшись, снова утвердилась вертикально. Петрос задумчиво погладил бороду, потом быстро выдернул из ножен кинжал и принялся вспарывать рогожу.

В корзине оказался один единственный предмет: огромная – диаметром во всю корзину – высокая белая ваза, весьма искусно сделанная в форме раскрытого лотоса, покоящегося на руках трёх обнажённых танцовщиц. Осторожно отставив вазу в сторону, Петрос выгреб из корзины всю оставшуюся стружку и, ухватившись за ручки, попытался корзину приподнять. И присвистнул – пустая корзина весила никак не меньше двух талантов. Петрос принялся внимательно рассматривать плетёную тару и вскоре открыл её секрет: корзина была двойной, а точнее, это были две корзины, вставленные одна в другую. Петрос вывинчивающими движениями извлёк верхнюю корзину из нижней и, заглянув внутрь, снова обнаружил на дне рогожу. Это был мешок. Петрос опрокинул корзину и, вывалив мешок на каменный пол, вспорол его ножом. Мешок заполняли аккуратные кожаные колбаски, длиной в полторы ладони и толщиной чуть больше пальца, у которых один конец был наглухо зашит, а другой – плотно перевязан бечёвкой и опечатан. Сковырнув восковую печать, Петрос развязал одну из колбасок и принялся вытряхивать из неё на рогожу глухо позвякивающие монеты. Монеты оказались ауреями. В колбаске помещалось ровно сто ауреев. Высыпанные на рогожу, они составили небольшую горку, благородно поблескивающую в тусклом факельном свете. Петрос достал и пересчитал оставшиеся

колбаски. Их было шестьдесят три. Вместе с выпотрошенной – шестьдесят четыре. Шестьдесят четыре набитые до отказа кожаные колбаски. Шесть тысяч четыреста ауреев. Два таланта золота.

Петрос встал и окинул взглядом длинную, уходящую в темноту шеренгу корзин. Ну, которая тут ещё с двойным дном? Сознавайтесь! Которую ещё, понимаешь, вскрыть и выпотрошить?.. Он подошёл к ближайшей, повалил её на землю и быстро отступил. Корзина медленно поднялась и встала вертикально. Петрос шагнул к следующей и повалил её. И эта корзина выпрямилась. Тогда Петрос двинулся вдоль ряда корзин, методично опрокидывая их одну за другой. Все без исключения корзины – словно залитые свинцом шулерские кости, что всегда выбрасывают одну и ту же цифру, – вставали самостоятельно. После двадцатой или тридцатой попытки Петрос остановился. Он понял. Золото было во всех корзинах.

По два таланта золота в каждой корзине. Семьдесят корзин. Сто сорок талантов.

Это было не просто огромное богатство. Это было невообразимое богатство. На это золото можно было нанять целую армию. За эти деньги можно было купить целый город. Да что там город – целую страну!

Петрос перевёл дух. Сердце стучало где-то в горле. Ладони были мокрыми.

Он выбрался из каменоломни наружу. Здесь по-прежнему сияли звёзды и тихо шелестели чёрные кроны пиний. Туман, упёршись в неприступную осыпь, растёкся по поляне тонким слоем белёсой плесени. Под туманом, в траве кто-то шуршал – то ли мышь, то ли вышедший на охоту ёж. Над миром царила ночь.

– Ну, и к чему мне всё это?!.. – громко спросил Петрос у равнодушной тьмы. – Зачем?!..

Тьма безмолвствовала. Не слышно было цикад. Молчали ночные птицы. Даже тот, маленький, под слоем тумана в траве, перестал шуршать, затаился, затих.

Тогда Петрос задрал голову и крикнул прямо в таинственно мерцающие глаза звёзд:

– Э-э-эй!!.. Ты там хорошо подумал?!..

От Клавдия Агриппе Марку привет.

Благодарю тебя, мой мальчик, за поздравления к десятилетию моего правления. Однако прошу тебя, не величай меня впредь Великим Императором и Отцом Отечества. Эти пышные титулы суть глупая трескотня и пустозвонство. Они были придуманы хитроумными придворными льстецами якобы для восхваления и превознесения доблестей и заслуг правителя. На самом же деле, служат лишь для одного – для неоправданного (но, разумеется, всегда столь желанного!) собственного возвеличивания. Мне они поэтому всегда были чужды и неприятны. Я всегда относился к моему положению исключительно как к почётной, но, в то же время, крайне ответственной должности, по благоволению богов возложенной на меня народом Румы, а потому был и остаюсь лишь первым среди равных.

Ты интересуешься моим здоровьем и делами.

Увы, ни в первом, ни во втором случае похвастаться мне нечем.

С того дня, как умер Скрибоний Ларг, здоровье моё с каждым днём лишь ухудшается. Что поделаешь, годы берут своё. Старость, мой мальчик, скверная штука. Она подкрадывается незаметно, исподволь. Она, как стебель дикой лианы, сначала незаметно, безобидно обвивает ствол, а потом, набравшись сил и обнаглев, беспощадно сжимает, душит дерево в своих смертельных объятьях. Почти каждый месяц обнаруживаю у себя какую-нибудь новую болячку. Особенно же донимают боли в животе. Страдаю от них порой так, что невольно приходят мысли о холодном лезвии меча, способном в один миг прекратить все мучения. Мой добрый Скрибоний Ларг умел облегчать мои страдания. Нынешние же лекари все, как на подбор, либо шарлатаны, либо бездари, проку от них никакого, зато до звонких сестерциев они охочи, что кобели до текущей сучки. Поэтому и остаётся только одно: терпеть и страдать. Страдать и терпеть. Как прав был Овидий: не так мучительна смерть, как её ожидание!

Дел много, а сил всё меньше. Боюсь не закончить начатое.

Работы на акведуках всё время останавливаются: то перебои с кирпичом, то проблемы с рабами – лихорадка, особенно в зимнее время, выкашивает их сотнями.

В Порту тоже всё идёт не гладко. И хотя обустройство маяка наконец закончено, он торжественно освящён, и огонь на нём зажжён и виден, как и было рассчитано, за триста стадиев, готовой новую гавань назвать пока ещё нельзя – канал, что соединяет море с Тибром, не докопан. Зимние шторма подтопили его западный конец, и работы теперь можно будет возобновить не раньше, чем в марте-апреле, а стало быть, и закончить всю стройку раньше, чем к середине следующего года, не получится.

Что ближе всего к завершению, так это работы по осушению Фукинского озера. Там тоже, конечно, проблем хватает, но заправляет там всем теперь Кезон Флорид, а потому я могу быть спокоен – хватка у него железная, он собрал там тридцать тысяч

рабов, и я готов биться об заклад, что каждого из них он заставляет работать как минимум за двоих. Так что, если на то будет воля богов, этим летом устроим на Фукинском озере прощальную навмахию. Надеюсь до этого события всё-таки дожить. Приезжай и ты, мой мальчик, проведай старика напоследок. Рассчитываю увидеть тебя в РOME ещё до Аполлинарий.

Ты жалуешься на глупость и жадность храмовых жрецов и иудейской знати. Прошу тебя, мой милый Марк, остерегайся этих людей. Их показная простота обманчива, и твой добросердечный и доверчивый отец имел несчастье в этом убедиться. Поэтому спуска им не давай. Но, как говорится, торопись медленно, старайся действовать хитро: уступая в малом, выигрывай в большом. Отдавая цыплёнка, забирай быка. Но, разумеется, и сам не жадничай. Мой покойный дядя, Кесарь Тиберий, имел великое множество недостатков, но уж в чём в чём, а в глупости упрекнуть его было нельзя – хитрющий был старик. Так вот, однажды, когда оба испанских пропретора попросили его разрешить им поднять в своих провинциях налоги, Тиберий ответил им так: хороший пастух стрижёт скот, а не сдирает с него шкуру. Клянусь Юпитером, будь моя воля, я бы приказал накалывать эти мудрые слова на правой руке каждого вновь назначаемого наместника.

Ты опять не ответил на мой вопрос о женитьбе, мой мальчик. Вряд ли это можно объяснить твоей рассеянностью и уж тем паче неуважением ко мне. Думаю, всё объясняют те слухи, что время от времени добираются до наших краёв из Палестины. А слухи эти таковы: молодой царь Иудейский беззастенчиво живёт со своей родной сестрой Береникой. Я далёк от мысли, мой мальчик, порицать тебя за безоглядную страсть – как известно, сердцу не прикажешь, но вопрос престолонаследия столь важен, что пускать его на самотёк или откладывать на потом не только опрометчиво, но и опасно. Поэтому мой тебе совет – женись. Ты спросишь: на ком? Отвечу. У каждого из парфянских царей есть дочери. Выбери самую красивую и женись на ней. Междинастические браки весьма полезны с точки зрения укрепления (и расширения!) границ. Отказа, думаю, не последует – дела в Парфии сейчас обстоят не лучшим образом, а за твоей спиной как-никак – Великая Рома! Да и сам ты жених завидный: молод, богат, красив. Женись, роди законного наследника и продолжай дальше наслаждаться жизнью. Тебе ещё не поздно ею наслаждаться – в отличие от твоего «дядюшки Клавдия», ты ещё полон сил.

Продолжаю на следующий день.

Сегодняшнее утро осквернилось дурным знамением: на рассвете над Капитолием появилась огромная стая воронов. Не менее часа они кружили над холмом, громко кричали, дрались, садились на крышу храма, а потом вдруг снялись с места и улетели за Тибр – так же неожиданно, как и появились. Все авгуры сошлись на том, что это очень плохой знак, однако в трактовках последствий разошлись. Одни сулят недород и голод, другие – большой пожар, третьи – восстание

черни или рабов. Я же помалкиваю и лишь горько усмехаюсь про себя, помня, что в день смерти Божественного Августа на крыше его дома в Ноле видели ворона.

Так что, похоже, мой мальчик, дни мои действительно сочтены, и крылатый Танатос уже наточил свой меч и готовится пуститься в путь, дабы позаимствовать прядь волос у одного грузного одышливого старика, недобросовестного в молитвах и невоздержанного в удовольствиях

Утешаюсь лишь моим любимым Горатием Флакком: смертный путь проходят лишь однажды.

P.S. Передавай привет своей матушке. Пусть она, чистая душа, помолится за меня. Боги у нас с ней, конечно, разные, но мне почему-то кажется, что к просьбам праведников, кому бы те ни молились, боги прислушиваются намного охотней, и, кто знает, может, её бог замолвит за меня словечко перед нашими.

Скол восьмой
Италия. Рома
(DCCCIV ab U. c., Februarius-Martius)

1

Утро выдалось солнечным, но холодным, и неподвижная вода в имплювии, отражая небо, отливала благородным сапфиром.

Зевая и то и дело подрагивая от утренней свежести, Петрос пересёк атриум и остановился у лестницы, ведущей на второй этаж. Сверху с охапкой белья спускалась Бүдика.

– Саті проснулась?

– Нет, господин, – ответила рабыня. – Госпожа спать.

Она шагнула с последней ступеньки и остановилась перед Петросом – высокая, почти с него ростом, плоскогрудая, с грубыми, рублеными чертами лица.

– Как она?

Бүдика кивнула.

– Немного хорошо. Спать хорошо. Не кашлять.

– Не кашлять... – повторил Петрос, задумчиво поглаживая бороду. – Ладно. Ступай. Как проснётся – дай мне знать.

– Хорошо, господин.

Рабыня ушла, а Петрос, ещё некоторое время постояв в задумчивости, раздвинул деревянные створки и вошёл в табліnum. Здесь было немного чадно, но гораздо теплее – две большие жаровни в противоположных углах комнаты распространяли вокруг себя ровный сухой жар. Большой масляный светильник на высоком канделябре справа от стола тоже, наверное, добавлял тепла, но больше, конечно, – копти и чада. Над одной из жаровен, держа в руке деревянный веер, стоял Мэlex – кубиккулярый и личный секретарь Петроса. Видно было, что он только что закончил раздувать угли – лицо раба покраснелось, на высоком лбу выступили мелкие капли пота, редкие волосы на висках взмокли и склеились в крысиные хвостики.

– Ну, – спросил Петрос, старательно закрывая за собой раздвижную дверь, – что у нас нового?

– Офír вернулся, – улыбаясь, доложил Мэlex.

– Да ну?! – вскинулся Петрос; вся сонливость тут же слетела с него. – Где он?

– Там, – потыкал секретарь веером за спину. – В своей комнате. Отсыпается.

– Потом! Потом будет отсыпаться! – замахал на него руками Петрос. – Ещё чего! Давай его сюда!

– Слушаю, господин.

Мэlex вышел. Петрос сел за стол, взял в руки перетянутый шёлковым шнурком свиток, но тут же отложил его в сторону, вскочил и стал нетерпеливо прохаживаться по кабинету. Вскоре послышались голоса, и через занавес со стороны перестилia в комнату в сопровождении секретаря шагнул Офир – весь круглый, мягкий, как большая подушка, с могучей раскидистой бородой на широком плоском лице. Был он в одном хитоне и бос, сандалии свои нёс в руке. При виде Петроса заспанное лицо Офира озарилось улыбкой, отчего выдающаяся борода его ещё больше разъехалась вширь и, как показалось Петросу, даже легла на плечи.

– Офир!.. – Петрос, раскинув руки, шагнул вперёд и заключил толстяка в объятья. – Офир! Дружище!.. Ты как здесь?! Откуда?! Не чаял тебя до весны увидеть! Неужели приплыли?!.. Ну, что там? Что? Рассказывай! Нет! Стой!.. Мэlex! – обернулся он. – Горячего вина! Быстро!.. И завтрак давай! В триклиний! Жаровни – туда же!.. Ну! Ну! – снова обратился он к улыбающемуся Офиру. – Рассказывай!

– Я таки нашёл его, Петрос! – улыбаясь ещё шире, ответил тот. – Я нашёл твоего Марка.

У Петроса бухнуло и гулко застучало сердце.

– Ну, давай, не томи, рассказывай!.. Нет! Пойдём в триклиний – там!..

Они перешли в столовую, где уже всюю, накрывая завтрак, суетились рабы, и улеглись на ложах голова к голове. Мэlex тут же укрыл их тёплыми шерстяными одеялами.

– Зря мы сюда пришли, – умащиваясь среди подушек, проворчал Офир. – Лёжа да под одеялом, этак я сразу усну.

– Я тебе, понимаешь, усну! – погрозил ему Петрос. – Рассказывай давай!

– Ну, в общем, в Яфе они, – наконец устроившись, сказал Офир. – В доме Шимона Кожевенника. И Марк твой, и Линос...

– Подожди-подожди! Так ведь ты же искал их там в прошлый раз!

– Ну, – согласился Офир. – Искал. Но тогда они ещё в Египте были.

– В Египте?!

– Ну да, – кивнул Офир. – Ты слушай. Они, оказывается, сразу после смерти Агриппы, пока во дворце, да и во всей Кесарии, неразбериха была, сбежали в Пиратон. Ну, отсиделись там. А через пару месяцев, когда всё улеглось, через Ашкелон уплыли в Александрию. И вот только в прошлом году, на Писху, вернулись обратно в Израэль, в Яфу...

– Вино, господин! – вошедший раб поставил на стол перед Петросом обёрнутый в несколько слоёв толстой ткани высокий узкогорлый кувшин.

– Наливай! Наливай!.. – нетерпеливо махнул рукой Петрос.

Виночерпий поклонился и стал аккуратно разливать вино в толстостенные стеклянные чаши. По столовой растёкся аромат горячего имбиря и гвоздики.

– Ну!.. Ну! Дальше! – принимая из рук раба сосуд с вином, снова затеребил Офира Петрос.

– Ну, что дальше... – Офир тоже взял свою чашу, понюхал, зажмурился и, с наслаждением отхлебнув, продолжил: – Все живы-здоровы... Но живут бедно. Шимон, правда, лавку ещё держит, но прибыли от неё почти никакой. Сам-то он уже не работает – глазами слаб стал. Ну, а работников двоих нанял, так те в ремесле не ах: ещё что попроще – сделают, а тонкую работу так лучше вовсе не давать – испортят. Вот заказчики, те, что побогаче, от Шимона и поразбежались... М-да... Линос переписчиком в таможду было устроился, но потом к ним нового начальника из Йерушалайма прислали. А тот оказался близким родственником какого-то Нахсона. Линос сказал, что ты этого Нахсона знаешь. Ну, Линос, короче, от греха подальше из таможди быстренько сбежал... – Офир сделал ещё один глоток и с наслаждением почмокал. – Вкусно! Сто лет такого вина не пил!.. Ну вот. Короче, бедно живут. Бывает, что и голодают...

– А Марк-то, Марк – как? Вырос, небось?

– Марк-то?.. – Офир переложил чашу в левую руку, а правую задрал над головой. – Во! На полголовы выше тебя будет. Но не жердяй! Крепкий. И красавец! На тебя, кстати, совсем не похож – лицо круглое и глаза карие.

– В мать... – хрипло сказал Петрос и откашлялся. – Мать у него очень красивая была.

– Красавец... Красавец... – покивал Офир. – У Шимона две дочки незамужние. Так те, прям, глаз поднять на него не смеют, дышать рядом с ним перестают.

– А он?

– Ну, а что он? Он тоже ведь не евнух, живой человек. Вроде как на старшую засматривается. Хадасой её зовут. Справная девка. Всё при ней.

Они помолчали, прихлёбывая горячее вино и думая каждый о своём.

– Так ты как здесь оказался? – опомнился Петрос. – Как навигация закрылась, я понял, что по крайней мере до конца марта я вас не увижу. А вы, получается, всё-таки доплыли? «Поллукс» сейчас где? В Остии?

Офир усмехнулся.

– Как же, доплыли... Доплыли мы только до Дирра́хия. Может, слышал?.. Это в Илирикуме. Да и то не доплыли, а так – доползли. Нам возле Кóркиры главную мачту сломало. Представляешь? Прям с корнем выдрало. Шквал налетел – мы только ахнуть успели – хрясь! – и всё, и нет мачты!.. М-да... Ну, добрались кое-как до Диррахия. Поняли, что зимовать там придётся. Пятьдесят рабов продали сразу – за стоянку заплатить, за ремонт, жить опять же где-то надо...

– Много этот раз рабов везли?

– Прилично. Двести тридцать штук. Хороший товар. Качественный. Почти все – азанийские. Чёрные, как сажа... В Александрии брали...

– Всё готово, господин, – учтиво поклонился хозяину раб-кравчий.

– Угощайся, – указал Петрос гостю на стол. – Пока слегка перекусим, а потом, ближе к вечеру, устроим, понимаешь, праздничный обед. Барашка зажарим... Радостную весть ты мне принёс, Офир, очень радостную. Спасибо тебе!.. Так что пей, ешь, отдыхай. Вот тут холодная телятина, рыбка, маслины. Яйца с грибами. Бери, бери, не стесняйся!.. Это – морётум. Кстати, рекомендую! Мой повар чудесно его готовит.

– И это называется «слегка перекусим!»! – засмеялся Офир. – Отвык я от таких перекусов. Почти год, почитай, от пуза не ел. А порой так неделями одной поской с чёрствой лепёшкой приходилось пробавляться.

– Ну, по тебе не скажешь, – подначил гостя Петрос, – незаметно, чтоб похудел... Так что там дальше? Добрались до Диррахия, и что?

– Ну, добрались, – жуя на полный рот, продолжил рассказ Офир. – «Поллукс» – в хлам. Главная мачта – сам понимаешь. Это ремонта – месяца на три, не меньше. И то, если с хорошей древесиной повезёт. А тут уже октябрь. Ветра всё больше северные. На Италию суда не идут... Ну, я и решил: не ждать. Купил себе мула, припасов в дорогу, старшим назначил Бэцалэля – и сразу после Суккота пошёл.

– Пешком?!

– Пешком.

– Это вокруг всего Верхнего моря?!

– Ну да.

– Ну ты даёшь! – Петрос восхищённо повертел головой. – Офир, ты меня очередной раз удивил. Приятно удивил... Давай! За тебя!

Они выпили.

– Во-от... – протянул Офир, макая в острый соус кусочек мяса и отправляя его в рот. – Ну, вокруг всего моря пройти мне не удалось. Дошёл до Аквилеи...

– Это где такая?

– Это?... Это Венетия. Северное побережье Верхнего моря. Сорок дней шёл. Думал, дальше – по Постумиевой дороге добраться до Пласэнтии, а оттуда уже двигать на юг. Но тут подвернулся корабль до Ариминума. Романская либурна. Везли какие-то срочные донесения от пропретора Паннонии кесарю.

– Ого! – задрал брови Петрос. – Как же ты умудрился попасть на военный корабль?!

– Ты не поверишь, – улыбнулся Офир. – Оказалось, это легче лёгкого. Всего лишь двести сестерциев триерарху – и неприступная либурна превращается в гостеприимную плавучую гостиницу.

– Скажи на милость! – восхитился Петрос. – Что, прямо так, вместе с мулом, и взяли на корабль?

Офир рассмеялся.

– Нет. Мула пришлось оставить на берегу. Подарил его какому-то местному бродяге. То-то же у него радости было!.. Ну, в общем, прокатился я на романской либурне. Хорошо бегаёт посудинка, ничего не скажу. Особенно с попутным ветром... Так что Хануку я уже справлял в Ариминуме... Ну вот... А потом по Фламинеовой дороге – потихонечку-полегонечку – в Рому... Да! – оживился он. – В горах-то снег лежит! Представляешь?! Я первый раз в жизни по снегу ходил! В руки его брал. Я ж до этого снег только издали-то и видел. На Хермоне, на Этне, ну, там ещё где...

– И как? – погружая нос в чашу с вином, поинтересовался Петрос.

– Как-как?! – возмущённо воскликнул толстяк. – Холодно!..

Когда отсмеялись и рабы вытерли со стола пролитое вино, Петрос скинул с себя одеяло и сел – жаровни уже достаточно прогрели комнату.

– Как продались мечи в Гиппо-Регии?

Офир довольно затряс бородой:

– Замечательно! Замечательно продались! Ты был прав! – он кинул обгрызенную косточку на пол и, тоже сев, принялся вытирать пальцы хлебным мякишем. – В Гиппо-Регий их возить гораздо выгоднее, чем в Палестину. Разлетаются, как сладкие финики! Мы сначала пустили их по сто десять, потом подняли до ста сорока. А последние триста штук у нас забрали за сто пятьдесят. Какой-то купец из Ламбессы прискакал и сразу оптом всё и забрал. И сказал, кстати, что по такой цене возьмёт ещё. Хоть тысячу, хоть две, хоть пять. Рассказал, как его в Ламбессе найти. Попросил обязательно известить его при следующем приезде.

– О! – одобрил Петрос. – Это хорошо. Это, понимаешь, просто замечательно! С таким оптовиком дело иметь выгодно.

– Но я тебе вот что ещё скажу, – Офир кинул хлебный мякиш на пол и снова повалился на ложе лицом к Петросу. – Я, когда был в Аквилее, узнал кое-что интересное. Там тёрся торговец из Нóriки. Предлагал норейские мечи.

– Спаты?

– Да, спаты. Называл цену: сто шестьдесят за штуку, сто тридцать – при покупке партии от ста штук.

– Сто тридцать за норейскую спату?!

Офир кивнул:

– Точно.

– Что-то подозрительно дёшево. Здесь норейская спата – меньше, чем за триста, даже не подходи – никто разговаривать не будет.

– Ну, не знаю, – пожал плечами Офир. – Может, конечно, подделка, халтура какая, но на вид мужик он серьёзный. Во всяком случае, попробовать можно. Если здесь норейская спата – триста, то в том же Гиппо-Регии обычная, лукканская, столько стоит. А норейскую, так ту – вообще, с руками оторвут! И за четыреста, и, кто его знает, может, за все пятьсот. Так что я с этим купцом на всякий случай столкнулся. Óвий Ленát его зовут. Если что – знаю, как его найти.

– Хорошо, – кивнул Петрос, – Попробуем. Прямо с началом навигации и попробуем.

– Ну, с началом навигации не получится, – возразил Офир. – «Поллукс», в лучшем случае, доберётся до Остии где-нибудь в апреле. И ещё неизвестно, как он будет ходить после такого ремонта.

– К чёрту «Поллукс»! – стукнул по столу чашей Петрос. – Не будем ждать. Другой корабль возьмём. Завтра же в Остию поедем!

– Будешь покупать?

– Нет, – покачал головой Петрос. – Скорее всего, нет. Как оказалось, свой корабль – слишком хлопотно. Мне «Поллукса» вот так хватает! – он чиркнул себе ладонью по горлу. – Возьму в аренду какую-нибудь крепкую будару, подберу, понимаешь, хороший экипаж – и поплыву.

– Что?! – поперхнулся Офир. – Ты?! Поплывёшь?! Ты же клялся-божился, что отныне – ни за что и никуда! Что нахлебался морем досыта! Что в море теперь – не глубже, чем по колено!

– За сыном! За сыном, Офир! – Петрос похлопал гостя по плечу. – За сыном не грех и сплавать. Чего уж там, тряхну, понимаешь, стариной!

– Сюда, думаешь, Марка привезти?

– Конечно, сюда! Хватит, пожилы врозь. Привезу сюда, женю. Внуки, глядишь, пойдут. А захочет, прямо там женю. В Яфе. Как, говоришь, Шимонову девку зовут?

– Хадаса.

– Вот на Хадасе и женю. Коль любя она ему. Женю и обоих сюда привезу. А что, дом большой, места всем хватит. Да что там! Я для них отдельный дом построю. Рядом. Земли-то у меня тут, на Ватикане, хватает. Почитай, четверть холма – мои!..

В триклиний заглянул Мэлех.

– К господину клиенты.

Петрос поморщился.

– Кого там принесло?

– Тиберий Силон и Тиберий Эбурн пришли. И ещё этот... Как его?.. Анаклетос! Хромой.

– Скажи, пусть подождут. Я сейчас.

– Хорошо, господин.

– Сати встала?

– Да, господин, встала. Но вниз ещё не спускалась. Ей в комнату воду для омовения понесли.

– Ладно, – кивнул Петрос. – Ступай.

Мэлех исчез, а Петрос, кряхтя, спустил ноги с ложа и принялся нашаривать сандалии.

– Дела? – сочувственно спросил Офир.

– Да. Будь они неладны... Но ты не отвлекайся. Ешь, пей. Можешь и поспать здесь... Не скажу, что я скоро, но, учти, обедаем мы вместе. А завтра, прямо с утра, едем с тобой в Остию. Договорились?

– В термы бы, – жалобно попросился Офир. – Почитай, год в термах не был. Чешусь уже весь, как паршивый кот.

– Давай я прикажу, тебе в микве воду нагреют, – предложил Петрос.

– Миква – это, конечно, хорошо, – цыкнул зубом Офир. – Микву – это можно. Но, сам понимаешь, с термами ведь её не сравнить. В термах же и попаришься, и поплаваешь, и

полежишь! И снова попаришься! И рабы-бальнеаторы в лавариуме маслом натрут! – он мечтательно прижмурился. – Да что я тебе рассказываю! Ты ж и сам знаешь!

– Хорошо, – согласился Петрос. – Уговорил. Завтра идём в термы. Но послезавтра, с утра, едем в Остию. Будем корабль выбирать. Прямо с утра едем. На рассвете. Слышишь?!..

– Ну, чего тебе?.. – несколько неприветливо спросил Петрос.

Не нравился ему Анаклетос. Было в нём что-то совсем уж рабское, приниженное. Он и был когда-то рабом. Но ещё в юности вместе со своими родителями получил от хозяина вольную, а после смерти отца унаследовал небольшую бумажную лавку. Торговал папирусом, письменными принадлежностями, подрабатывал переписчиком, толмачом. В целом, жил неплохо, не бедствовал, хотя, конечно, особо и не шикавал. Да и как ты, прямо скажем, пошикуешь, когда полон дом малых детей. А было их у Анаклетоса и жены его, Дворы, аж семеро. В общем, что уж там говорить, жил вольноотпущенник и мелкий торговец Анаклетос недурно: и жилище свой имел – между прочим, на первом этаже инсулы, и магазинчик свой – в виде пристройки-таберны к той же инсуле, – не всякий, ой, не всякий бывший раб мог похвастаться такой жизнью! Но всё равно, какая-то невыводимая рабская печать, какой-то отпечаток подчинённости, собственной малозначимости навсегда остался на челе Анаклетоса, во всём его облике. Был он подобоострастен и угодлив, слащаво льстив и никогда, ни при каких обстоятельствах не смотрел собеседнику в глаза. Даже его врождённая хромота вызывала не сочувствие, как того можно было ожидать, а почему-то раздражала.

Несмотря на греческое имя, был Анаклетос чистокровным евреем. Дед его, Асаф бар-Гидьон, состоятельный купец, слыл в Ципори уважаемым человеком, держал несколько зеленых лавок, но в одночасье потерял всё да и сам попал в рабство во время печально известного восстания Йехуды Галилеянина, когда легионеры Публия Сульпикия Квириния, озверевшие от упорного сопротивления повстанцев, ворвавшись в город, предали огню всё, что могло гореть, и угнали в рабство всех, кого не убили на месте и кто мог самостоятельно передвигаться, – и богатых, и бедных, и старых, и молодых.

Петрос познакомился с Анаклетосом по случаю, зайдя однажды в его лавку за чернилами, а затем встретив в одном из молельных домов на Яникуле. Анаклетос был христианином. Христианских общин в РOME было уже несколько, общее число прихожан исчислялось сотнями, и предприимчивый Анаклетос не упустил возможности попытаться вовлечь в их ряды явно состоятельного земляка, к тому же ещё и романского гражданина. Когда же Петрос снисходительно объяснил своему новому знакомому, кто он и откуда, и поделился с ним некоторыми подробностями земной жизни своего друга Великомученика и Помазанника Божьего Йешуа бар-Йосэфа, тот перенёс весь свой религиозный пыл на «Первого из Апостолов, Благочестивого Петроса», что, впрочем, не мешало ему периодически кланяться у «Благочестивого» денег на нужды общины. Петрос деньги давал, но от посещения собраний общины под разными предлогами уклонялся, наведываясь в молельный дом исключительно по большим праздникам...

– Чего тебе? – повторил свой вопрос Петрос. – Зачем пришёл?

Анаклетос сделал страдальческое лицо и, прижав руки к впалой груди, поклонился. А затем, так до конца и не распрямившись, залебезил сладким голосом, сложив молитвенно руки перед собой и уставившись в какую-то только ему одному видимую точку, расположенную на полу, где-то посередине между тем местом, где он стоял, и столом, за которым сидел Петрос.

– Милости твоей прошу, благосердный и благочестивый Петрос, да продлит Всевышний твои дни! Милости и ничего боле!.. Пурим скоро. Светлый праздник избавления. Народ еврейский собирается в молельных домах и, чтя законоучителей и пророков, читает Святое Писание и радуется. Не откажи, добрейший, в малости. Дозволь твёрдым в вере и чтящим Помазанника Божьего Йешу также праздновать в этот день, а не, как отверженным, лить слёзы, стеная и скорбя душой. Порадуй сырых от щедрот своих. Дабы не омрачился святой праздник. Дабы могли ждущие Спасителя собираться на радость свою вместе и, поклоняясь Господу своему и, соблюдая Закон...

– Хорошо, я понял, – кивнул Петрос. – Сколько?

– ...возносить хвалу добросердечной Эстер, спасшей народ иудейский от неминуемой гибели. Дабы злокозненность недругов наших не омрачила...

– Да понял я, понял! – прервал этот елейный поток Петрос. – Сколько тебе?

Анаклетос судорожно вздохнул, пригладил ладонями волосы на висках и, вновь сложив руки перед собой, осторожно произнёс:

– Десять тысяч сестерциев.

Петрос даже рассмеялся.

– Ну и аппетит у тебя, брат Анаклетос! Ты что же, собираешься стадо быков в жертву Яхве принести? Или в честь праздника заполнить вином фонтан Сосновой Шишки на Марсовом Поле? А то к нему всё никак воду не подведут!.. Десять тысяч! А почему, понимаешь, не сто? Проси сразу сто! Чего там! Благосердный Петрос отсыплет тебе! Ему-то что?! Он ведь, надо полагать, деньги сам чеканит! Сидит, понимаешь, по ночам и чеканит!

Борода Анаклетоса задрожала. Он гулко переглотнул и, искательно улыбаясь, заторопился:

– Не гневайся, досточтимый! Десять тысяч – совсем небольшая цена! Ведь здание-то хорошее! Хоть и старое, но ещё крепкое вполне. И, главное, просторное! Места много. Всем хватит. Там раньше телячьи кожи хранили, а теперь мастерскую закрыли и здание продают. Клянусь тебе, добросердечный Петрос, в черте города лучше ничего не сыскать! Продают ведь сейчас что? Или дом дорогуший патрисию какого-нибудь. Или тесную комнатку в инсуле...

– Стой-стой! Я не понял! – поднял руку Петрос. – Так ты что, дом собираешься купить?!

– Воистину! Воистину так! – закивал, затряс бородой Анаклетос. – Я ж говорю, старые кожевенные склады. Здание просторное, крепкое. И расположено удобно! На берегу Тибра, но не у самой воды, а высоко – паводком не достанет. И к центру довольно близко – недалеко от Эмилиева моста...

– Ничего не понял! – нахмурился Петрос. – Какой лярвы ради тебе эти мастерские?! Ты что, кроме бумаг решил ещё и кожами торговать?!

Анаклетос замотал головой так, что кончик его бороды замельтешил, как собачий хвост; в опущенных долу глазах заблестели слёзы.

– Ни боже мой, благочестивый! Ни боже мой! Мы всё перестроим внутри! Всё переделаем! Всем места хватит! Я ведь не за себя прошу! За братьев и сестёр своих прошу! Не дай им остаться на улице, милостивый! Не дай им в светлый праздник Пурим умыться горькими слезами! Ибо закрыты двери молельных домов для них! Ибо нет им отныне туда дороги! Жестокосердные и безжалостные отринули их от врат Храма Божьего...

– Чего-чего?! Ну-ка подожди! – распрямился на стуле Петрос. – Ты о чём там бормочешь?! Это в каком это смысле «закрыты двери»? Кто это отринул их от храма?! Ты это о чём?!

– Истину, истину говорю! – закивал, выкатывая слезливые глаза, Анаклетос. – Отринуты от Храма Господня! Злонравно и жестокосердно! Йосэф бар-Камит – да покарает его длань Предвечного! – затворил пред нами двери всех домов собраний! Ни слезам, ни уговорам он нашим не внемлет!..

– Как ты сказал?! – Петрос даже привстал. – Я не ослышался?! Йосэф бар-Камит?! Тот самый?! Из Йерушалайма?!

– Именно! Именно! Йосэф бар-Камит – бывший первосвященник Храма йерушалаймского, да падёт на него гнев Вседержителя!

– И давно он в РOME?

– С осени, благочестивый, с осени. Аккурат на Суккот явился он в Рому. Дом большой купил на Авентине. Очень большой, больше твоего. И очень богатый! В Венеринном квартале... Попервой-то он слова никому худого не говорил. Приходил, как все, в дом собраний, молился. На Суккот всё ещё хорошо было. А потом-то всё и началось! – Анаклетос горестно вздохнул. – Поначалу запретили необрезанным в молельные дома заходить. Их у нас с десятков человек наберётся. Те, что из обращённых язычников. Да мы и сами не знали – разрешено ли это. Законников-то учёных среди нас нет. А как нам сказали, что нельзя – мы и смирились. Но потом-то Йосэф бар-Камит рабинов всех подговорил, и всех христиан от домов собраний приказал отводить. Вот тут-то мы и взроптали! Мы-то чем хуже?! Тем, что в приход Спасителя уверовали?! В Помазанника Божьего Йешуа бар-Йосефа нашего?! Так ведь о том и пророки говорили! И Мошэ Богоизбранный, наш учитель! И Давид, царь иудейский! И Плачущий Йирмеяху! – Анаклетос поднял палец и задрал бороду, взгляд его устремился куда-то поверх головы Петроса. – «Ибо наступят дни, и восставлю Помазанника праведного, и воцарится он, и будет поступать мудро, и будет править суд и производить правду на земле!» Так за что же нас от храма отлучать?! Скажи, досточтимый! Разве мы Закон, данный нам Господом, не чтим?! Разве мы Предвечному, во

искупление грехов наших, агнца не жертвуем?! Или же мы некошерное едим?! Или же мы святую субботу нарушаем?!..

Анаклетос распалился. На лбу его набухли жилы, ноздри хищно раздулись, пальцы сжались в кулаки. Горячечные глаза по-прежнему были устремлены ввысь.

Петрос встал.

– Значит, говоришь, дом на Авентине купил?!

Анаклетос тут же замолк и, боязливо скользнув глазами по собеседнику, вновь устался в пол.

– Точно так, досточтимый.

– Ну-ну!.. – Петрос вышел из-за стола и, запустив пальцы в бороду, принялся прохаживаться по кабинету. – Ну-ну... Значит, всемогущим себя считаем? Истиной, так сказать, в последней инстанции? Всё ещё ощущаем себя первосвященником йерушалаимским?.. Только здесь тебе не Йерушалаим, любезный! Далеко не Йерушалаим! Здесь Рома! И ты, понимаешь, давно уже не первосвященник!.. – он остановился напротив Анаклетоса и ткнул его пальцем в грудь. – Вот что, слушай меня внимательно! Завтра же... Нет! Сегодня! Прямо сегодня отправляйся к Йосэфу бар-Камиту, в этот его Венерин квартал, и скажи этому... возмнившему о себе, что некто Петрос Проповедник, он же гражданин Великой Ромы Тиберий Юлий Симон Саксум, настоятельно рекомендует БЫВШЕМУ первосвященнику не делить евреев на праведных и неправедных! Ибо это не его, бывшего первосвященника, забота и обязанность, но – и только! – право Всевышнего! Скажи ему, что я, Симон Саксум, ежели что, смогу найти на него управу! Он меня знает – я слов на ветер на бросаю!.. Ты понял меня?!

Губы Анаклетоса затряслись.

– Я... Я...

– Что?!

– Я не смогу... Не сумею...

– Что ты не сумеешь?!

Анаклетос покачнулся вперёд. Петросу показалось, что он сейчас рухнет на колени.

– Не гневись, добросердечный! Но я... я никак не... Я не смогу Йосэфу бар-Камиту... Прости, но я... робею.

– Тьфу ты!.. – Петрос почти с ненавистью взглянул на понурившегося гостя. – То есть передо мной ты бородой трясти не робеешь, деньги у меня кланчить не робеешь, а два слова, понимаешь, сказать своему обидчику ты не в силах! Хорош гусь!.. Мэлех!

Кубикуларий тут же возник на пороге.

– Да, господин!

– Ты всё слышал?

– Э-э... Да, господин.

– Пойдешь сегодня на Авентин. В Венерин квартал. Он покажет, куда, – Петрос кивнул на втянувшего голову в плечи Анаклетоса. – Человека, который там живёт, зовут Йосэф бар-Камит. Запомнил?.. Йосэф бар-Камит!.. Скажешь ему... Ну, в общем, ты слышал. Если после моего предупреждения хотя бы одного христианина, понимаешь, не пустят в дом собраний на молитву!.. Короче! Я послезавтра еду в Остию. Вернусь дня через два. И если за эти дни ничего не изменится... – Петрос сжал кулаки. – Я тогда сам поговорю с этим... бывшим первосвященником! И так поговорю, что, клянусь небом, ему мало не покажется!..

– Ты чего шумел?

– Ты слышала?

– Да. Случилось что?

– Да так, ерунда. Мелкие неприятности.

– Расскажешь?

– Не сейчас. Потом как-нибудь... Как ты себя чувствуешь?

– Лучше. Кашель почти прошёл... Вот только слабость. По лестнице спускалась – ноги совсем не держат. Думала, упаду.

– Ты что! Не надо падать. Ты ела что-нибудь?

– Не хочется.

– Надо поесть. Обязательно. А то сил не будет. Пойдем в триклиний... Или сказать, чтоб сюда принесли?

– Нет. Пойдём.
– Там как раз Офир...
– Офир?! Он что, вернулся?
– Да, сегодня ночью... Ну, ты что?
– А можно... можно я туда не пойду? Можно мне тогда здесь?
– Н-ну, можно, конечно... Мэлах!.. Кувшин вина сюда! Хлеба! Маслин!.. Чего ещё хочешь? Мясо есть холодное. Будешь?.. Рыбка?.. Моретум?..
– Рыбки... Немножко.
– Слышал?! Ну, чего стоишь?! Бегом!.. Не пойму, чем тебе Офир не нравится? Из всех моих клиентов он самый толковый и порядочный. Он единственный, кому я вполне доверяю... Он что, может, обидел тебя когда-нибудь?
– Нет, нет, что ты! Он не обидел, нет... Он просто... смотрит.
– Смотрит?! В каком смысле смотрит?
– Н-ну, смотрит... Так... Как будто я совсем голая и... и он сейчас в постель меня поведёт.
– Да ну, брось! Не может быть!..
– Нет-нет! Правда! Я знаю эти взгляды! Я помню их! Я их часто видела!.. Там...
– Где?
– Там. На невольничьем рынке. Когда стояла на помосте вместе с другими... С побелёнными ногами.
– Странно... А я не замечал... Надо же. Офир... Ну, хочешь, я с ним поговорю? Он в твою сторону вообще смотреть разучится. Хочешь?
– Н-нет... Не надо. Он же не нарочно.
– То есть как это не нарочно?! Что ты такое говоришь?! Как можно смотреть не нарочно?!
– Ну... Он же, наверно, не может по-другому... Он просто смотрит, и... и у него так получается... Не надо. Не обижай его. Он, в общем, хороший. Добрый. И весёлый.
– Ну ладно. Как скажешь... А я?.. Я тоже на тебя так смотрю?
– Ты? Ты – нет. Ты не так. Совсем не так.
– А как?
– Ты... Ты смотришь... На меня так мама смотрела.
– Вот как... Ну вот, ешь. Вот твоя рыбка. Вино ещё тёплое... Ступай, Мэлах! Если что – я позову... Ну что, вкусно?
– Да... Что рассказал Офир?
– О, Офир! Офир много чего рассказал. Ты знаешь, он всё-таки нашёл моего сына!
– Правда?! Это замечательно! Где?
– В Палестине. В Яфе. Это город такой, на берегу моря. Я там когда-то жил. У друга. Его зовут Шимон. Шимон Кожевенник. Он родственник Линоса. Линос меня когда-то к нему и привёл, и мы там жили. А теперь Линос привёл туда моего сына. Из Египта. Они с Марком несколько лет скрывались в Египте, в Александрии... Офир говорит: Марк вырос, высокий стал. Говорит, на полголовы выше меня. Представляешь?! Говорит, высокий парень, плечистый, крепкий. Здорово! Да?
– Да. Здорово. Он... Он приедет сюда?
– Да! Конечно! Я поплыву за ним. Как только навигация откроется, сразу и поплыву! И потом мы сюда вернёмся. И будем все вместе жить! Правда, замечательно?!
– Да... Я рада за тебя.
– Рада?
– Да.
– А по-моему, не очень.
– Нет, я рада! Правда!.. Честное слово!
– Сати.
– Что?
– Ну что ты?
– Нет, я в самом деле рада! Просто... Просто это как-то странно... Как-то... неправильно.
– Что неправильно?
– Ну... Твоему сыну... Марку... ему ведь сейчас двадцать один?
– Двадцать. На Пурим двадцать один будет.
– Ну всё равно. Двадцать... Выходит... он на пять лет меня старше. Почти на шесть.

– Ну да. И что?
– А я ему, получается... кто? Приёмная мать? Мачеха?
– Ах, вот ты о чём!.. Не думай об этом. В конце концов, какая разница?!
– Не знаю... По-моему, разница есть.
– Ерунда! Вы подружитесь! Вот увидишь! Он у меня славный!
– А я?
– Что?
– Я у тебя славная?
– Ты у меня замечательная! Самая лучшая!
– И ты... И ты не перестанешь меня любить?
– Я?! Глупая!.. Ты поела?
– Да.
– Иди ко мне... Послушай. Помнишь, когда я два года назад привёл тебя в свой дом, помнишь, что я тебе тогда сказал?.. Ты дрожала, боялась меня, совсем дикая была. Помнишь, что я тебе обещал?.. Я тебе пообещал тогда две вещи. Во-первых. Что я никогда и никому не дам тебя в обиду. Да?.. И второе. Что мы с тобой всегда будем вместе. До тех пор, пока... что?..
– До тех пор, пока смерть не разлучит нас.
– Да. До тех пор, пока смерть не разлучит нас.
– Петрос...
– Да, милая.
– Но ты... Ты любишь меня?
– Сати, я... Послушай, давай не будем произносить это слово.
– Почему?
– Потому что... Потому что, мне кажется, его вообще нельзя произносить вслух.
– Ты... Ты боишься?
– ...Да.
– Ты?! Боишься?! Ты?!
– Ну да. Что тут такого? Человеку свойственно бояться.
– Но ты же... Камень! Скала! Разве скалы чего-то боятся?!
– Ох, Сати! Боятся. Я тебе скажу, скалы тоже боятся.
– Чего же? Скажи мне, чего боятся скалы?
– Сказать?
– Да.
– Ну... Хотя бы времени. Скалам тоже свойственно стареть и умирать. Время разрушает их...
И ты совершенно правильно сказала: мой сын почти на шесть лет старше тебя...
– Петрос...
– Да, моя хорошая.
– Ты... Ты прости меня. Я... Я такая дура!
– Брось! Перестань!
– Нет, правда! Я совсем ещё глупая! Дура дурой! Как безмозглая бабочка! Порхаю себе! С цветка на цветок! И думаю только о себе! А ты... А ты...
– Ну всё! Всё!.. Ну, что ты? Не плачь!.. Не надо плакать... Сати!..
– Я не буду.
– Ты плачешь.
– Нет. Нет. Я всё!.. Видишь? Я уже не плачу! Я улыбаюсь. Видишь?
– Вижу. Ты очень красивая, когда улыбаешься!
– А когда плачу – уродина? Да?
– Нет. Когда плачешь, ты тоже красивая. По-своему. Но когда улыбаешься, ты просто красавица! Богиня! Афродита!
– Петрос! Я тебя так люблю!.. Ой! Прости! Прости! Я сказала это вслух!
– Ничего. Тебе можно... Ничего...
– Петрос.
– Да, Сати.
– Скажи... Вот ваш Бог. Он... Нет. Не так... Вот ты говоришь: пока смерть не разлучит нас. Да? Но, скажи, когда мы умрём... оба умрём, может... может, там... ну, куда все попадают после смерти... может, мы там... сможем тоже быть вместе?

– ...Я... Я не знаю, Сати... Я, правда, не знаю... Говорят... Многие говорят. Но это всё слова. Наверняка не знает никто. И я не знаю.

– Но ты... Ты бы хотел, чтоб мы... там... были вместе? Навсегда! Навечно!

– Да... Клянусь, да!

– Петрос!..

– Сати!.. Сати... Радость моя... Хорошая моя... Подожди... Постой. Куда ты меня тащишь?

– Пойдём! Скорей!

– Куда?

– В спальню!

– Ты... Ты хочешь?

– Да! Очень! Да! Прямо сейчас!

– Но ты... Ты же ещё, наверно, совсем слаба. Ты ведь ещё не оправилась от болезни...

– Нет! Мне хорошо! Правда! Честное слово!.. Ну, что же ты стоишь?! Петрос! Идём!

– Да.

– Так ты идёшь?!

– Да... Да! Идём! Да!.. Мэлах!.. Мэлах, разрази тебя гром! Вина нам в спальню!..

2

Когда багровое солнце кануло наконец за Яникул и, повинувшись нестройному хору букин, возвещающих о начале первой ночной стражи, тяжёлые Тройные ворота распахнулись, возница разобрал вожжи и, тронув бигу с места, вывел её на дорогу, с огромным трудом втиснувшись в плотный поток всевозможных колесниц, разновеликих, запряжённых остроухими мулами, тележек и влекомых сонными понурами волами огромных возов, гружённых подчас почти до уровня второго этажа. Поток двигался медленно, как бы пульсируя: то разбухая на перекрёстках, то сужаясь в теснинах подступающих прямо к дороге заборов и глухих каменных стен, то и вовсе останавливаясь, но всё же медленно, постепенно, а иногда рывками, судорожно, втягиваясь в городские ворота, – словно крупный уж, в пылу охоты азартно, но трудно, обдирая бока, вползающий в тесную мышиную нору.

– Ого! – приподнимаясь на сиденье, воскликнул Офир. – Никак заварушка!..

Петрос с усилием разлепил глаза. За время ожидания его вконец разморило – сказалась и тряская многочасовая дорога от Остии, и дрянная, шумная, пропахшая клопами, никогда не засыпающая портовая гостиница, и три длинных суматошных дня, до предела заполненных разъездами, расспросами, хриплой пьяной руганью, длительными хитроумными переговорами и прочей маятой и суетой – в общем, всем тем, что неизбежно сопровождает столь непростое и хлопотное дело как долгосрочная аренда корабля.

– Если я правильно понимаю, – продолжал тем временем Офир, уже стоя в биге и глядя куда-то в сторону реки, – добрые горожане грабят зерновой склад! – в голосе его зазвенело весёлое изумление. – Это что-то новенькое! Такого я ещё не видел!..

Петрос повернул голову. Да, заварушка действительно имела место: возле одного из складских помещений, непрерывной чередой тянувшихся вдоль многочисленных здесь пристаней, колыхалась и угрожающе гудела большая толпа. Кого-то там явно били – толпа взрыкивала, закручивалась в тугую воронку, в центре её над головами мелькали кулаки, палки, подхваченный этим водоворотом, проплыл к эпицентру и вдруг рухнул куда-то вниз длинный заострённый обломок доски. Кого-то бить уже перестали – несколько тел недвижно лежали в пыли; на спине одного из лежавших, облачённого в некогда белую, явно дорогую тогу, отчётливо проступали яркие алые пятна. Из распахнутых настежь дверей соседнего склада суетливые фигурки, сгибаясь, торопливо тащили туго набитые мешки.

– О! А вот и наши доблестные ночные стражи! – воскликнул Офир, простирая руку над головой возницы. – Ну, эти, как всегда, вовремя!

От городских ворот к складам быстро двигался сдвоенной колонной многочисленный – не меньше кентурии – отряд вигилов, вооружённых короткими дубинками и небольшими круглыми щитами. Не доходя шагов ста до складов, вигилы перешли на бег, на ходу достаточно грамотно разворачиваясь в цепь, которая широким полукольцом охватывала место толковища. Стражников заметили. Тащившие мешки стали поспешно бросать свою добычу и спасаться бегством – в основном, в сторону Тибра, где был шанс затеряться среди многочисленных вытасненных на берег лодок и барж, длинных штабелей досок и настоящего лабиринта из сложенных рядами и

пирамидами ящиков, корзин, бочек, тюков и рогожных кулей. Людской водоворот тоже стало быстро размывать, но, видать, в горячке боя не все дерущиеся вовремя заметили опасность. Вигилы набежали и принялись за дело. Дубинки взвились в воздух и обрушились на плечи и головы налётчиков. Толпа взвыла и бросилась врассыпную. Но убежать удалось не всем. Многих тут же валили на землю, споро вязали и стаскивали в одну кучу под стеной взломанного амбара. С десяток преследуемых вигилами грабителей оказались на дороге, с трудом пробираясь сквозь движущийся по ней сплошной поток повозок и телег. Возницы и пассажиры вели себя по-разному. Одни ругали неудачливых налётчиков, поносили их последними словами и даже норовили огреть кнутом. Другие, наоборот, относились к ним сочувственно и всячески пытались помешать преследователям, то вроде как ненароком преграждая им путь своими волами, то (разумеется, чисто случайно!) роняя им с телеги под ноги какой-нибудь объёмный куль или мешок. Один из беглецов, шарахнувшись из-под взвившегося над ним кнута, поднырнул под конское брюхо и вдруг, как в западне, оказался между лошадьми повозки, в которой ехали Петрос и Офир. Это был мелкий плюгавый мужичонка неопределённого возраста – в пыльном плаще-лакёрне, насмерть перепуганный, потный, взъерошенный, с широко распахнутым малозубым ртом посреди сбившейся набок, давно нечёсаной бороды. Он тяжело дышал и дико озирался, вертя головой и не понимая, как он оказался в этой ловушке, как занесло его в эту тесную щель между высокими спинами коней?

– Эй, уважаемый!.. – окликнул горемыку Офир, перегибаясь через плечо возницы. – Да, ты!.. Давай лезь сюда, пока под копыта не угодил!

Мужичонка оказался сообразительным да к тому же ещё и ловким. Он протиснулся к биге, вскочил на дышло, быстро перевалился мимо посторонившегося возницы в коляску и, упав на дно, съёжился, затих в ногах пассажиров. Вигилы, лавируя между повозками и телегами, пробежали мимо, преследуя других налётчиков. Беглец, чуть отдышавшись, сейчас же приподнялся и нетерпеливо выглянул.

– Сиди уж! – одёрнул его Офир. – Не маячь! Перед воротами выйдешь.

– Благодарю!.. – просипел, кивая, плюгавый, вновь опускаясь на дно повозки. – Благодарю, почтенный!.. Да пребудут боги в твоём доме! Да воздаст тебе благой Митра!..

– Ну а тебе, наверно, стоит пожелать помощи от бледнолицой Лавэрны? – улыбнулся Петрос. – Давно ли ты был на Авентине, у её алтаря?

– Точно-точно! – подхватил Офир. – Покажи-ка нам свою левую руку! Не растёт ли у тебя на ладони шерсть? Смотри, Лаверна злопамятна, она сразу метит тех, кто забывает делиться с ней своей добычей!

– Вы меня с кем-то путаете, – поёжился нечаянный пассажир. – Я не вор! Я – честный гражданин! Я, между прочим, – клиент самого Квинта Кекина Прима!

– Вот как! – изумился Офир. – А почтенный Квинт знает, чем по вечерам занимается его клиент на Торговой пристани? Кстати, позволь узнать твоё имя. Тебе ведь, как честному гражданину, нет никакой надобности его скрывать. Верно?

Красные воспалённые глазки спасённого забегали.

– Э-э-э... Я... Я – Публий. Да! Я – Публий Корнелий Долабелла. И ты ошибаешься, почтенный, если думаешь, что на пристани мы грабили склад.

– Ну что ты! – воскликнул Офир. – Как можно! У нас и в мыслях ничего подобного не было! Правда, досточтимый Петрос?..

Досточтимый Петрос, улыбаясь в бороду, кивнул.

– Вот видишь?! – вновь повернулся Офир к сидящему на корточках нечаянному попутчику. – Разумеется, мы не могли подумать ничего плохого о представителе столь древней фамилии и клиенте столь почтенного патрисия. Ты, наверно, как честный гражданин, просто гулял по пристани, дышал свежим воздухом, ну и... чисто случайно подобрал валявшийся там бесхозный мешок с зерном. Как честный гражданин. Так?.. А от вигилов побежал, поскольку... э-э...

– Поскольку тренируешься, – помог приятелю Петрос, – готовишься, понимаешь, выступить осенью на Плебейских играх. Правильно, Публий Корнелий? Как там тебя дальше? Долабелла, если я не ослышался? Так?

Рот Публия Корнелия Долабеллы скривился на бок, как будто он хватанул прокисшего вина.

– Какие ещё там Плебейские игры! – махнул он рукой. – Скажешь тоже! В городе зерна осталось на несколько дней! А вы про какие-то там игры! С голоду, нахрен,дохнуть все скоро начнём, вот что я вам скажу!

– Вот как! – задрал брови Офир. – Ты ничего не путаешь? Откуда ты это знаешь? Откуда у тебя такие сведения?

– Да уж знаю! – тряхнул лохматой головой новоиспечённый пророк. – Все уже об этом знают! Третий день уже в городе только об этом и говорят! А сегодня утром Губастый Хост сказал, что в Сенате решили спешную реляцию в Египет отправить. Не дожидаясь начала навигации. Чтобы оттуда срочно несколько зерновозов в Рому отрядили. А Губастому Хосту, я вам скажу, можно верить – у него зять в магистрате работает!

– Ну, а вы, стало быть, решили зерновозов не ждать, – подытожил Офир, подмигивая Петросу. – Ну и правильно! Когда они ещё придут! Разве что к апрелю. А жрать-то каждый день хочется. Да?

– Мы СВОЁ брали! – с неожиданной горячностью огрызнулся их внезапный попутчик. – Кесарь, между прочим, что приказал? Кесарь приказал по полконгия зерна ежедневно всем гражданам выдавать! Так?! И по квартарию масла! А эти крысы складские уже вторую неделю зерна только по секстарию выдают! А масла не дают вовсе! Нету, видите ли! Нету!! А у самих, нахрен, морды аж лоснятся! Это, я вам скажу, как раз и есть грабёж! Самый натуральный грабёж!.. Так что мы своё брали!

– Это очень хорошо, что вы брали только своё, – с самым серьёзным видом сказал Петрос. – Поскольку, когда берёшь чужое, можно, понимаешь, нарваться на большие неприятности. Да, Публий?.. А скажи, уважаемый, сенатор Публий Корнелий Долабелла, бывший легат и проконсул Африки, он, случайно, не твой близкий родственник?.. Может, это твой отец? Если так, то передай ему привет и пожелание здравствовать от бывшего прима Третьего легиона! Которому он когда-то «Крепостной венок» вручал.

На щеках «сына легата и проконсула» проступил румянец. Он сделал вид, что у него запершило в горле. Бига тем временем наконец дотащилась до городских ворот.

– Ладно... – «Публий Корнелий Долабелла» решительно поднялся на ноги. – Доехали. Пойду я... Спасибо вам ещё раз! – он неловко поклонился. – Уж извиняйте, что так получилось... – он соскочил с повозки и, отбежав на обочину, уже оттуда крикнул: – А ты, прим, не серчай! Я ведь тоже в своё время послужил в Третьем легионе! Ну, не в самом легионе, конечно, а там... Короче, в Ламбессе я два года кантовался... Так что, ежели что понадобится... по части деликатных дел – ну, ты понял! – обращайся! Миний Лорум меня зовут! Я с Пыльной улицы! Это у Капённых ворот! Меня там всякий знает! Миний Лорум, я вам скажу, добро помнит!

Он помахал рукой и, повернувшись, мгновенно растворился в толпе.

– Ну, шельмец! – глядя ему вслед, рассмеялся Офир.

– Плут! – подтвердил Петрос. – Надо же! Публием Корнелием Долабеллой назвался! Попроще ничего не мог придумать!..

А бига тем временем, миновав Тройные ворота, уже медленно тащиась по городским улицам. Здесь стало ещё теснее. Как всегда, в первые часы после заката улицы были полны народом. Всем было некогда, все торопились. Кто – домой. Кто, наоборот, – в гости, на званую пирушку. Кто – в ближайшую попину: поиграть в «латро» или в «двенадцать линий» да промочить горло после тяжёлого рабочего дня. Ну а кто – в лупанарий: потратить свои кровные ассы на горячие объятья весёлых девиц. Впущенные в город сотни и сотни грузовых и пассажирских повозок играли в текущем по улицам густом людском потоке ту же самую роль, которая выпадает на долю подводных камней, упавших деревьев и прочих посторонних препятствий в потоке речном. Поток то и дело набегал, упирался в них, закручивался большими и малыми воронками, шумел, клокотал, норовил опрокинуть, унести с собой, но в конце концов обтекал их по сторонам и стремился дальше – до нового подводного камня или упавшего дерева.

Впереди, шагах в десяти перед бигой, двигалась огромных размеров телега, гружённая высокой пирамидой, сложенной из больших глиняных амфор. Телега занимала чуть ли не всю ширину улицы, и прохожим приходилось буквально протискиваться между её высокими дощатыми бортами и стенами домов, что, разумеется, вызывало у пешеходов раздражение, порой переходящее в самую настоящую ярость. И если бы не двое внушительного вида мастеровых с палками, идущих вслед за телегой, груз амфор, несомненно, был бы вскоре изрядно попорчен. Впрочем, в конце концов не помогли и мастеровые. В особо узком месте, где и без того небольшую ширину улицы дополнительно скрадывала пристройка-таберна богатой цирюльни, какого-то ротозея крепко прижало бортом телеги к стене, с треском разорвав на нём весьма недешёвый шерстяной плащ. Пострадавший завопил, призывая в свидетели богов и прохожих,

предъявляя на всеобщее обозрение свои лохмотья и требуя от окружающих остановиться, проникнуться и оценить нанесённый ему непоправимый ущерб. Но его особо никто не слушал – происшествие было заурядное, а потому малоинтересное, не стоящее особого внимания. Его и происшествием-то назвать было нельзя – так пустячок, безделица, таких происшествий, поди, на каждой улице на дню по полсотни. Вот ежели, скажем, его самого, потерпевшего, телегой бы переехало, да так, чтоб кишки его намотались на ось, а кровью его, скажем, забрызгало эту самую цирюльню и всех её посетителей, вот тогда – да, тогда и остановиться поглазеть можно было бы и можно было бы даже посочувствовать этому потерпевшему-пострадавшему, а возницу, недотёпу мордатого, переехавшего насмерть добропорядочного гражданина, – того в эту самую его морду от души, понимаешь, насовать да сдать его, паразита, бравым вигилам вместе со всеми его амфорами и горшками. Примерно что-то в таком роде и было ротозею-пострадавшему прохожими высказано, а когда он сунулся к телеге, норовя то ли взять с неё что-нибудь в качестве, так сказать, компенсации за причинённый ущерб, то ли просто с досады плюнуть вслед, один из мастеровых протянул его по хребту своей суковатой палкой – не сильно, но чувствительно. Уже дважды пострадавший заверещал, как зарезанный, и, отскочив на безопасную дистанцию, подобрал с земли и метнул в телегу весьма кстати оказавшийся на мостовой увесистый булыжник. Чок! – сказала одна из амфор, разбрызгивая вокруг себя красные глиняные осколки. Оба мастеровых взревели дурными голосами и, размахивая палками, кинулись за нападавшим. Тот, подобрав полы драного плаща, бросился наутёк. Телега остановилась.

– В проулок, Каратак, в проулок давай! Вправо! – ткнул своего возницу в бок Петрос. – Иначе мы тут до утра застрянем!

С трудом развернув бигу, свернули в узкий проулок и по параллельной улице мимо Большого Цирка выехали напрямик к Бычьему форуму. Здесь тоже было многолюдно, и многолюдье это сегодня было какое-то особенное, не такое как всегда. Обычно форум по вечерам был полон гуляющими, слоняющимися без дела, и настроение над ним витало соответствующее – настроение праздности и всеобщей умиротворённости. Сегодня же форум кипел. Больше всего он напоминал сейчас пчелиный улей, в который сунули горящую лучину. И даже дымком, между прочим, вполне отчётливо припахивало. Вскоре и источник дыма обнаружился – посреди форума сочно горел высокий жаркий костёр, и в его пляшущем свете колыхалась, двигалась, суетилась большая чёрная толпа. Оттуда, из толпы, доносился чей-то громогласный раскатистый голос. Голос уверенно напирал, вопрошал, требовал чего-то от собравшихся, те время от времени что-то утвердительно взрыкивали или, наоборот, горячо, со свистом и улюлюканьем, отвергали.

– Что там происходит, любезный? – перегнувшись через борт повозки, поймал за край тоги какого-то прохожего Офир. – Или сегодня праздник какой?

– Какой ещё к лярвам праздник! – выдираясь, немедленно огрызнулся незнакомец – дородный осанистый гражданин со щекастым недовольным лицом. – Ты что, с луны упал?! Ничего не знаешь?!

– Прости, уважаемый, – самым виноватым голосом пояснил Офир, – мы с другом были в отъезде, где ж нам знать...

– В отъезде они были!.. – всё ещё сердито, но уже тоном ниже ответил прохожий. – Были в отъезде, так лучше бы вообще не возвращались!.. Голод в городе будет! Знаете?! Нет?!.. Зерна на складах на неделю всего! А масла – так и вовсе не осталось! А торговцы, лярвы, цены-то сразу и задрали! Ведь что делается! Неделю назад круг хлеба везде пять ассов стоил. Так?! А сейчас – меньше, чем за три сестерция ни в одной лавке не сыщешь! А масло! Масло-то и вовсе – сто ассов за секстарий! Где ж это видано?!.. Сегодня депутация от граждан в магистрат ходила. Так их даже на порог не пустили! Представляешь?! А потом и вовсе преторианцев вызвали! А те, морды сытые, кого – щитом, а кого и вовсе – в темницу! А Эппия Арнэнсиса, уважаемого человека, так того мечом плашмя по темечку так приложили, что он до сих пор, как неживой, лежит! И придёт ли в себя – неизвестно!.. Завтра к кесарю пойдём! Кесарь завтра на Форуме судебные тяжбы разбирать будет, вот мы у него и потребуем, чтоб он порядок в городе навёл! Я сам – народный трибун и я бы никогда не позволил, чтобы...

В этот момент толпа у костра особенно оглушительно взревела, и Петросу с Офиром так и не удалось дослушать, что и кому никогда не позволил бы щекастый трибун – гражданин заткнулся на полуслове, махнул рукой и, по-утиному переваливаясь с боку на бок, заторопился, заспешил в сторону беснующейся возле огня, надсадно орущей толпы.

– Однако!.. – усаживаясь обратно на сиденье, помотал бородой Офир. – Дело-то, оказывается, серьёзное!.. Что скажешь?

Петрос поморщился.

– Ерунда!.. С жиру бесятся! Видал ряшку у этого... народного трибуна? Ушей из-за щёк не видно! А туда же! Голодает он, видите ли!.. Ничего. Через неделю мартовские календы – начало Фэрий. Кесарь какую-нибудь грандиозную навмахию организует – и всё! Куда что подевается! Или скачки какие-нибудь, по десять заездов в день. Или, понимаешь, бои гладиаторские с какими-нибудь зверями невиданными. Да мало ли! И вот увидишь – все тут же забудут и про зерно, и про цены на масло! И про всё на свете!.. Двадцать пять дней праздника, а там, глядишь, и первые зерновозы из Египта приплывут. Зима-то на исходе!

– Да, ты прав, пожалуй, – подумав, согласился Офир. – Зима, и вправду, заканчивается... Но бока за эту неделю ещё многим намять успеют! Как думаешь?

– Да уж, похоже, не без этого!..

Они спустились к реке и по ярко освещённому факелами, густо забитому повозками Эмилиеву мосту перебрались через уже почти невидимый в темноте Тибр на западный берег – в Яникул. Здесь было не так многолюдно. Район был застроен многоэтажными инсулами и заселён преимущественно беднотой: наёмными рабочими, подмастерьями, мелкими торговцами, приходящей прислугой, – то есть всеми теми, кому для добычи хлеба насущного приходится вставать до зари и, следовательно, рано ложиться. Впрочем, празднующихся хватало и здесь. В сгустившихся сумерках бродили какие-то неопределённые тёмные личности. Компания подвыпивших гуляк на перекрёстке, никого не стесняясь, орала похабные куплеты. Две уличные проститутки со свёрнутыми ковриками под мышкой сунулись было наперерез повозке, но тотчас же и отступили, сразу поняв, что маху дали: не по зубам коврижка, не их это полёта птицы – на дешёвое не клюнут. Изрядно поплутав по грязным извилистым улочкам, бига выбралась наконец к Северным воротам и, миновав их, выехала на дорогу, идущую по западному берегу Тибра в сторону Ватиканского холма. Лошади, чуя близость дома, зашагали быстрее.

Обогнув тёмную громаду недостроенного гипподрома, повернули вправо – на широкую просеку, огибающую холм с севера и идущую мимо старого, уже почти неразличимого в разросшемся кустарнике, кладбища.

Неожиданно налетел ветер, и почти сразу пошёл дождь, и тут же сделалось шумно и неуютно – капли зашуршали, застучали по листьям, забарабанили по голове, по плечам, по коленям, они были мокрыми и холодными и, попадая за шиворот, заставляли ёжиться, вызывали озноб, срывали с места и отправляли гулять по телу юркие колючие мурашки. Запахло мокрой пылью и ещё чем-то лесным, горьковато-пряным – наверное, каким-нибудь мхом или влажной корой. Возница – молодой, но толковый бритт, купленный Петросом в прошлом году, – не дожидаясь окрика хозяина, приподнялся на облучке и завращал, защёлкал бичом, подгоняя и без того резво бегущих лошадей. Благо до дома было уже всего ничего, рукой подать.

Подлетели к входному портику. Возница лихо осадил коней. Офир кубарем скатился с повозки и кинулся к дверям. Но на полпути замер, застыл. Спешащий следом Петрос наткнулся на его широкую спину и недовольно проворчал:

– Ну что встал, стояло?! Мокро же!.. – и осёкся.

Входная дверь отсутствовала. На её месте, на вывороченных с мясом массивных петлях, висели лишь разможжённые обломки досок. Дверной проём загораживала обвисшая, уже изрядно намоченная дождём занавесь. Она тяжело, лениво колыхалась под порывами ветра, а за ней было темно – ни единого огонька не усматривалось в доме, ни единого звука не доносилось изнутри.

– Сати!.. – хрипло крикнул Петрос и, оттолкнув Офира, кинулся в дом...

– Прости, господин! Прости! Не уберёг! – стоя на коленях, в сотый, в тысячный раз повторял Мэлах. – Прости! Прости меня! Виноват!..

У Петроса закаменели все мышцы. Он стоял, до боли сжав челюсти, и не мог заставить себя сдвинуться с места, оттолкнуть или ударить нерадивого раба, прикрикнуть на него, да просто хоть что-нибудь сказать. Он даже вздохнуть по-человечески и то не мог – рёбра, как бочковые обручи, стискивали ему грудь. Во рту было сухо и горько. В глубине дома рычал и самыми чёрными словами ругался Офир, что-то там вокруг него звенело, хрустело, перекатывалось, кто-то, всхлипывая и причитая, что-то оправдательно лепетал.

– Прости, господин! Прости!..

– Заткнись!.. – наконец совладал со своей непослушной челюстью Петрос. – Заткнись и рассказывай. Всё с самого начала рассказывай. Ещё раз. Подробно...

Нападение случилось позавчера. Утром. Часу во втором. Может, в третьем – солнце из-за холма ещё не выходило. Нападавших было человек пятнадцать. Может, двадцать. Трудно сказать точно. Человек десять-двенадцать орудовали внутри дома, и сколько-то ещё оставалось на улице, при телегах. Они-то, эти, что оставались на улице, как раз и поймали Каша, когда тот, выбравшись через заднюю дверь, за помощью побежал... Нет, Каша не убили, избili только сильно, рёбра, похоже, ему сломали и руку, он тоже там, на втором этаже, лежит... Телег было четыре. Большие телеги. Пароконные. Лошади все справные, ухоженные. И сбура хорошая, не из дешёвых... Дверь вышибли быстро. Со второго удара. У них таран такой был специальный: бревно, на цепях подвешенное. Четыре колеса тележных, рама между ними дубовая и бревно на цепях. Они этот таран с собой привезли, а потом обратно забрали. К последней телеге сзади прицепили и увезли... Когда дверь вышибли, Сўллу, привратника, сразу там, в коридоре, и зарезали... Нет, мечей у них не было. Ножи. Ножи и дубинки. И у двоих ещё топоры... У нас-то и понять никто толком ничего не успел. Всё так неожиданно произошло. И быстро. А когда поняли – тогда уже поздно было – эти весь дом заполонили... Командовал у них здоровый такой, плечистый, похоже сикилиец – чернявый, носатый и цёкал, как они. «Исцїте! Исцїте!» – всё повторял... Что искали? Деньги, наверно. Когда в таблинуме ларец с деньгами нашли, один закричал: «Есть! Здесь они!», а этот носатый посмотрел и только рыкнул: «Мало! Есцїте!»... Деньги забрали, золото, серебро. Оружие всё подчистую. Даже копьё и щит мавританские, что в атриуме на стене висели. Посуду тоже забрали, но не всю – самую дорогую, остальное просто побили... Продукты? Нет, продукты не тронули. Из продуктов ничего не взяли. Порассыпали только всё, все чаны, все горшки перевернули. И амфоры с маслом и вином разбили. Все до единой... В погреб лазили... Печь сломали. Даже не знаю – печь-то им чем помешала?!.. Нет, Сати, то есть, я хочу сказать, госпожу не трогали. Вообще никого не трогали, кто не сопротивлялся. Всех просто согнали вон в ту кубикуну, усадили на пол, и двое нас охраняли. Госпожу уже в самом конце забрали. Они уже уходили, когда чернявый этот в кубикуну к нам заглянул и на Сати... на госпожу показал. Сказал: «Эту забирайте! С нами пойдёт»... Как узнали, что она госпожа? Так ведь Будика-дура, когда эти ворвались в дом, кинулась вверх по лестнице: «Госпожа! Госпожа! Прячься!» Как будто от этих спрятаться можно! Да и ведь одета она не как рабыня – тут ведь тоже ума много не надо, чтоб понять. Ну и забрали её. Прости! Прости, господин! Виноват! Не уберёт! Прости!..

– Заткнись! – ещё раз сказал Петрос и, больше не взглянув на понурого раба, пошёл по разорённому дому.

Офира он нашёл в дальнем конце галереи, возле кухни.

– Ну, ты посмотри, что делается! – светя вокруг себя высоко поднятым факелом, возмущался толстяк, борода его тряслась от негодования. – Это же... вредительство какое-то! Честное слово!.. Нет, ты глянь, что они тут натворили!..

Все подступы к кухне были по щиколотку завалены мокрой, жирно отсвечивающей кашей из черепков битой посуды, перемешанных с зерном и мукой, щедро присыпанных сверху золой и обильно залитых вином и маслом. Печные горшки были расколоты все до единого, полки обрушены, дощатая стенка в дровяник проломлена. Над всем этим разгромом висел резкий кислый винный запах.

Петрос довольно равнодушно оглядел разрушения.

– Ну, что скажешь? – спросил он Офира. – Какие-нибудь предположения есть?

Офир воткнул факел в ближайшее бронзовое кольцо на стене и, хрустя осколками посуды, подошёл вплотную к Петросу.

– Серьёзные люди работали, – негромко сказал он. – Один таран на колёсах чего стоит!.. И знаешь, ещё что... Похоже, наблюдали за домом. Знали, когда хозяина дома нет, когда напасть лучше.

– Да, похоже на то, – согласился Петрос. – Сати им зачем, как думаешь?

Офир мельком взглянул на Петроса и опустил глаза.

– Ну, в лучшем случае, выкуп за неё попросят...

– А в худшем? – подождав и не дождавшись продолжения, спросил Петрос

Он, впрочем, уже знал, каким будет ответ, и ощущал от этого знания огромную ледяную прореху в груди.

– А в худшем... в худшем – ничего не попросят, – нехотя сказал Офир. – И больше в здешних краях не объявятся, – он помолчал и жёстко добавил: – Никогда.

Петрос потёр ладонью онемевшее лицо.

– Что будем делать?

Офир пожал плечами.

– Ну, до утра – ничего. Что тут можно сделать?!.. А утром надо в город ехать. Пспрашивать, поузнавать. Не может такого быть, чтоб никто ничего не знал! Наверняка, не мы первые, кого эта шайка грабит. Уж больно слаженно они работают!.. И опять же, бревно это ихнее на колёсах. Ну, не специально же под наш случай его соорудили! Сдаётся мне, они на все дела его за собой таскают. Поэтому похожие случаи должны быть... Да и про сикилийца этого пораспрашивать не помешает – приметная личность. Шрам на горле – это хорошая зацепка.

– Шрам?

– Да. Поперёк горла. Мэлах тебе не сказал?

– Нет.

– Ну, может, не заметил. Из-под бороды не особо видно, но Дионисос разглядел. Тонкий длинный белый шрам над ключицей. Как от ножа.

– Ладно, – согласился Петрос, – поедем, поспрашиваем... Только кого и где? Не станешь же, понимаешь, на улице к прохожим приставать: эй, уважаемый, ты сикилийца такого, со шрамом на горле, случайно не видел?

– Ну, есть у меня пара знакомых, – подумав, сказал Офир. – Специалистов, так сказать, по тёмным личностям. Надо будет у них в первую очередь поинтересоваться... Опять же, по попинам на Яникуле пройтись. Что-то мне подсказывает, что эта шайка только по правобережью работает, через Тибр они не суются. Может, их тогда на Яникуле кто знает.

– Да, может быть... – без энтузиазма в голосе согласился Петрос. – Может быть... – и, повернувшись, медленно побрёл по галерее.

Он вдруг почувствовал себя старым. Совсем старым и разбитым. Как старый разбитый, выкинутый на помойку горшок.

Дождь утих, лишь отдельные капли срывались ещё время от времени с края крыши и, звонко цокая, разбивались о каменный жёлоб. Было свежо и даже зябко.

– Ты вот что, – сказал ему вслед Офир, – ты ляг поспи. Тебе поспать сейчас надо. Хотя бы пару часов. В город ведь до рассвета поедем.

Петрос, не оглядываясь, повёл плечом:

– Какой уж тут «поспать»! Скажешь тоже!

Захрустело битое стекло. Навстречу ему по галерее, светя себе под ноги факелом, быстро шёл Мэлах.

– Господин!.. Господин!.. Там к тебе какой-то человек!

– Какой ещё, к лярвам, человек?! – тут же недовольно взелся Петрос. – С ума сошли?! Ночь на дворе!

– Он говорит, это очень срочно. Говорит, он от Йосэфа бар-Камита.

– От Йосэфа бар-Камита?! Насчёт молельных домов, что ли? Скажи, не до него сейчас... И завтра не до него будет. И послезавтра! Пусть проваливает!

– Это вовсе не насчёт молельных домов... – раздался из темноты уверенный басовитый голос, захрустели тяжёлые шаги, и в круг света вступил высокий человек в плотном тёмном плаще; полы плаща были мокрыми, как будто его хозяин переходил вброд ручей или долго шёл по высокой росной траве. – Это не насчёт молельных домов, – повторил незванный гость и, не поклонившись и даже не поздоровавшись, обратился к Петросу: – Мой господин, почтенный Йосэф бар-Камит, предлагает тебе прибыть к нему, в дом в Венерином квартале, завтра в полдень. Мой господин просил передать, что у него есть для тебя сведения, касающиеся твоей жены.

– Что?! Что ты сказал?! – голос у Петроса вдруг сел, и последние слова он произнёс почти шёпотом.

– У тебя плохо со слухом? – надменно спросил слуга бывшего первосвященника. – Я говорю, чтобы ты завтра явился к моему господину...

Петрос, не дослушав, длинно шагнул вперёд и страшным ударом в лицо сбил гостя с ног. После чего, выдернув из ножен кинжал, ухватил лежащего за бороду и запустил под неё кроваво блеснувшее в свете факела лезвие.

– Так это ваших рук дело?! – хищно оскалясь, просипел Петрос, надавливая коленом пришельцу на грудь. – Ваших?! Говори, пёс шелудивый! Ну! Кишки выпущу!

Но оглушённый ударом слуга лишь шарил по сторонам безумными глазами и беззвучно шевелил кровавым ртом. Подскочивший сзади Офир ухватил Петроса за плечи.

– Стой! Стой! Ты что?! Зачем ты его?!

– Это же они, Офир! – тыча в лицо поверженного кулаком с зажатым в нём кинжалом, хрипло зарычал Петрос. – Это они! Это люди Йосэфа бар-Камита Сати забрали!.. Да?!.. Да?! – снова затряс он за бороду ночного визитёра. – Говори! Говори, шакал! У вас Сати?!.. У вас?!.. Она жива?! Что вы, суки, с ней сделали?!.. Ну! Говори!..

Посыльный наконец немного пришёл в себя, оправился от удара, во всяком случае глаза его перестали бесцельно блуждать и, съехав к переносице, уставились на висящее перед носом лезвие. Он что-то невнятно промычал.

– Что?! – Петрос отпустил его бороду.

– Ты... Ты пофалеефь об этом... – прошамкал слуга Йосэфа бар-Камита и, повернув голову, выплюнул вместе с кровью выбитые зубы. – Мой гофподин, он... Ты пофалеефь...

– Ах ты, шакал!.. – Петрос недобро усмехнулся. – Глянь, Офир, этот сукин сын ещё и грызается! Ты на кого хвост поднимаешь, рабское твоё семя?!..

Петрос вновь ухватил ночного гостя за бороду, длинным косым движением отхватил её почти у самого основания и, одной рукой запихнув в рот поверженного его же собственную волосню, кулаком другой вбил, вогнал её в слюняво-кровавое месиво. Раз и другой, и третий! После чего, поднявшись на ноги, рывком перевернул лежащего на живот и кивнул Мэлеху:

– Всё! Вяжите его!.. И готовьте бигу! Раз почтенный Йосэф бар-Камит зовёт нас в гости, негоже заставлять его долго ждать!.. Офир! Едешь со мной!.. Мэлах! Дом привести в порядок! Немедленно! Чтоб к моему возвращению никаких следов нигде не осталось! Понял?!.. Этого, – он указал на тихо стонущего у его ног, слабо отплёвывающегося посыльного, – грузите в повозку. Он тоже с нами поедет. Вернём хозяину его верного пса. Мы, в отличие от него, не грабители. Слышишь?! Ты!.. – он пнул в бок лежащего. – И не похитители! Нам, понимаешь, чужого не надо!.. Так что – в бигу его! – приказал он Мэлеху. – Да постелите там что-нибудь, чтоб он кровью своей ничего не перепачкал!..

В доме бывшего первосвященника в Венеринном квартале, как это принято в богатых домах, на стене перед входной дверью горел факел.

Привратник, выглянувший в зарешёченное оконце на стук, сначала долго не мог ничего понять, а когда понял, оконце тут же захлопнул, и в доме сразу же возникла беготня и суета. В узких высоких окнах второго этажа замелькал свет. Зычный властный голос несколько раз позвал какого-то Даниэля. За дверью что-то шуршало, металлически бряцало, кто-то громко, но неразборчиво шептался.

Наконец дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась взъерошенная голова.

– Заходи! – недовольным голосом сказала голова. – Один... И без глупостей! У нас тут лучник напротив двери.

– А этого вашего куда? – спросил Петрос, кивнув на лежащего у его ног связанного посыльного.

– Его заберут... – заверила голова и, приоткрыв пошире дверь, ещё раз пригласила: – Заходи!

– Побудь здесь, – сказал Петрос Офиру и громко, так, чтобы было слышно в доме, добавил: – Скажи нашим людям, если я через полчаса не выйду – всё, пусть даже не думают, пусть сразу поджигают этот клоповник!

В тесном зеве прихожей было не протолкнуться: человек семь или восемь топтались тут, воинственно потряхивая разнообразным оружием – дубинками, мечами, боевыми топорами. Двое держали факелы. Лица у всех были насупленные, настороженные. Остро разило потом и чесночной отрыжкой. Шагах в десяти, в атриуме, прямо напротив двери, спиной к имплювию стоял лучник. Он держал лук в опущенной руке и был ярко освещён факельным светом. Петрос про себя усмехнулся. Вояки! Одному здесь, конечно, было бы сложновато, но если вдвоём, да с короткими мечами – раз плюнуть. И лучник не поможет – ему свои же будут мешать. Впрочем, неизвестно, что у них там, дальше, приготовлено. К примеру, если ещё один стрелок у них на площадке второго этажа сидит или, скажем, в темноте, в одной из кубиков прячется – тогда всё сразу может измениться, тогда, понимаешь, весь расклад другой...

Его тщательно обыскали, отобрали кинжал и довольно грубо втокнули в атриум.

– А-а, Петрос Проповедник! Или как там тебя? Тиберий Симон Саксум, кажется? Так?.. – из-за неплотно задвинутой створки, отделяющей атриум от таблинума, в помещение шагнул Йосэф бар-Камит. – Давненько не виделась, давненько. Почти семь лет!.. Всё проповедуешь? Или ты теперь больше по торговой части?..

Петроса поразило, как погано изменился за эти семь лет бывший первосвященник. Он ведь был значительно младше Петроса, но выглядел сейчас дряхлым стариком: он сильно исхудал и ссутулился, кожа на лице его приобрела мёртвый пергаментный оттенок, нос заострился и заостенел, под глазами повисли неопрятные морщинистые мешки, а борода истончилась и больше всего напоминала корень выдернутого из земли и слегка подсохшего на солнце куста просо. И голос его больше ничем не напоминал голос первосвященника, законника и судии, голос уверенного, знающего себе цену ратора. Он ослабел, увял, и в нём теперь то и дело проскакивали старческие дребезжащие нотки.

– Я приглашал тебя на завтра, – продолжал тем временем Йосэф бар-Камит, медленно, по-стариковски шаркая ногами, продвигаясь вокруг имплювия в сторону Петроса, – но раз уж ты решил заглянуть сегодня – что ж, заходи, поговорим. Нам ведь есть о чём с тобой поговорить? Так?

– Где моя жена? – холодно глядя на бывшего первосвященника, спросил Петрос.

– Очень правильный вопрос! – одобрительно кивнул, подходя, Йосэф бар-Камит. – Правильный и своевременный. Всегда, перед тем как переходить к содержательной части беседы, полезно оценить возможности сторон и расставить приоритеты. Так?.. – он остановился в двух шагах от Петроса и, сложив руки на животе, оглядел своего гостя; и Петрос вновь удивился его немощному болезненному виду. – Так вот. Твоя жена у меня. И её безопасность и... скажем так, целостность будет полностью зависеть от твоего поведения. От твоей сговорчивости. Ну, или, скажем, несговорчивости. От того, как мы с тобой сумеем договориться... Я, надеюсь, доступно изъясняюсь?

– Более чем, – кивнул Петрос, он заставил себя отвлечься от разглядывания лица бывшего первосвященника. – Более чем доступно... Но прежде чем мы с тобой хоть о чём-нибудь станем разговаривать и уж, тем более, договариваться, я хочу увидеть свою жену. Я хочу убедиться, что она жива и здорова.

– Ну что ж, – снова кивнул Йосэф бар-Камит, – вполне ожидаемое и вполне обоснованное требование. Даниэль! – обернувшись, негромко позвал он.

На площадке второго этажа возникло движение. Петрос поднял голову. Сначала он различил лишь какие-то смутные силуэты. Но затем факел, до этого мерцавший там, наверху, где-то в глубине одной из комнат, придвинулся и, переданный из рук в руки, повис перед перилами, освещая верх лестницы. На верхней ступеньке стояла Сати. Лицо у неё было перепуганное, руки она, неестественно развернув плечи, держала за спиной – скорее всего, они были связаны. Петрос почувствовал, как у него опять немеет лицо и, упреждая вспышку, топча в себе вспухающее, болезненно распирающее изнутри желание крушить и убивать, торопливо спросил:

– Сати, ты как?! Ты... тебя не трогали?!

Сати молча помотала головой, а потом одними губами, так, что он не столько расслышал, сколько угадал, прошептала:

– Нет.

– Никто её не трогал, – заверил его хозяин дома. – И не тронет. Если ты, разумеется, будешь себя правильно вести.

– Сати! Всё будет хорошо! – громко сказал тогда Петрос. – Слышишь?! Всё будет хорошо! Ничего не бойся! Я скоро заберу тебя отсюда!

– Петрос!.. – слабым голосом откликнулась Сати. – Петрос, мне страшно! Они... они смотрят! Они всё время смотрят! Ты понимаешь?!

– Ничего не бойся! – снова крикнул Петрос и, проглотив шершавый комок, повторил. – Всё будет хорошо! Слышишь?!

– Ну всё! Довольно! – хозяин дома подал знак, и тотчас чья-то сильная рука просунулась у Сати из-за спины, зажала ей рот и быстро и непреклонно увлекла назад, куда-то вглубь дома, в непроглядную темноту.

Петрос, сдерживая, скручивая себя, медленно втянул через ноздри воздух, сжал до хруста и снова разжал кулаки.

– Чего ты хочешь? – деревянным голосом спросил он Йосэфа бар-Камита. – Что тебе надо?.. Это ты из-за молельных домов так воспалился?

– Из-за молельных домов? – недоумённо переспросил бывший первосвященник. – Каких ещё молельных домов?!.. Ах да! – до него дошло, и он громко фыркнул. – Молельные дома!.. Нет, ну что ты! Глупости! Молельные дома здесь совершенно не при чём!

– А что тогда?

Хозяин дома огляделся.

– Не здесь, – сказал он и приглашающе повёл рукой. – Прошу!

Они обогнули имплювий и, пройдя узким длинным коридором, вышли в перистиль. Впереди с факелом в руке следовал слуга. Перистиль в доме бывшего первосвященника был огромен. Дальний конец его тонул в непроглядном мраке. Они пересекли галерею и, спустившись по белым мраморным ступеням, оказались на посыпанной мельчайшей галькой тропинке, причудливо изгибающейся между аккуратно постриженными кустами самшита. Шагов через двадцать тропинка привела их к небольшому бассейну с фонтаном: обнажённая вакханка, к которой сзади игриво прижимался козлоногий фавн, лила из винной амфоры воду на камни. На краю бассейна стояла широкая деревянная скамья без спинки.

– Ступай, Олипор! – кивнул бывший первосвященник слуге.

Тот воткнул факел в специальную бронзовую подставку и, низко поклонившись, беззвучно растаял в темноте.

Йосэф бар-Камит тяжело опустился на скамью и жестом пригласил гостя последовать его примеру.

– Постою! – медленно, сквозь зубы, процедил Петрос.

Хозяин дома пожал плечами, мол, как хочешь, дело твоё.

Помолчали.

Обнажённая дева медленно лила воду из амфоры. Ручеёк, тихо журча по камням, проворно сбегал в бассейн. Было сыро и холодно. Пахло тиной, факельным маслом и, как ни странно, какими-то сладковато-приторными ночными цветами.

– Я не понял, это ты так шутишь? – наконец нарушил молчание Йосэф бар-Камит. – Или ты в самом деле думаешь, что это я из-за каких-то там молельных домов, из-за того, кого туда пускать или, наоборот, не пускать, затеял всю эту суету со слезжкой, с драками и похищениями?..

Петрос не ответил. Бывший первосвященник скользнул по нему взглядом, пожевал губу и продолжил:

– Скажи мне, Петрос, неужели ты мог всерьёз подумать, что с такой прорвой золота ты можешь просто-напросто исчезнуть? Раствориться? Нырнуть на дно, а вынырнув, жить обычной жизнью?

– Какого ещё золота? – довольно глупо переспросил Петрос.

Ему тут же стало понятно, о каком золоте говорит Йосэф бар-Камит. Он только пока не понимал, откуда об этом золоте узнал этот немощный, но всё ещё очень опасный старик, бывший первосвященник.

– Ну ты только девицу нецелованную из себя не строй! – скривил рот хозяин дома. – Какого золота... Того самого! Золота царя Агриппы!.. Или ты думал, что Тасаэля и его людей убил – и всё, концы в воду?!.. Господи! – воздел он руки. – Сколько я трудов положил, сколько стараний! Людей скольких загубил, в конце концов! И всё зря! Когда узнал, что так и не пришёл «Соларис» в Остию, думал – всё, сгнуло золото, сгнуло вместе с кораблём! Лежит где-нибудь на дне морском, и твари подводные по нему ползают!.. – он сокрушённо покачал головой. – А в прошлом году в Кесарии встречаю капитана Мильтиадиса! Живого и невредимого! Я глазам своим не поверил! Что ж ты так, а? Тасаэля кончил, а капитана упустил? Надо было и его к праотцам отправить! Чтоб свидетелей и вовсе не осталось! Это ты недодумал! Маху дал!.. Капитан мне и рассказал, что он вас с Тасаэлем и с грузом вашим ценным в Градо высадил. Ну, дальше надо было только два и два сложить. Из Градо вы вышли, а вROME, в доме Агриппы Марка, не появились. Значит, что?.. Значит, золотишко царское вы, пользуясь неразберихой, что случилась после смерти царя Агриппы, присвоили себе. Присвоили и поделили. Так сказать, по-братски, по-родственному... Это я так думал. До последнего времени так думал. До тех пор, пока не заявился ко мне домой твой слуга. Или кто он там тебе? Мэлах этот твой!.. Это была твоя вторая ошибка! И главная! Коль хапнул жирный кус – сиди, не высовывайся! Нет, кто бы мог подумать! – Йосэф бар-Камит всплеснул руками. – Я его по всей Италии ищу, с ног сбился, денег на ветер пустил

немерно, а он, мало того, что здесь же, в Риме, в двух шагах от города живёт, так практически ещё и сам ко мне домой заявляется – вот он я, берите!..

Бывший первосвященник продолжал ещё что-то говорить, но Петрос его больше не слушал. Он вдруг ощутил, как ледяная игла понимания кольнула его изнутри, кольнула, прошла через горло и упёрлась в грудь, в самое сердце. И этот, называемый сердцем, зажатый рёбрами холодный комок, как снег, насыпанный в стоящий на сильном огне котелок, продолжая оставаться холодным в центре, по краям начал закипать и мгновенно испаряться, распирая всё тело изнутри, учащая пульс и выдавливая из подмышек горячие злые струйки пота. Всё вставало на свои места. Всё срасталось. Все рассыпанные во времени и пространстве события, пронзённые этим пониманием, упорядочивались, приобретали смысл – так же, как хаотично рассыпанные на песчаном пляже ракушки, нанизываемые на тонкую льняную нить, упорядочиваются, превращаясь в ажурное ожерелье. Всё складывалось. Зацеплялось друг за друга. Обретало безвариантную суть. И странный пожар на «Соларисе» с последующей очень своевременной гибелью его виновника. И аккуратное отверстие, высверленное в днище судна. И захлебнувшийся кровью пиратский налёт у мыса Кармель. И, наконец, внезапная, безвременная смерть ещё совсем не старого и вполне себе здорового царя иудейского Агриппы... И, кстати, неопикуемый разгром, учинённый в его доме, тоже очень хорошо нанизывался на эту нить (Обыск это был! Ясно же, как день, самый обыкновенный обыск! Золото искали!)... И Сати...

– Сколько ты хочешь? – резко спросил он.

Йосэф бар-Камит запнулся на полуслове и чуть ли не испуганно взглянул на своего собеседника.

– Ты... У тебя... ВСЁ золото? – осторожно, как будто боясь спугнуть удачу, спросил он.

– Сколько... ты... хочешь?! – раздельно повторил Петрос.

Бывший первосвященник быстро облизнул губы.

– Сто талантов.

– Исключено! – отрезал Петрос. – Пятьдесят.

– Не в твоём положении торговаться, – мягко, но непреклонно сказал Йосэф бар-Камит. – Ты ведь преступник. Стоит мне сообщить обо всём царю Агриппе Марку или же кесарю Клавдию, и тебе не миновать креста. К тому же – ты не забыл? – у меня твоя жена.

– Ты не станешь ничего сообщать кесарю Клавдию. И уж тем более царю Агриппе Марку, – ядовито усмехнувшись, ответил Петрос. – Поскольку, во-первых, ты тогда уже совершенно точно не получишь никакого золота. А во-вторых... А во вторых, клянусь небом, ты оглянуться не успеешь, как тоже окажешься на кресте. Рядом со мной... Только, учти, с тебя перед крестом царь Агриппа Марк ещё и кожу сдерёт заживо. За смерть своего отца.

Бывший первосвященник заметно побледнел.

– С-с-с... с чего ты взял, что я?!.. Ты... ты... – он вдруг стал заикаться. И тут же взвизгнул: – Ты ничего не сможешь доказать!!

– Я и не стану ничего доказывать, – насмешливо отозвался Петрос. – Ты сам расскажешь всё. Когда с тебя начнут сдирать кожу. Ты знаешь, как это больно, когда с живого человека медленно сдирают кожу?

– Прекрати!.. – Йосэф бар-Камит качнулся вперёд, и Петросу показалось, что его сейчас стошнит. – Прекрати!

– Так что ты никогда ничего никому не сообщишь, – сухо сказал Петрос. – Ты боишься. Ты так боишься, что даже от рабов своих всё скрываешь. Ты опасаясь, что донесут. И, между прочим, правильно делаешь. Донесут! И очень даже запросто!.. Ты никогда и ничего никому не скажешь... Но – да! – у тебя моя жена. И поэтому – и только поэтому! – я готов отдать тебе пятьдесят талантов.

Бывший первосвященник шумно выдохнул.

– Когда?

– Через два дня. Как ты уже, наверно, понял, золота я дома не держу. Оно не в Риме. За ним надо ехать. Так что через два дня... И учти, если за эти два дня с головы моей жены упадёт хотя бы волос, если ты сам или кто-то из твоих холуёв осмелится хотя бы прикоснуться к ней, я скормлю тебе всё привезённое золото! Забью его тебе в глотку! Аурей за аурею! Все, понимаешь, пятьдесят талантов! Ты меня понял?!.. – Йосэф бар-Камит кивнул, он сидел, глядя вниз перед собой, кончик бороды его мелко подрагивал. – Когда золото будет в городе, я тебя извещу, – сказал Петрос. – И сообщу условия обмена. Время и место... Ты понял?

Бывший первосвященник забеспокоился.

– Какое ещё место?!

– Место, где состоится обмен. Я привезу туда золото, а ты привезёшь туда мою жену.

– Нет-нет! – испуганно затряс головой Йосэф бар-Камит. – Никаких мест! Ещё чего! Я знаю, как хорошо умеют устраивать засады бывшие легионеры! Я привезу туда твою жену, а ты... Нет-нет! Даже речи быть не может! Ты должен доставить золото сюда! Сюда! И никуда больше!

Петрос задумчиво погладил бороду.

– Ладно! Будь по-твоему... Но насчёт жены я тебя предупредил!

– Да-да, – мелко закивал бывший первосвященник. – Не беспокойся! Всё с твоей женой будет в порядке! Даже не сомневайся!

– Ну, тогда, значит, договорились, – подытожил Петрос. – Всё! На этом переговоры считаю законченными... Давай зови слугу, пусть проводит меня. А то я тут ещё, чего доброго, заблужусь, в твоих зарослях...

Когда Петрос вышел из дома, изнемогший от ожидания Офир кинулся ему навстречу:

– Ну?!

Петрос, не говоря ни слова, вскарабкался в повозку и устало откинулся на сиденье. Офир плюхнулся рядом.

– Ну?!!

– Не нукай, не запряг, – вяло отреагировал Петрос.

– Господи, да скажи хоть что-нибудь! – взмолился Офир. – Я ж извёлся весь! Сати – там?! Что с ней?!

– Там, – успокоил его Петрос. – Всё нормально.

– Слава тебе, Всевышний! Услышал Ты молитвы мои!.. Ну! И что делать будем?!

– Поедем.

– Куда? Домой?

Петрос подумал.

– Нет. Не домой.

– А куда?

Петрос ткнул в спину возницу.

– Поехали Каратак! Давай спускайся вниз и выбирайся к Капенским воротам, на Каэйлий...

Поедем искать Пыльную улицу.

Офир удивлённо взглянул на него.

– А зачем нам Пыльная улица?

– Забыл? – Петрос хмыкнул. – Ведь, кажется, там живёт наш новый друг Миний Лорум?

Специалист, понимаешь, по части деликатных дел.

Офир всё ещё не понимал.

– А зачем нам этот... Миний Лорум?

На этот раз Петрос посмотрел на своего попутчика совершенно серьёзно.

– Оружие нужно, Офир. Много оружия. И, главное, толковые люди нужны, способные умело действовать этим оружием.

– 3-зачем?

– А ты что, предлагаешь мне в одиночку штурмовать этот гадюшник?! Да?! Или, может, на пару с тобой?!.. К Капенским воротам, Каратак! И порезвее!.. Ночь хоть и длинная, да дел у нас, понимаешь, слишком много!..

3

– Ну, и каков твой план? – испытующе глядя на Петроса, спросил Миний Лорум. – Надеюсь, у тебя есть план?

– Лестницы! – подаваясь вперёд, сказал Петрос. – Нужны штурмовые лестницы. Штуки три-четыре... А лучше – шесть. Ты сможешь достать штурмовые лестницы?..

День уже давно наступил, и на солнечной стороне небольшой площади на пересечении Пыльной и Широкой, где за дубовым столом попины «Два гладиатора» как раз и сидели компаньоны-заговорщики, было тепло и даже, пожалуй, жарко. Петрос, намёрзшийся за время ночных блужданий по окрестностям Каэйлийского холма, теперь грелся, с наслаждением подставляя спину под уже по-весеннему горячие солнечные лучи. Его собеседник, которому солнце било в лицо, так и вовсе скинул свой плащ, отчего, впрочем, заметно проиграл в

солидности, выставив на всеобщее обозрение свою худосочную фигуру, едва прикрытую ветхой шерстяной туникой...

– Штурмовые лестницы?.. – усмехнулся Миний. – А стенобитная машина тебе, случайно, не нужна?

– А кстати, не помешала бы! – воскликнул Петрос и тут же поведал своему новому другу о передвижной «дверевышибалке», с помощью которой посланные Йосэфом бар-Камитом налётчики проникли в его дом на Ватикане.

– Это – Мастарна Кадык! – уверенно опознал Миний. – Его банда работала. Я слышал об этой ихней приспособе. Двери, нахрен, разбивают на раз-два. Только нам она не подойдёт. Шуму много. У тебя ведь дом за городом. Там хоть двери ломай, хоть стены круши – никто не услышит. И не придёт. А тут Авентин, Венерин квартал – это, я вам скажу, чуть ли не самый центр. Прохожих полно. Соседи. Опять же, вигилы шастают.

– Да, конечно, – согласился Петрос. – Это я так. Просто ты про стенобитку сказал, а я вспомнил. Двери мы, конечно, вышибать не станем. Мы – тихо. Для этого лестницы как раз и нужны.

– Сразу с улицы на второй этаж полезешь?

– Нет, – помотал головой Петрос. – Там тоже двери, и тоже, сам понимаешь, запертые. Лучше, на мой взгляд, штурмовать через боковые галереи, через крышу. Из переулка – на крышу галереи, оттуда – вниз, в перистиль, а из перестилля уже – в атриум и – на второй этаж.

Миний поморщился.

– Долго... И, опять же, можно шума наделать. А они, если успеют сообразить, могут в коридоре между перистилем и атриумом хороший заслон выставить. К тому же, ты говоришь, лучники у них есть. Если сразу за коридором пару лучников поставить – тогда, нахрен, всё! Тогда, я вам скажу, уже совершенно точно, в атриум не пройдёшь...

– Я только одного лучника видел, – уточнил Петрос.

– Ну, там и одного хватит. Если толковый. Место уж больно узкое...

– Если всё тихо и быстро сделать – то должно получиться, – продолжал настаивать Петрос. – Не успеют они ничего сообразить. Они ж не ждут ничего такого.

– Ждут, не ждут... – покачал головой Миний. – Всё равно рискованно. Одна оплошность – и, нахрен, всё. И людей положишь, и девку не спасёшь... Слушай, прим, а чего всё так сложно? Как будто мы какую-нибудь крепость мусуламиев приступом берём. Это же всего-навсего жилой дом. Обычный дом какого-то там бывшего священника...

– Первосвященника.

– Да один хрен! Там же у него солдат не будет? Нет. И людей Мастарны Кадыка на этот раз там тоже не будет. А будут там, я вам скажу, рабы. Человек десять. Ну, пусть двадцать! Кое-как вооружённых и толком воевать не умеющих. Давай будем действовать проще. Затаимся под дверь. Всемером-восьмером. Ты стучишь. Они открывают. Мы, нахрен, врываемся – и пошло-поехало!

Петрос покачал головой.

– Не получится. Никто так сразу дверь не откроет. Посмотрят сначала в окошко. Там же окошко в двери есть. Зарешёченное. Нигде ты там восьмером не спрячешься. И троём даже не спрячешься!

– Ну, хорошо! Давай тогда так. Подъезжаем с ящиками. Якобы золото привезли. Нас человек десять. Вроде как твои рабы. Ну, или нанятые носильщики. Разгружаем ящики. Заносим внутрь. А в ящиках, я вам скажу, – оружие. Открываем ящики, выхватываем мечи, щиты – и, опять же, пошло-поехало!

Петрос вздохнул.

– Тоже не выйдет. Ты ж их за дураков-то не держи. Так они и позволят тебе внутрь зайти! Сами всё разгрузят и занесут. А внутрь, как и в прошлый раз, меня одного только запустят... Нет, через главный вход не получится. Надо, понимаешь, штурмом брать. Причём неожиданно и быстро!

Миний почесал в затылке.

– Ну, хорошо. Ну, допустим. А почему ты тогда не хочешь сразу на второй этаж идти? Зачем весь этот кружной путь через перистиль? По-моему, так гораздо разумней напрямую: с улицы по лестнице – на балкон – и, нахрен, сразу в комнаты.

Петрос сунул пальцы в бороду и принялся скрести подбородок.

– Ну, во-первых, – с улицы. Сам говоришь: соседи, вигилы... Во-вторых, я ж тебе объяснял: на балконе – те же двери. Которые на ночь, скорее всего, тоже запирают. Как и ставни на окнах... Там есть, конечно, боковые окна, те, похоже, без ставен, но они совсем узкие, в них разве что котёнок пролезет.

– Котёнок... Котёнок... – Миний задумчиво покусал губу. – Ну, что ж, котёнок так котёнок... Эй! Агеласт! – обернувшись, окликнул он своего напарника – угрюмого громилу, подпиравшего могучим плечом стену в нескольких шагах от них. – Позови-ка сюда Апеллу. Он, скорее всего, где-нибудь на чердаке дрыхнет. Опять, небось, всю ночь промышлял на Эсквиллине, мелкий сукин сын!..

Угрюмый Агеласт, шаркая огромными плоскостопыми ножищами, ушёл, но довольно скоро вернулся в сопровождении... бородатого мальчика. То есть, если судить по телосложению, сейчас перед Петросом стоял пацан лет десяти-двенадцати – худой, с узкими костлявыми плечами и маленькой головой, посаженной на тонкую цыплячью шею. Вот только почему-то лицо у этого пацана было морщинистым, да к тому же ещё и обильно поросло растительностью весьма неопрятного и дремучего вида.

– Знакомся, – кивнул Петросу на «пацана» Миний. – Это – Апелла. По прозвищу Свисток. Ба-альшой специалист по узким окнам. И, кстати, прими к сведению, ножом владеет, я вам скажу, – иному так вовек не научиться.

– Что ж у вас за шайка, понимаешь, такая худосочная? – насмешливо спросил Петрос, переводя взгляд с Апеллы на Миния Лорума и обратно. – Вас тут что, на Пыльной улице, совсем не кормят?

– Почему это «шайка»?! – немедленно обиделся Миний. – Никакая мы, нахрен, не шайка! Я же тебе говорил!

– А ну да, ну да!.. – закивал Петрос. – Я и забыл. Артель! У вас же артель! И вы берёте исключительно своё. А чужого вам и даром не надо!

– Это что ещё за щегол такой?! – кивнув на Петроса, угрюмо осведомился Свисток у «главаря артели». – Чего это он здесь расчирикался?! Может, ему, это самое, клювик слегка набок загнуть?!..

Голос у него оказался хриплый, грубый, вовсе не мальчишечий, но всё равно угроза, исходящая из уст тщедушного бородатого мальчика, звучала довольно забавно, и Петрос непроизвольно улыбнулся.

– Он ещё и щерится! – тут же взвился бородатый недомерок. – Ты глянь, Миний! Он же ещё и скалится! Ты над кем тут, это самое, насмеяться вздумал, гусь горбоносый?! У тебя, что, зубы лишние, что ты их тут всем показываешь?! Ты смотри, мы их тебе сейчас запросто проредим! Вон, с правой стороны, кто-то уже, видать, проредил! Так мы подровняем! Чтоб, это самое, одинаково было!..

– Остынь, Свисток! – осадил напарника Миний. – Угомонись!.. Никто тут над тобой даже не думал насмеяться!.. Это – заказчик. Зовут его Петрос. Он нам работу предлагает.

– Грек?! – тут же брезгливо скривил губы Свисток. – С таким-то носом и грек?! Ну, всё равно! Вовек я с греками не работал! И не собираюсь! Они ж, это самое, трусливые все, как зайцы! Грека даже на стрёме ставить нельзя – это самое, первым сбежит.

– Ты по крови-то не суди! – строго сказал ему Петрос. – Люди, они все разные. Среди любой народности есть свои храбрецы и свои трусы. Знал я греков храбрых, как Геркулес. И видел чистокровных романцев, бегущих, понимаешь, от врага, как стадо трусливых баранов!.. А вообще, я такой же грек, как ты германец. Петросом меня просто кличут. Вот ты – Свисток. А я – Петрос. А вообще, я – Симон. Тиберий Юлий Симон Саксум. Бывший прим Третьего «Верного Августу» легиона.

С лица Апеллы Свистка тут же улетучилась гримаса признания.

– Ого! – произнёс он, выпрямляясь и почтительно прикладывая кулак к груди. – Кто б мог подумать! Приветствую тебя, прим! Что тут скажешь, с примами мне, это самое, делá вести ещё не приходилось. Наш-то Миний – он из простых солдат... Рад буду послужить тебе, прим! – он усмехнулся. – Ежели, конечно, это самое, хорошо заплатишь.

– Заплачу́, – заверил его Петрос. – Хорошо заплачу. Не обижу. За одну ночь заработаешь столько, сколько, понимаешь, раньше за год зарабатывал.

– Ну, тогда я, это самое, тогда я со всем своим удовольствием! – заметно повеселел Свисток. – Тогда я, прим, весь твой с потрохами!..

– Твои потроха ему нахрен не нужны! – усмехнулся Миний. – Приму твоя фактура нужна. В окно в одном доме на Авентине надо будет пролезть.

– Плёвое дело! – отозвался Свисток. – Пролезть в окно – не вопрос. Вопрос – что там, это самое, за окном, делать? Убить кого, что ли, надо? Или, это самое, стибрить что по-тихому?

– Ничего не надо, – сказал ему Миний. – Ни убивать, ни тибрить. Пролезешь, дверь изнутри ототрёшь – и всё. Дальше не твоя забота. Дальше – мы уже сами...

– Подожди-подожди! – вмешался Петрос. – Чего вы тут роли распределяете, как будто уже, понимаешь, всё решено?! Ничего ещё не решено! По-моему, это вообще неправильно – ставить всё на один камень. А если он не сумеет?!

– Что не сумеет? – не понял Миний.

– Да! – тут же встрял и Свисток. – Чего я там не сумею?! В окно пролезть, что ли?! Или, это самое, засов на двери отодвинуть?! Тоже мне – говна делов!

– Погодь, Свисток! – махнул на него Миний. – Не лезь пока! Ты, прим, подумай. Хороший ведь план! Возьмём пару лестниц. Поднимемся человек пять-шесть на балкон. Остальные – внизу, у входной двери ждут. Свисток с балкона по-тихому через окно – шась, дверь изнутри откроет – и вот они мы! Жену твою вызволяем. Всех, кто дёрнется, нахрен, режем. Спускаемся вниз, в атриум, там наводим шорох, открываем входную дверь. И – пошло-поехало! А? Что скажешь?

Петрос покачал головой.

– А как не получится у него?

– Да как не получится-то?! – взвился Свисток. – Что там не получится?!

– Ты, Свисток, не обижайся, – примирительно сказал Петрос, – но случаи ведь разные бывают. Мы ж многого не знаем! Там, на втором этаже, скорее всего, ведь не одни женщины. Там, может, и охрана есть. Да не может, а наверняка! По крайней мере, один охранник там точно есть. Видел я его – бугай ещё тот: у него рука, что твоя нога. Что, если он тебя раньше времени заметит? Он же тебе голову, понимаешь, как курёнку, свернёт!

– Видел я тех бугаёв, – пренебрежительно отозвался Свисток. – Все они грозные, пока им, это самое, нож не покажешь! Женщин охранять – храбрости большой не надо! Ну, а если кто взаправду рыпнется, тому и, это самое, кишки выпустить можно. Как говорил мой дед: чем выше дуб – тем громче он падает.

– Нет, каков герой! – ударяя ладонью по столу, восхитился Миний. – Сам – соплей перешибить можно, а, нахрен, туда же! Видал, прим, какие люди в нашей артели?! Ростом не вышел, зато удали, я вам скажу, – на троих!

– Видал, – кивнул Петрос, – удали у него, действительно, на целую турму хватит... – он вдруг прищурился. – Постой-постой... А скажи-ка мне, Миний, в вашей... артели есть ещё такие же... мелкотелые? Ну, не как Свисток, конечно, а, к примеру, как ты? Нет, я серьёзно! Ты не обижайся! Я ведь для дела спрашиваю! Или все остальные, понимаешь, – такие вот, как Агеласт?

– Ну, найдётся ещё, может, человека три-четыре, – нехотя отозвался Миний; по всему было видно, что он всё-таки обиделся. – Может, кто чуть покрупнее будут. А что?

– А то... – Петрос в задумчивости полез обеими руками в бороду. – А то... – он хмыкнул и, вскинув голову, победно оглядел своих собеседников. – А то, мои дорогие разбойнички! Я, кажется, знаю, как нам без лишнего шума попасть в дом Йосэфа бар-Камита!..

Ступени были крутые, узкие да, к тому же ещё, сплошь заросшие мокрой чёрной плесенью, а потому довольно скользкие, и Петрос спускался медленно, боком, ставя ногу очень осторожно, всякий раз аккуратно прилаживая ступню, проверяя упор и лишь затем перенося на неё вес тела. В одной руке у него был факел, в другой – небольшой холщовый мешок, набитый такими же пустыми холщовыми мешками. Держаться поэтому было особо нечем. Да и не за что тут было держаться! Перил он так и не соорудил, а стены были гладкие и тоже сплошь поросли осклизлой чёрной дрянью – ни ухватиться, ни опереться. Ступени уходили круто вниз – в темноту – в чёрную влажную бездну. «Надо будет здесь всё-таки перила соорудить, – подумал Петрос. – Нормальные перила, чтоб можно было по-нормальному держаться. А то ведь, не ровен час, в конце концов однажды загреметь можно – костей не соберёшь!.. А пока верёвку натянуть, что ли? Ведь назад, понимаешь, ещё и грузёным придётся взбираться!.. Нет, точно, первую ходку сделаю и сразу же провешу верёвку...» Было холодно. Пар от дыхания оседал на усах, обволакивал опущенное вниз лицо, отчего нос и лоб казались неприятно-липкими и их всё время хотелось протереть рукой.

Наконец внизу сквозь черноту проступил серый каменный пол – лестница заканчивалась. Петрос сошёл с последней ступеньки и оказался в довольно большом квадратном зале с неровными стенами и низким закопчённым потолком. Из зала вели четыре штольни: две – прямо и по одной – влево и вправо. Здесь ощущался небольшой сквознячок. Дым от факела лениво потянулся в левую штольню – там, шагах в ста, находился запасной выход: узкий лаз, слегка присыпанный камнями и землёй – так, чтобы снаружи его было незаметно, но при необходимости можно было без особого труда раскопать изнутри. Петрос посмотрел вслед дыму, но повернул вправо и, пригнувшись, нырнул в низкий широкий проход.

Коридор с небольшим уклоном вёл вверх, и шагов через тридцать стало ощутимо теплее. Пар изо рта здесь уже не шёл, впрочем, возможно, потому, что здесь было гораздо суше – пол и стены были чистыми – без следов мерзкой чёрной плесени, да и с потолка за шиворот тоже ничего уже не норовило капнуть – ледяным хлыстом для пугливых мурашек. Вот только идти тут было неудобно – потолок был слишком низким и всё время приходилось пригибаться, чуть ли не складываться пополам. Кто тут у них работал? Карлики? Или они, понимаешь, на четвереньках здесь тачки катали? Неужели нельзя было вырубить проход повыше?! Нет, ей богу, займись! Вот Сати вызволю, разберусь окончательно со всей этой сволочью и займусь. Перила на лестнице оборудую и здесь нормальный коридор прорублю. Куплю, понимаешь, рабов-каменотёсов. Штук двадцать. Они мне тут за пару недель не то что сносный проход – улицу прорубят! На биге можно будет кататься!..

Штольня плавно завернула влево и... кончилась. Проход перегораживала стена, сложенная из массивных каменных блоков. По центру из стены торчали два бронзовых кольца – держатели для факелов. Петрос сунул факел в левое кольцо и точными уверенными движениями поочередно утопил края четырёх кирпичей в четырёх углах стены. После чего ухватился обеими руками за свободное кольцо и с усилием толкнул стену вправо. Стена неожиданно легко стронулась с места и, скользя по металлическим полозьям, уехала вбок, открыв узкий – не больше пяти ладоней – проход. Петрос вынул факел из кольца и, протиснувшись внутрь, задвинул за собой стену. Дальше действительно можно было ехать на биге: сразу за сдвижной каменной кладкой потолок взлетел вверх, стены раздвинулись и, приобретя благородный белый цвет, заиграли на сколах розовыми факельными отсветами.

Когда-то отсюда возили белый облицовочный камень. А теперь здесь была сокровищница. Прямо на каменном полу, выстроившись в две длинные ровные шеренги, словно легионеры в почётном карауле, стояли небольшие деревянные ларцы. Их было много. Очень много. Казалось, – несколько сотен. Их строй, их «почётный караул», тянулся двумя шеренгами вдаль, он казался бесконечным, он начинался у ног Петроса и уходил вглубь штольни, в темноту, постепенно растворяясь в ней в отдалении. Петрос подвигал факелом, и тени от ларцов пришли в движение, зашевелились, поползли, и Петросу снова, в который уже раз, показалось, что это зашевелились и поползли сами ларцы – словно какие-то неведомые подземные черепахи. Они ползли неторопливо, гордо и надменно неся свои покатые узорчатые панцири, бесшумно двигаясь куда-то вглубь горы, в слепую непроглядную тьму – по каким-то своим, таинственным и непостижимым подземным делам.

Петрос обманул бывшего первосвященника. Разумеется, никуда он своё золото не отвозил и, соответственно, никуда ему за золотом ехать было не надо. Всё оно было здесь – в старой подземной выработке. Все сто сорок полновесных золотых талантов...

Сразу же, в первые месяцы своего пребывания в Риме, он выкупил у городского магистрата весь западный склон Ватиканского холма вместе с этими заброшенными, никому не нужными, давно всеми забытыми выработками, где добывали строительный камень ещё, наверное, во времена первых царей. Покупка обошлась ему относительно недорого. Место было бросовое, непрестижное да, к тому же ещё, рядом с кладбищем – пожалуй, таким же старым, как и сама каменоломня. Таким образом, он, словно романский бог Плутон, стал единоличным владельцем и хозяином настоящего подземного царства – огромного подземного города: с десятками, если не сотнями стадиев многоуровневых ходов и переходов, с огромными гулкими залами и затхлыми тупиками, с собственными, сочащимися прямо из стен, источниками воды и с таинственными вертикальными колодцами, уходящими вниз на неведомую глубину. Пока строился дом, Петрос самым тщательным образом обследовал холм, обнаружил и изучил все входы-выходы подземного лабиринта и затем методично засыпал и замуровал их все до единого, оборудовав свой, известный лишь ему одному, единственный проход, который отныне вёл в каменоломню прямо из его дома.

Ход вёл из погреба, что был вырыт в дальнем углу перестиля. Начинался он за точно такой же фальшивой сдвижной стеной, вдоль которой в погребе стояли самые обыкновенные горшки и амфоры с соленьями и вином, а с потолка свисали шарики козьего сыра, призывно пахнущие тмином и чесноком колбасные круги и обёрнутые соломой куски вяленого мяса. И ни рабам, проживающим теперь в доме, ни Офиру, ни Сати – никому было неведомо, что за всеми этими сырами и колбасами, за узкогорлыми амфорами и пузатыми горшками и далее – за влажной и холодной каменной стеной лежит обширный подземный город, в одном из закоулков которого хранятся несметные сокровища, принадлежавшие когда-то иудейскому царю Агриппе Великому. Не смогли, разумеется, об этом догадаться и заглянувшие в погреб люди разбойника Мастарны Кадыка, нанятые Йосэфом бар-Камитом...

Петрос воткнул факел в держатель и, опустившись на колени, откинул крышку ближайшего ларца. В каждом ларце лежало по одному таланту золота. Монеты были расфасованы в кожаные мешочки – по сто звонких ауреев в каждой длинненькой кожаной колбаске. Петрос расправил холщовый мешок и принялся перекладывать в него золото. Когда ларец опустел, Петрос поднялся на ноги и взвесил мешок в руке. Пожалуй, хватит. Так по таланту и буду таскать. Ничего. Лучше несколько лишних ходок сделать, чем, понимаешь, спину ломать, надрываться. Да и лестница, опять же. Вверх не вниз. Два таланта я, чего доброго, по такой лестнице уже наверх и не вопру. Годы, знаете ли, не те. Нет, всё, правильно: по таланту в мешок – и всё! Да и сколько тут таскать-то! Десять ходок всего-навсего. Всего-то и делов – подготовить два сундука. Может, конечно, и одного бы хватило, но, на всякий случай, сделаем два. Мало ли чего. Случаи, понимаешь, разные бывают, всего не предусмотреть!..

Он снова опустился на колени, достал и расправил очередной холщовый мешок и распахнул следующий ларец...

Золота у него за эти годы не ubyло. Нет, поначалу, конечно, пришлось основательно потратиться. Участок земли, дом, рабы... Впрочем, в сравнении с тем богатством, что так неожиданно привалило ему семь лет назад, все эти траты были сущей мелочью, каплей в море. Однако он понимал, что и по мелочи, по капле можно то самое море в конце концов выпить, и поэтому сразу же, как только обустроил дом и наладил хозяйство, стал думать о прибыльном торговом деле, благодаря которому можно было бы вернуть потраченное, а в дальнейшем и получать стабильный доход. И тут ему очень помог Офир.

Внебрачный сын небогатого купца, Офир не мог рассчитывать ни на долю в семейном деле, ни на последующее наследство, но, обладая острым умом и торговой хваткой, умел, казалось, извлекать выгоду из всего на свете: будь то доставка избалованным романским патрисиам «горной ледниковой воды для утреннего омовения» (красиво запечатанные дорогие амфоры, заполненные у ближайшего фонтана); или продажа в иудейские общины мелких партий «свежайших кошерных цыплят» (ощипанные тушки ворон, наловленных на городской помойке); или даже организация специальной школы плакальщиц с последующей сдачей их в краткосрочный наём – для придания размаха, а стало быть, и престижности похоронам. Идей у Офира всегда было в избытке. Не хватало, как часто бывает в таких случаях, лишь одного – денег, стартового капитала. Но тут судьба свела его с Петросом. И всё сложилось. Офир приобрёл наконец под свои идеи вождеденный стартовый капитал, а Петрос – умелого и расторопного помощника, умного и честного напарника и расчётливого, а потому весьма удачливого купца. И заработал главный торговый закон: деньги стали приносить деньги. За несколько лет совместной деятельности компаньоны смогли не только покрыть все первоначальные расходы, неизбежные при организации любого торгового дела, но и с лихвой вернули всё, что было потрачено Петросом в первый год его романской жизни.

Разумеется, не был обижен и Офир. Он тоже купил себе дом – небольшой, но уютный – на Ивовом холме, коляску на выезд, рабов, завёл семью, да и вообще, остепенился, раздобыл, приобрёл взамен голодного блеска в глазах горделивую осанку и солидную плавность в движениях, но, впрочем, торговую хватку свою отнюдь не потерял и был готов в любой момент времени отправиться хоть в Азию, хоть в Африку, хоть, вообще, на край света, если там, на краю света, что-то сулило ему хотя бы двадцатипроцентную прибыль...

Петрос заполнил очередной мешок и перешёл к следующему ларцу – точнее, переполз к нему прямо на четвереньках.

В пещере было душно. Воздух здесь за долгие годы застоялся, загустел, пропах факельным дымом, стал тяжёлым и каким-то... маслянистым, что ли. Дышалось трудно. Факел на стене

трещал и чадил, роняя вниз мелкие огненные брызги. Работа, казалось, была несложной, но к пятому мешку Петрос основательно упарился. Капли пота стекали у него по вискам, капали с кончика носа прямо на заполненные золотыми монетами тугие кожаные колбаски.

Он нагрузил ещё два мешка и решительно поднялся. Всё! Довольно! Положу в оба сундука по три с половиной таланта – и хватит! Сразу не разберутся. А когда разберутся – уже, понимаешь, поздно будет!..

Ноги затекли. Петрос потоптался на месте, разгоняя по икрам злые колючие мурашки. Спина у него вся взмокла. Под мышками пекло. Во рту было сухо и горько. И катался на языке противный маслянистый привкус.

Петрос окинул взглядом раскрытые пустые ларцы. Их было семь. Потом он повернул голову и посмотрел на уходящую во тьму сдвоенную шеренгу ларцов полных. И вновь, как всегда при виде этой бесконечной шеренги, ощутил в животе лёгкий щекочущий холодок.

– Ей богу, с ума сойти!.. – вслух сказал он. – Богат, как фараон!..

Тьма не ответила. Она была равнодушна. Она была готова вечно хранить эти несметные богатства, и ей было всё равно, принадлежат ли они фараону или царю. Или бывшему рыбаку с берегов далёкого Кинеретского озера. Ей, вообще, было всё равно, что хранить – золото или, к примеру, старое ржавое кайло, когда-то оставленное здесь нерадивым рабом-каменотёсом. Или самого этого раба, приваленного в одной из штолен обрушившимся потолком. Тьма была спокойна. Она была здесь хозяином. Она властвовала. Она понимала, что на самом деле всё это – и эти сокровища, и это ржавое кайло, и этот погибший раб – принадлежат только ей. Лишь ей одной. И никому более. И не по праву первородства. А по праву вечности. Тьма была самовластна, поскольку она была вечна. И она не делила свою власть ни с кем. Ни со временем. Ни даже с самим Богом. Поскольку они были всё-таки начальны, а потому – преходящи. Она же пребывала ДО, точно так же, как будет пребывать ПОСЛЕ...

Петрос поднял с земли мешок и, кряхтя, забросил его на спину. После чего снял со стены факел и медленно двинулся к выходу. Он не спешил. Времени было в достатке, а силы надо было беречь. Ему предстояло сделать семь ходок...

Вечером следующего дня к дому Йосэфа бар-Камита, что в Венерином квартале на Авентинском холме, медленно подкатила бига, следом за которой двигались две запряжённые волами телеги. На каждой из телег стояло по пять небольших деревянных сундуков. На передней телеге рядом с возницей сидел Офир, на задней – Мэлех. В биге приехал Петрос.

Вечерняя улица была почти пуста. Лишь шагах в ста, у небольшой попины, где уже зажгли над столами бледно-жёлтые факелы, топталось несколько шумливых гуляк, да на ближайшем перекрёстке перекаладывал с лотка в короб свой немудрёный товар припозднившийся торговец-разносчик. Завидев подъехавшие телеги, он торопливо закончил сборы, взвалил короб на спину, подхватил с земли пустой лоток и, шаркая огромными плоскостопными ножищами, удалился в переулок.

Петрос выбрался из коляски, поднялся по ступеням и постучал в тяжёлую, обитую выдраенными до золотисто-розового сияния медными листами, дверь.

– Скажи хозяину: Петрос привёз товар, – сказал он в распахнувшееся зарешёченное оконце.

Угрюмая физиономия в окошке исчезла, но через короткий промежуток времени возникла вновь. Привратник внимательно обшарил глазами крыльцо, после чего дверь приоткрылась и в образовавшуюся щель высунулась голова Олипора. Слуга тоже внимательно оглядел крыльцо и лишь после этого приоткрыл дверь пошире:

– Заходи!

Петрос отрицательно покачал головой.

– Нет. Скажи хозяину, что я сначала хочу увидеть свою жену. Пусть её выведут на балкон.

Он спустился с крыльца и встал у первой телеги.

– Ну что? – тихо спросил Офир.

– Ждём, – так же тихо, сквозь зубы, ответил Петрос.

Время тянулось томительно медленно. Петросу показалось, что прошло не менее четверти часа, прежде чем дверь на втором этаже распахнулась и на балкон вывели Сати. Она заметно осунулась. Глаза, и прежде большие, всегда широко распахнутые, теперь, казалось, и вовсе занимали пол-лица. Заметив внизу Петроса, Сати слабо вскрикнула и рванулась к перилам, но стоявший позади могучий раб (судя по светлым волосам и грубому, оттянутому вниз тяжёлой

челюстью, лицу, – германец либо бритт) легко удержал её за плечи. Из-за спины раба выдвинулась фигура бывшего первосвященника.

– Всё в порядке, Петрос! – дребезжащим голосом проблеял сверху Йосэф бар-Камит. – Всё с твоей женой хорошо! Никто её здесь не обижал!

Петрос смерил его презрительным взглядом.

– Сати, это так?! – спросил он.

Женщина слабо кивнула.

– Скажи что-нибудь! – попросил Петрос. – Вслух скажи! Тебя не трогали?!

Сати на этот раз отрицательно замотала головой, потом слабо сказала:

– Нет... Всё хорошо, Петрос.

– Я же тебе говорю, – вновь заблеял бывший первосвященник, – никто твою жену не обижал!.. Ты... привёз?!

– Да! – сказал Петрос. – Всё – здесь! – он кивнул на телеги. – Можете забирать!..

Сати увели с балкона, и почти тот час же входная дверь распахнулась и под портик высыпали люди Йосэфа бар-Камита. Человек десять – все с оружием. Вид у них у всех был чрезвычайно воинственный, но оружие многие держали неумело.

Офир слез с телеги и встал рядом со своим патроном.

– Сброд, – тихо сказал ему Петрос. – Заготовки. Двоих зарубить – остальные сами разбегутся, – он сплюнул себе под ноги и громко спросил, обращаясь не к вышедшим на крыльцо рабам, а к тому, кто оставался за их спинами, в доме: – Ну, а ящики-то кто таскать будет?! Вояк я вижу, а где носильщики?!.. Эй, Йосэф! Ты что, предлагаешь мне самому с твоим... товаром горбатиться?!

За спинами вооружённых произошло движение, и два раба, протолкавшись через толпу, подошли к телеге и попытались стащить с неё один из ящиков.

– Пупок развяжется, – насмешливо сказал им Офир. – Пять талантов в каждом ларце. Вчетвером надо.

Рабы безуспешно подёргали неподъёмный сундук, потом один из них обернулся к толпящимся на крыльце «воинам».

– Подсобил бы кто! Эй, Виталис! Идём! Идите помогите! Не унести нам вдвоём!

Ещё два раба, отдав свои мечи подельникам, спустились по ступенькам к телеге и ухватились за витые бронзовые ручки.

– Взяли!..

Сундук с трудом сняли с телеги и, громко пыхтя и наступая друг другу на ноги, поволокли к дверям. Петрос пошёл следом. Никто его на этот раз не останавливал и не обыскивал. Петрос про себя усмехнулся. Бойцы! Вояки! Им только с блохами у себя за пазухой воевать. Войско сраное, прости Господи!.. Может, выхватить вот у этого ротозея меч да самому тут со всеми разобраться? Коротко и быстро!.. Впрочем, там где-то ещё лучник прячется. Да и тот бритт на втором этаже, похоже, крепкий орешек. И Сати как раз с ним... Ладно, не будем гнать коней. Пока и так всё идёт по плану...

В атриуме их встречал Йосэф бар-Камит. Бывший первосвященник находился в крайнем возбуждении. Глазки у него горели, на щеках пунцовел нездоровый румянец, руки так и ходили ходуном, то судорожно сплетаясь дрожащими пальцами, то теребя края одежды, то торопливо приглаживая длинные сальные седые пряди на висках.

– Сюда!.. Сюда!.. – суетился он, указывая рабам дорогу. – В таблинум заносите!..

Рабы втащили в кабинет сундук, поставили его у стены и ушли за следующим. Петрос огляделся. Кабинет бывшего первосвященника поражал роскошью: золото, серебро, слоновая кость, чёрное дерево, снова золото... Глаз Петроса зацепился за стоящую в углу высокую белоснежную вазу в форме раскрытого лотоса, покоящегося на руках трёх обнажённых танцовщиц. «Опаньки! – мелькнуло в голове у Петроса. – Знакомая вещица! Вот ведь сукин сын! Ворованное, как своё, выставил! Даже не стесняется!.. Ну, козлице! Погоди у меня!..»

Он подошёл к сундуку и небрежно пнул его ногой.

– Открывать?

Йосэф бар-Камит замахал на него руками.

– Ты что! Ты что! Потом! Пускай всё занесут!

– Ну, потом, так потом, – не стал спорить Петрос...

Во время десятой ходки изнемогшие от непосильной тяжести рабы дважды уронили свою ношу.

– Всѣ! Идите!.. Идите!.. – торопливо стал выпроваживать их из комнаты хозяин, едва последний сундук с глухим стуком опустился на пол. – Ступайте, вам говорят!

Рабы, кланяясь, вышли.

– Всѣ, можешь открывать, – нетерпеливо повернулся к Петросу Йосѣф бар-Камит.

– Скажи, пусть приведут сюда мою жену! – потребовал Петрос.

– Да!.. Да! Конечно!.. – закивал Йосѣф бар-Камит, не спуская глаз с длинной шеренги сундуков, стоящей вдоль стены кабинета. – Эй! Скажите там Даниэлю, пусть Тургар приведѣт сюда его жену!

«Тургар! – отметил про себя Петрос. – Германец всё-таки, не бритт. То-то он на моего Вихарда так похож...»

Сати привели быстро. Петрос принял её из рук светловолосого раба-германца.

– Ну? Ты как?

– Я... Я – хорошо... – прошептала Сати, крепко прижимаясь к мужу; слѣзы текли по её заброшенному лицу. – Петрос!.. Петрос!..

– Всѣ!.. Всѣ! Я здесь!.. Всѣ!.. – Он бережно отнял её от себя и усадил на кресло, стоящее в углу комнаты. – Посиди пока! Я сейчас!.. Ну, что, открываю?! – спросил он хозяина дома.

Тот длинно переглотнул и снова, кивая, затряс неопрятным кустом бороды. Петрос снял с запястья тяжѣлый браслет с ключами, нашѣл нужный и, отворив замок, откинул крышку первого сундука. Всѣ дно ларца было плотно уложено длинненькими кожаными колбасками.

– Можешь пересчитывать!..

Бывший первосвященник, даже не скрывая дрожь в руках, жадно склонился над распахнувшейся пред ним сокровищницей.

– Господи! Воля Твоя!.. Благодарю Тебя, ниспославшего мне!.. – донеслись до Петроса его бормотания.

Петрос, не торопясь, прошѣлся вдоль ряда сундуков и, подбирая по соответствующим отметкам ключи, открыл все замки. Тем временем Йосѣф бар-Камит извлѣк из ларца одну из кожаных колбасок и теперь пытался развязать её непослушными дрожащими пальцами. Петрос подошѣл к нему, отобрал мешочек и, достав кинжал, срезал верх кожаного чехла вместе с завязкой. После чего небрежным движением высыпал золото на стол.

– А-ап!.. – то ли сдавленно вскрикнул, то ли всхлипнул бывший первосвященник, пытаясь ухватить неловкими пальцами весело разбегающиеся по столу монеты.

«Не помер бы от счастья! – глядя на трясущегося, побагровевшего до обильной испарины хозяина дома, подумал Петрос. – А то посредине представления ещё копыта, понимаешь, откинет! Кто тогда наши старания оценит?.. Где же Агеласт? Что-то долго они!..»

Как раз в этот момент над головами у них, на втором этаже, что-то грохнуло, раздался невнятный сдавленный крик, забухали, застучали тяжѣлые шаги.

– Наконец-то! – вслух произнёс Петрос и заорал, откидывая крышку ближайшего сундука: – Подъѣм!! Подъѣм!! Выходим!!

Из него, как суслик из норы, выскочил потный и взѣрошенный Свисток.

– Прим! Ты что, это самое, так долго?! Я думал – сдохну!

Из соседнего сундука поднялся красный распаренный Миний, его слегка покачивало.

– Держи! – протянул он Петросу меч и улыбнулся. – Бойтесь, о тевкры, данайцев, дары подносящих!.. Ну что, прим, вроде как получилось?!

Из двух последних сундуков, с трудом разгибая затѣкшие ноги, выбрались Фортунат и Гай Дѣнтан – ещё двое мелкотелых членов «артели» Миния, с которыми Петрос познакомился накануне.

Петрос подошѣл к ошалело лупающему глазами, потерявшему дар речи хозяину дома и приставил к его животу меч.

– С каким бы наслаждением я выпустил тебе кишки, Йосѣф бар-Камит! – глядя в жалкое, постариковски некрасивое лицо бывшего первосвященника, медленно произнёс он. – С превеликим наслаждением!.. Но я не стану этого делать. Поживи ещё... Почему-то мне кажется, что жизнь тебе теперь станет не в радость... Но как бы то ни было, Йосѣф бар-Камит, запомни: больше никогда – ты слышишь меня?! никогда! – не смей становиться на моём пути! Раздавлю!.. Раздавлю, понимаешь, и размажу! Как гниду!.. Ты понял меня, Йосѣф бар-Камит?!..

Бывший первосвященник не отвечал, лишь беззвучно, как выброшенная на берег рыба, разевал и снова закрывал свой вялый беззубый рот.

В этот момент одна из сдвижных стенных панелей с треском вылетела из пазов от мощного удара и в кабинет разъярённым быком ворвался Тургар – с окровавленным лицом и с огромным, тоже окровавленным, боевым топором в руках. Оказавшийся прямо перед ним Свисток, который своей макушкой едва доставал могучему германцу до груди, испуганно пискнул и шарахнулся в сторону. Фортунат и Гай Дентан, выставив перед собой короткие мечи, попятнулись в угол. Переставший улыбаться Миний всё дёргал и никак не мог выдернуть из сундука застрявший там щит. Петрос резко сгрёб Йосэфа бар-Камита за ворот и, развернув, поставил его перед собой в виде живого заслона, одновременно сдвинувшись вправо с таким расчётом, чтобы оказаться между германцем и сидящей на кресле Сати.

– Брось топор!.. – приставляя лезвие меча к горлу хозяина дома, приказал Тургару Петрос. – Скажи ему, чтоб он бросил топор! – тряхнул он за шиворот оцепеневшего от ужаса Йосэфа бар-Камита. – Ну!!..

– Пэ... Бэ... Брось... – едва слышно прошамкал бывший первосвященник.

– Громче! – снова встряхнул его Петрос. – Громче, сволочь! Прикажи ему! Ну! Прикажи, иначе кровью захлебнёшься!

И тут Йосэф бар-Камит забился в его руках, истерически визжа и брызжа слюной:

– Брось!! Тургар, брось!! Он убьёт меня, Тургар!! Брось топор!! Я тебе приказываю!! Тургар!!..

Германец с ненавистью взглянул на своего хозяина. Твёрдые желваки задвигались на его скулах.

– Ш-шайз!.. – прошипел он и с грохотом швырнул топор в угол.

Петрос толкнул обмякшего Йосэфа бар-Камита в объятия Фортуната и подошёл к безоружному Тургару.

– На колени!.. – приказал он.

Германец, шумно дыша, недобро смотрел исподлобья. Глаза у него оказались серо-голубыми, прозрачными, что никак не вязалось с его грубым лицом и массивной атлетической фигурой.

– На колени, раб! – снова потребовал Петрос и приставил меч к широкой груди германца. – Ну!..

Тургар, скрипнув зубами, опустился на колени. И тогда Петрос, шагнув вперёд, сильно, сверху вниз, ударил его рукоятью меча по затылку. Германец качнулся и с тупым стуком повалился лицом в пол.

Миний подошёл и потрогал ногой лежащего раба.

– Хорош! – оглядев, оценил он габариты и стать поверженного германца.

– Хорош! – согласился с ним Петрос и указал на валяющийся на полу окровавленный топор.

– Никак кого из ваших зарубил.

– Похоже на то, – озабоченно кивнул Миний.

– А ты говоришь: Свисток! – хмыкнул Петрос. – Да Свисток такому – на один зуб!

– Ой, да ладно! – сейчас же отозвался Свисток и, подойдя, небрежно пнул лежащего гиганта.

– Имел я его во всех позах!

Миний и Петрос рассмеялись.

– Может, мне его себе забрать? – задумчиво погладил бороду Петрос. – Вместо, понимаешь, убитого Суллы.

– Лучше мне его отдай, – предложил Миний. – Нам такой пригодится.

– Нет, – покачал головой Петрос. – Не отдам. Вы его испортите, – он повернулся к Гаю Дентану. – Вяжите его! Вяжите всех и стаскивайте в одно место! Туда, – показал он сквозь выбитую панель, – к имплювию. Зря никого не убивать!.. Этого, – он кивнул на безвольно висящего на руках Фортуната бывшего первосвященника, – посадите на стул и привяжите. Пусть, понимаешь, наслаждается зрелищем!.. И найдите мне Мэлеха! Он где-то там, возле телег, должен быть!.. – Петрос подошёл к Сати и протянул ей руку. – Пойдём, радость моя! Здесь дальше без нас обойдутся. А мы с тобой поедem домой. Да?

– Да... – кивнула Сати, поднимаясь ему навстречу. – Да.

Он обнял её за плечи и повёл к выходу.

В доме творилось нечто несусветное. Трещала мебель, звенела, разлетаясь на куски, посуда, гремели по мозаичному мраморному полу подбитые гвоздями башмаки. Со всех сторон в атриум сгоняли перепуганных рабов. Метались, отбрасывая на стены причудливые тени, многочисленные факелы. Где-то наверху гоготали грубые довольные голоса и тоненько, слезливо причитала женщина. А посреди всего этого содома, пугая всех своей неподвижностью, торчали из бассейна чьи-то грязные босые ноги. Завидев их, Сати вскрикнула и, дрожа, прижалась к мужу.

– Ну-ну, – попытался успокоить её Петрос. – Ничего страшного. Бывает. Просто кому-то, понимаешь, не повезло... Агеласт!! – рявкнул он, отворачивая Сати от бассейна. – Я же сказал: никого зря не убивать!!..

Перед ними возник запыхавшийся Мэлех.

– А, вот и ты! – обрадовался ему Петрос. – Слушай меня внимательно! Там, в таблинуме, два сундука с золотом. Один – открытый, возле стола. Второй – тот, что с павлином на крышке. В остальных закрытых сундуках можешь не смотреть – там кирпичи. Открытый сундук отдашь Минию. Сундук с павлином заберёшь домой. Понял?.. Да, там, в углу, ваза стоит. Белая такая. В виде лотоса. Три танцовщицы держат цветок лотоса. Помнишь такую?.. Тоже домой заберёшь, – он усмехнулся. – На память... И вот ещё что! – вспомнил он. – Раба-германца заberi! Тоже там лежит. Белобрысый такой. Связанный. На телегу его вместе с сундуком – и домой... Ну, а здесь, – Петрос обвёл рукой пространство, – здесь сделай то же, что было у нас после налёта. Понял?.. Уж постарайся! Чтоб, понимаешь, до мелочей было похоже! До самых мелких мелочей!.. И масла! Масла побольше лей! Не жалей масла! Везде лей! На стены! На ковры! На постели! Мало будет – в попине возьми! Тут недалеко попина есть. И – маслом! Маслом! Чтоб ему, паразиту, жирно спалось и, склизко, понимаешь, ходилось! Ты понял меня?!

В это время из таблинума Фортунат и Гай Дентан выволокли привязанного к стулу хозяина дома. Йосэф бар-Камит вертел головой, дико озираясь. Заметив Петроса, он закричал неприятным высоким голосом:

– Петрос!!.. Ещё ничего не кончено, Петрос!! Увидишь, ещё ничего не кончено!!.. Я отомщу тебе!!.. Лучше убей меня!! Слышишь?!! Убей!!..

Петрос мельком взглянул на него.

– Я же сказал тебе, Йосэф бар-Камит, я не стану тебя убивать. Пока не стану... А насчёт мести... Сто раз подумай, Йосэф. Предупреждаю тебя! Ты не себе навредишь. Тебе-то что! Ты и так скоро сдохнешь! Ты детям своим навредишь! И внукам! О них подумай, Йосэф!..

Но бывший первосвященник его больше не слушал.

– Ты проклят, Петрос!! – визжал он, брызжа слюной. – Ты проклят во веки веков, отступник!! Вор и отступник!! И все твои ученики – отступники!!.. Проповедник Петрос?!! Тьфу!! Все твои проповеди – ересь!! Ересь, ересь и ересь!! И нет вам никому отныне дороги в Храм!! Тьфу на вас!! И ещё раз – тьфу!! – заплёванная борода его ходила ходуном. – Забудьте дорогу в дом Господень, еретики!! В скрежете зубовном встретите вы смерть свою!! Слышите?!! В скрежете зубовном!!..

– Заткните его!!.. – поморщившись, приказал Петрос Фортунату и Гаю Дентану. – Миний! – окликнул он показавшегося из таблинума главаря «артели». – Подойди-ка!..

Миний обогнул имплювий и остановился перед Петросом.

– Там – золото... – сказал Петрос, кивая на развороченную дверь кабинета.

– Да, я видел! – горячо отозвался Миний, он был сильно возбуждён. – Там его дохрена! Я вам скажу, столько золота я в жизни своей не видел!..

– Дослушай... – остановил его Петрос. – Тот сундук, что возле стола – ваш. Там больше, чем мы с тобой договаривались. Намного больше. Но делить ничего не надо, забирайте всё. Но за это я попрошу тебя ещё об одной услуге...

– Всё, что угодно! – сейчас же закивал Миний и широко улыбнулся. – Всё, что скажешь, всё сделаем! Убить, зарыть, закопать – всё, что угодно! За такие деньги – всё!

– Не надо никого убивать и закапывать... Скажи, ты знаешь, сколько в городе иудейских молельных домов?

Миний пожал плечами.

– Понятия не имею! Наверняка, дохрена! На Яникуле так точно! Там же иудей на иудее!.. А что?

– Узнай. Досконально узнай. Обо всех до единого. И в РOME и в ближайших окрестностях. Прямо список составь. И на Яникуле, и на Квиринале – в общем, везде.

– Н-ну, допустим... Узнаю. И что?

– А когда узнаешь, – продолжал Петрос, – сделаешь вот что... Во все эти молельные дома пошлешь своих людей. Ночью...

– Зачем?! – удивился Миний. – Там разве есть что-нибудь ценное?

– Не за этим, – поморщился Петрос. – Ты слушай!.. Когда узнаете, сколько в городе молельных домов, пойдёте на рынок и купите такое же количество свиней. По одной свинье на каждый дом. Свиней зарежете. В каждый молельный дом отнесёте по свиной голове. Там, в этих домах, есть две комнаты. В дальней от входа комнате увидите занавес, рядом с которым горит лампадка. Она там всегда горит. Так вот. Свиные головы забросите за этот занавес. Понял?.. А кровью свиной побрызгаете вокруг. На пол, на стены, на потолок. На тот же занавес. Везде!.. Всё запомнил?

Миний с недоумением смотрел на него.

– Нахрена тебе это надо?!

– Какая тебе разница?! Надо! Тебе-то что?! Я плачú – ты делаешь!

– Да мне-то без разницы! – пожал плечами Миний. – Хочешь, я эти молельные дома вообще, нахрен, с землёй сравню?! Или сожгу!

– Не надо ничего сжигать, – терпеливо повторил Петрос. – Не надо никого убивать, никого закапывать и сравнивать с землёй тоже ничего не надо. Просто сделай, как я тебе сказал. И все те деньги – твои. Договорились?

Миний развёл руками.

– Договорились! Конечно, договорились! За такую ерунду да такие деньжищи! Разумеется, договорились!

– Всё, – сказал ему Петрос. – Ступай. Проследи, чтоб твои люди тут лишних делов не натворили. Чтоб, как ты говоришь, не зарезали никого и не закопали. А то – вон... – он показал на торчащие из имплевия ноги. – Пусть лучше помогут моему Мэлеху... И не особо шумите! Сам знаешь, тут патрули вигилов ходят.

– Не волнуйся! – сказал ему Миний и подмигнул. – Вигилы, я вам скажу, тоже денежки любят. Любой патруль за пару ауреев оглохнет и ослепнет. И, нахрен, забудет всё!

– Ну-ну... – сказал Петрос и двинулся на выход.

– Ты приказал ему осквернить ваши храмы? – тихо спросила его Сати, она всё ещё дрожала. – Зачем?

– Это не наши храмы! – сказал ей Петрос. – Это их храмы! У нас теперь с ними будут разные храмы!

Сати помолчала.

– Но всё равно. Это ведь... храмы. Разве это правильно?.. Ведь ваш Бог... У вас ведь всё равно, наверно, один Бог?.. Ты не боишься?

Петрос вздохнул.

– Мой друг и учитель Йешу, – сказал он, – говорил, что Бог – внутри у каждого из нас. Так вот. Тот Бог, который внутри у меня, говорит, что я поступаю правильно. Справедливо и правильно... А если Йешу ошибался, и Бог всё-таки живёт на небе... Ну что ж, тогда пусть не обижается. За зло надо платить злом. Как говорится, око за око.

– Но ты же рассказывал, что Йешу учил по-другому. Что на зло надо отвечать добром.

– Не добром, а терпением, – поправил её Петрос. – Это разные вещи. А терпение бесконечным не бывает. Я и так, понимаешь, слишком долго терпел! Непростительно долго!..

Они вышли на улицу. Здесь уже была совершенная ночь. От телег им навстречу бросился Офир.

– Ну слава Богу! Я уже заждался!.. – он заглянул в лицо Сати. – Жива? Цела?

Сати улыбнулась ему.

– Цела...

– Садись в бигу, – сказал ей Петрос. – Я сейчас... – он посадил Сати в повозку и вернулся к Офиру. – Слушай сюда, Офир, – взял он своего клиента под локоть, – дело есть для тебя... Там, в доме, сундук с золотом. Мэлех скоро вынесет его. Там три с половиной таланта. Миний скоро разузнает обо всех молельных домах в РOME и в её окрестностях. Справишься у него. Всё перепиши тщательно, чтоб ничего не упустить и не перепутать. Все молельные дома до единого!.. Далее. Твоя задача: поблизости от каждого из этих молельных домов купить какое-нибудь

строение. Поблизости от каждого! Желательно, не дальше одного квартала. И оборудовать в этих строениях НАШИ молельные дома. Ты понимаешь меня?!

Офир подумал, а потом кивнул.

– Я тебя понял. Создадим конкуренцию?

– Нет, – сказал Петрос. – Создадим монополию.

– Но... евреи ведь смогут выбирать...

– Не смогут, – перебил его Петрос. – Не из чего будет выбирать.

– Почему? – удивился Офир.

– Потому! Потом узнаешь!.. Задача ясна?

– Э-э... Ну да, ясна.

– И учти, – сказал Петрос, – всё это надо сделать быстро. Очень быстро! Как можно быстрее! Денег не жалеи! Не экономь и не торгуйся! Если дом подходит – сразу бери! За любые деньги! За три с половиной таланта золота можно, понимаешь, пол-Ромы скупить!.. Для оборудования молельных домов найми людей. Столько, сколько надо. Но чтобы к Пуриму все молельные дома были готовы! Все до единого!..

– Подожди... – сказал Офир. – Я, кажется, понял... Ты хочешь сделать молельные дома только для христиан?

– Да, – кивнул Петрос. – Правильно! Хватит унижаться! Хватит терпеть и прятаться! Хватит, понимаешь, слушать продажных рабинов! Для которых золото давно уже важнее веры! Хватит отступать! Пора идти в наступление! Нам больше не нужна старая церковь! У нас теперь будет своя! Новая! Церковь справедливости и добра! Церковь Богоизбранного Помазанника Йешу! Церковь ИСТИННОЙ веры!..

Кесаря Клавдия одолевали газы. Живот болезненно пучило, и никак не получалось выпустить ветры. Клавдий вставал, садился, снова вставал, принимался ходить по зале, но облегчения не наступало. Мало того что это было неприятно, тягостно, это ещё и отвлекало, не давало сосредоточиться, не позволяло не только тщательно обдумать свою мысль, но даже внимательно выслушать собеседника, принять доклад. Вдобавок ко всему, это было ещё и унижительно – ведь разве не является унижительным непослушание собственного тела? И вообще, что это за жизнь такая, когда твоё самочувствие, твоё настроение, твоё, в конце концов, мироощущение зависит от капризов и прихотей твоих внутренних органов, от, страшно сказать, взаимоотношений твоего желудка и твоей задницы?!..

– Так что там на Яникуле? – спросил Клавдий, останавливаясь перед Наркиссом.

В глазах Секретаря промелькнуло удивление, но он тут же умело скрыл его за учтивым поклоном.

– И на Яникуле, кесарь, и на Эсквиллине, и на Авентине, – всюду одно и то же, – принялся терпеливо повторять свой доклад Наркисс, – столкновения между иудеями. Драки, поножовщина, разграбление храмов. Их храмов, иудейских, – поспешно уточнил он. – Шесть трупов, десятка два серьёзно раненых. Это только то, о чём нам стало известно. Два поджога. Один дом удалось вовремя потушить вигилам. Другой сгорел полностью. Благо, это был последний по счёту дом на улице и ветер дул со стороны города. Займись соседняя инсула, и мог бы выгореть весь пятый округ.

– Чего же они не поделили? – недоумённо спросил Клавдий.

– Доподлинно неизвестно, – развёл руками Наркисс. – Но это как-то связано с ихней верой. Называют имя какого-то Христа. Но то ли это он сам является зачинщиком беспорядков, то ли этот Христ – какой-то древний иудейский пророк, и столкновения происходят из-за различий в трактовке его учения разными иудейскими общинами, – непонятно...

– Ну так выясните всё досконально и доложите! – раздражаясь, приказал Клавдий.

– Да, кесарь, – согнулся в поклоне Секретарь, – Всенепременно!

Клавдий присел на кушетку, но тут же вскочил и вновь принялся вышагивать по комнате.

– Осмелюсь доложить, кесарь, – подал голос молчавший до этого Калли́ст – глава Коллегии наук и юстиции, – прогнозы авгу́ров сбываются. Их небесные ауспíкии предвещали тридцать дней гнева богов: глада, бунтов и знамений. Тридцать дней Городу дрожать, а людям в малости своей – устрашаться! – воздевая палец горе и закатывая глаза, заунывно, нараспев запричитал он. – Юпитер Всеблагий и Всемогущий, гневаясь на оскудение веры, пошлёт испытания твёрдым и праведным и поразит отступников и малодушных! Дрожать людям, дрожать стенам и дрожать

земле! И ручьям кровавым течь и впадать в озёра слёз солёных! И трону кесаря дрожать и шататься! Дрожать и шататься до тех пор, пока не исполнит он волю богов и десницей твёрдой не покарает иноверцев и отступников!..

Толстые щёки Клавдия задрожали. Он скривил губы и замахал на советника руками:

– Прекрати! Прекрати немедленно!..

Каллист оборвал свою речь на полуслове, опустил задранный вверх палец и виновато потупился.

Клавдий, шумно дыша, как будто ему только что пришлось взбираться по крутой лестнице, приблизился к нему, испуганно озираясь.

– Ну, зачем ты?.. Зачем это?.. – жалобно спросил он. – Не надо! И так... и без тебя... Ты лучше скажи – делать что?!

Каллист поклонился.

– Кесарь, несомненно, знает, что иудеи не только не чтут наших богов, но и, более того, открыто насмеяются над теми, кто поклоняется Юпитеру Величайшему и Пресветлой Юноне, и Воителю Марсу, и Деве Минерве Покровительнице. Они называют нас грязными язычниками и брезгуют делить с нами трапезу! Нас! Грязными язычниками! И кто?! Эти вонючие варвары, которых никто никогда не видел в термах!.. Именно от них по городу ползёт смута. Именно они распускают нелепые и вредные слухи и в трудные времена сеют панику и рознь!..

– Да?! – удивился Клавдий. – Я ничего не знал об этом.

– Это так, кесарь! – поддержал Каллиста и тучный вечножующий Диадумён – глава Коллегии подношений. Он и сейчас что-то жевал, губы у него лоснились, а на тоге, прямо на животе, красовалось свежее жирное пятно. – Иудеи совсем распустились. Их стало слишком много в нашем городе. Они скупают лавки и попины, они ссужают деньги под грабительский процент и с помощью хитрых финансовых схем разоряют горожан и честных торговцев.

– Но они ведь платят налоги?! – полуутвердительно полувопросительно произнёс Клавдий.

– Да, кесарь, платят, – подтвердил Главный казначей Паллант. – Они платят налоги. И платят исправно. В отличие, кстати, от многих достойнейших и весьма уважаемых граждан Румы, представителей, так сказать, древних благородных фамилий. Но вреда от них всё равно больше, чем пользы. Слухи о недостатке зерна на складах и о грядущем голоде, которые распустили по городу, без сомнения, именно иудеи, стоили городской казне нескольких талантов золота. Если быть точным – шести талантов с четвертью. Это только прямые убытки: на восстановление разграбленных складов, на подвоз зерна из других городов, на усиление охраны. Иудеи же, напротив, подняв цены на хлеб и масло, заработали на этом миллионы!

– Есть прямые доказательства? – спросил Клавдий.

– Э-э... – замешкался Паллант. – Прямые доказательства чего? Что они подняли цены? Разумеется! Десятки, сотни свидетельств!..

– Нет, – поморщился Клавдий. – Прямые доказательства того, что слухи о голоде распространяют именно иудеи. О том, что цены повсеместно выросли, я и так знаю. А вот распространение слухов. Кто-то был схвачен? Кто-нибудь понёс заслуженное наказание?

Паллант в замешательстве посмотрел на Наркисса, Секретарь, в свою очередь, повернулся к Лүзию Гёте – исполняющему обязанности префекта Румы.

– Нет, кесарь, – твёрдо сказал тот, – ни среди зачинщиков беспорядков, ни среди нападавших на продуктовые склады иудеев выявлено не было... – он посмотрел на Наркисса. – Следствие, конечно, не ставило перед собой целью найти во всех этих происшествиях именно иудейский след. Возможно, поэтому мы что-то упустили. Но все основные преступники, схваченные по делу о налётах на склады, это либо италийцы, либо сикилийцы. За редким исключением. Отловлена также довольно многочисленная шайка лигурийцев, но это – так, мелочь, щипачи, они, в основном, промышляли грабежом прохожих.

– Ну вот! – Клавдий вновь повернулся к Палланту. – А ты говоришь!..

Тот напустил на себя самый покаянный вид и, виновато разведя руками, поклонился.

Наркисс быстро взглянул на Каллиста. Тот поморщился и еле заметно покачал головой.

– Мне иудеи и самому не сильно нравятся, – продолжал тем временем Клавдий. – Они действительно не чтут наших богов и за одно за это достойны порицания и даже, возможно, наказания. Но в городе из приверженцев иной веры проживают не только иудеи... Да, люди верят в иных богов! Что же, прикажете их всех перевешать за это?!.. – он замолчал на полуслове и, замерев, весь как-то подобрался и напрягся, голова его мелко задрожала, лоб и щёки порозовели.

– Кесарь?.. – двинулся к нему Наркисс, но Клавдий сделал останавливающий жест рукой и ещё какое-то время продолжал стоять неподвижно, всё больше заливаясь краской и вроде как даже не дыша, голова его тряслась всё заметней. Потом он шумно выдохнул и стёр со лба проступившую испарину.

– И всё! И хватит об этом! – раздражённо сказал он и, потоптавшись, снова уселся на кушетку. – Что там ещё?!.. Где Кезон Флорид?! Почему его нет?! Я ведь приказывал ему прибыть с докладом!

– Осмелюсь доложить кесарю, Кезон Флорид вызван на завтра, – с наивозможнейшим почтением напомнил Наркисс. – Сегодня ещё Квинт Барёя Соран с частным прошением и Лукий Отон Титиан с проектом новой налоговой реформы.

– Хорошо, – кивнул Клавдий. – Зовите Сорана.

Но сенатора вызвать не успели. В залу, звеня шпорами, быстро вошёл префект претория Руфрий Криспин – возбуждённый, стремительный; ярко-красный преторианский плащ летел за ним, словно крылья богини Виктории.

– Кесарь!.. – громогласно возвестил он. – Всё готово, кесарь! Когорты построены! Трибуны гипподрома заполнены! Людей – море, и люди продолжают идти! Я выставил две цепи солдат, чтобы предотвратить давку. Августа Агриппина и Нерон уже тоже на месте. Все ждут тебя, кесарь! Пора начинать! – могучая фигура префекта буквально излучала уверенность и мощь; запах кожи и сладковатый запах конского пота – сильные и благородные запахи солдатской доблести и военных походов – влетели в помещение вместе с ним, сразу же грубо потеснив тонкие ароматы дворцовых благовоний.

В присутствии блестящего Руфрия Криспина – могучего красавца с безупречной армейской выправкой и атлетической фигурой – и без того вполне аморфные дворцовые сановники ещё больше съёжились и поникли. Каллист, откровенно побаивающийся прямолинейного и скорого на руку командира преторианской гвардии, так и вовсе незаметно отступил назад, укрывшись за широкой спиной мерно жующего Диадумена.

– Да!.. – вскочив, засуетился Клавдий. – Да, надо ехать! Нехорошо заставлять себя ждать!.. – он двинулся было к выходу, но на полпути замешкался и, остановившись, повернулся к Секретарю. – Следует ли мне переодеться, Наркисс? Может, мне сегодня стоит выехать на гипподром в одеянии триумфатора?

Секретарь, лучезарно улыбаясь, покачал головой.

– Что одежда? Она – лишь скорлупа! Главное – в содержимом! Ты, кесарь, бесподобен в любом обличье! Даже если бы ты въехал на гипподром, одетый лишь в одну нижнюю тунику, это никого бы не ввело в заблуждение – летящая впереди тебя Фэма возвестила бы всем о приближении триумфатора!

Клавдий тупо посмотрел на него, пожевал губу и, так больше ничего и не сказав, вышел из комнаты...

Гипподром ревел.

Десятки тысяч зрителей, заполнивших трибуны, беспрестанно орали, свистели, топали ногами и колотили в принесённые с собой медные тазы, приветствуя своего императора.

Клавдий въехал на гипподром на золочёной колеснице, запряжённой четвёркой великолепных белых идумейских жеребцов, в сопровождении конного отряда преторианцев. При появлении квадриги вся сенаторская трибуна поднялась на ноги, а построенные на поле гипподрома преторианские гвардейцы – шесть усиленных, тысячных, когорт – одновременно вскинули руки в приветственном салюте и оглушительно гаркнули: «Аве кесарь!!!»

Первый день весны выдался солнечным, и гипподром сверкал и переливался яркими сочными красками: блестело золото сигнумов, увенчанных фигуркой крылатой богини Виктории; пурпурным огнём горели ровные шеренги преторианских плащей; ослепительно сверкали тораксы и надраенные до зеркальности шлемы легионеров; холодной снежной белизной светилась сенаторская трибуна.

Квадрига остановилась возле императорской ложи, и Клавдий, сойдя с колесницы, медленно, тяжело ступая, стал подниматься по пологой беломраморной лестнице к своему месту. Руфрий Криспин, выдерживая положенную дистанцию в два шага, следовал за ним. Достигнув верхней площадки, Клавдий остановился и, повернувшись к пёстрой, тысячеглазой, лишь слегка притихшей в ожидании, огромной арене, выдержал подобающую паузу и приветственно поднял

обе руки. И вновь гипподром неистово взревел, и вновь гвардейцы, вскинув правую руку, громогласно грянули: «Аве кесарь!!!»

Клавдий сел на застеленную тигровой шкурой скамью и огляделся. Все были на месте. С правой стороны сидели члены августейшей фамилии: его жена, Агриппина, со своим сыном – юным Нероном, недавно усыновлённым Клавдием; и дети самого императора: старшая дочь, Антония, со своим мужем, неказистым и невзрачным Фаустом Суллой Феликсом; и погодки от предыдущего брака: непоседливый десятилетний Клавдий Британик – в белой, с красной полосой, мальчиковой тоге-претёксте и девятилетняя Октавия – в противоположность брату, спокойная и серьёзная не по годам. Клавдий невольно залюбовался своей женой. Агриппина была сегодня просто неотразима: с высокой, открывающей шею, причёской, украшенной витыми золотыми лентами и в роскошной персиковой стóле, перетянутой под грудью узким – по последней моде – золотым пояском. Жена перехватила его взгляд и, притворно оглянувшись, – не видит ли кто! – послала ему воздушный поцелуй. У Клавдия зарделись щёки. Он тоже зачем-то оглянулся и сейчас же натолкнулся на тяжёлый взгляд Секста Афрания Бурра – трибуна-ангустиклавия и начальника личной охраны Августы Агриппины. Впрочем, Афраний тут же подобрался и учтиво поклонился императору. Клавдий рассеянно кивнул в ответ.

По левую руку от кесаря восседали высшие магистраты и лица, приближённые к императору: Руфрий Криспин, консул Сервий Сильвидиён Орфит; суффекты Лукий Гай Карминий и Тит Флавий Веспасиан. Тут же, положив иссохшие руки на посох, дремал Лукий Волузий Сатурнин – старейший сенатор: согбенный, плохо слышащий, вечно дремлющий, но всё ещё формально – из уважения к возрасту и заслугам – являющийся префектом Румы. Лукий Гета, по факту исполняющий его обязанности, сидел с ним рядом. Из-за плеча Геты выглядывал друг детства, верный и надёжный, но всегда как будто чем-то напуганный Лукий Вителлий. Далее располагались кензоры, главы коллегий, советники. За ними сидели понтифики, авгуры и декемвиры, ещё дальше – представители прочих жреческих коллегий. За спиной Клавдия, как всегда, неизменной тенью присутствовал Наркисс.

– Можно начинать, кесарь? – еле слышно прошелестел он над ухом.

– Да-да, конечно!.. Начинайте!.. Да! – закивал Клавдий.

Наркисс подал знак, и тотчас над гипподромом взвился и поплыл басовитый вибрирующий звук: шесть стоящих у подножья императорской ложи трубачей-тубикенов – по числу выстроенных на поле преторианских когорт – подали сигнал к началу праздника. Трибуны радостно взревели, а когда крики и грохот стали стихать, справа, от главного входа, возник и стал приближаться ритмичный стук, сопровождавшийся громким, но нестройным пением. Двенадцать жрецов-салиев, одетых в короткие пурпурные туники и старинные боевые доспехи, двигались по полю гипподрома вдоль главной трибуны, пританцовывая и нещадно колотя копьями в овальные щиты-анкйлы...

По преданию, один из этих щитов когда-то принадлежал самому богу Марсу, но был подарен Громовержцем Юпитером легендарному романскому царю Нуме Помпилию как оберег для Города. Дабы подлинный щит нельзя было отличить и украсть, хитроумный Нума распорядился сделать одиннадцать точных копий оберега, после чего отдал все щиты на хранение жрецам-салиям. И теперь раз в год, на мартовские календы, салии торжественно проносили щиты по городу, как подтверждение благосклонности богов и гарантию безопасности и процветания Румы...

Салии двигались вприпрыжку, взрывая босыми ногами красноватую пыль гипподрома, дружно ударяя копьями в обтянутые кожей щиты. Звук получался сухой, дробный, как если бы на мембрану огромного тимпана кто-то мерно и ритмично швырял пригоршнями горох. И сообразуясь с этим ритмом, салии пели, а точнее – истошно выкрикивали слова древнего гимна, славящего воинственного Марса. Слов было не разобрать. За сотни и сотни лет, в течение которых этот гимн передавался из уст в уста многими поколениями жрецов, слова стёрлись, переродились, они уже давно были непонятны и самим салиям, что, разумеется, лишь подчёркивало древность самого гимна и магический смысл всего, творимого босоногими жрецами, обряда.

– Са-ду!!! Са-ду!!! А-рес!!! А-рес!!! Го-то-фа-рес!!! Су!!! Су!!! Су!!! – вскрикивали салии, и весь гипподром, вовлечённый в ритм древнего заклинания, притопывая, подхватывал: «СУ!!!.. СУ!!!..»

Вслед за цепочкой жрецов двигались четверо служек в длинных пурпурных плащах. На копье, которое несли на плечах двое из них, висела золочёная клетка с крупным пёстрым дятлом.

Двое других вели между собой на растяжке здорового матёрого волка. Дятел, видимо, напуганный шумом, вёл себя крайне беспокойно: метался по клетке, хлопал крыльями, бился о тонкие золочёные прутья – белые и чёрные перья, кружась, летели следом. Волк, наоборот, казался абсолютно равнодушным. Не обращая никакого внимания на грохот и рёв трибун, он шёл, широко расставляя передние лапы, поводя из стороны в сторону низко опущенной узкомордой головой. Лишь уши его, настороженно двигающиеся из стороны в сторону, выдавали беспокойство хищника.

– А-рес!!.. А-рес!!.. Мон-го-фа-рес!!..

– СУ!!!.. СУ!!!.. СУ!!!..

Волна криков, грохота и звона катилась по трибунам вслед за двигающейся по гипподрому процессией.

Салии прошли вдоль всей главной трибуны и остановились в дальнем конце арены, где в ожидании заездов топтались возле своих беговых колесниц многочисленные возницы – в туниках под цвет своих гипподромных партий: «белые», «красные», «синие» и «зелёные».

Тем временем снова басовито прогудели трубы, и со своего места поднялся Сервий Орфит. Консул вскинул руку, и шум на трибунах стал понемногу стихать. Дождавшись относительной тишины, Сервий Орфит заговорил. Его мощный голос покотился над ареной, подавляя гомон и гася последние запоздалые выкрики.

– Приветствую вас, добрые граждане Румы! Приветствую вас, квири́ты! Милостью богов поставленных во главе мира! Рождённых для того, чтоб деяниями своими преумножать созданное доблестью наших достославных предков! В тяжелейших сражениях отстоявших свою свободу и свои домашние очаги! Вырвавших в битвах священное право подчиняться не тиранам и деспотам, но одним лишь всенародно принятым законам! Слава вам, граждане великой Румы!!..

– А-а-а!!!.. О-о-о!!!.. У-у-у!!!.. – в тысячи и тысячи глоток заорал гипподром.

Консул вновь вскинул руку.

– Квири́ты!!.. Сегодня мы открываем праздники, посвящённые родоначальнику и покровителю Города Отцу Марсу! Праздники продлятся двадцать пять дней! Во все эти дни на всех аренах города вы увидите представления! Бои гладиаторов! Гонки колесниц!.. И я также рад сообщить вам!.. Я рад сообщить вам, что на все эти дни! Сенат и кесарь!.. – консул сделал паузу. – Удваивают норму отпуска зерна и масла гражданам Румы!!

– А-а-а!!!.. – оглушительно взревели трибуны; крики, грохот и звон ударили в уши, взлетели вверх и, как похлёбка из закипевшего котла, хлынули через стены гипподрома на Марсово поле, потекли по заполненным людьми прилегающим улицам в город.

– Квири́ты!!.. Квири́ты!!.. – безуспешно пытался обуздать ликующее человеческое море Орфит. Наконец шум немного утих. – Квири́ты!! – продолжил консул. – Я рад! Я рад и горд известить вас ещё об одном событии!.. Сегодня! В день мартовских календ! В соответствии с традициями и законами Города! Наш кесарь! Досточтимый Тиберий Клавдий Август! Дарует своему сыну и наследнику! Нерону Клавдию Кесарю Друзу Германику!.. Тогу совершеннолетия!..

– А-а-а!!!..

Бледный от волнения и гордости Нерон поднялся со своего места. Консулу передали свёрнутую тогу, и он, неся её на вытянутых руках, двинулся навстречу кесаревичу. Они сошлись посередине ложи – как раз напротив скамьи, на которой сидел Клавдий. Орфит развернул белоснежную тогу и некоторое время, позволяя публике насладиться зрелищем, подержал её перед собой, после чего коротким взмахом накинул тогу на плечи юноши, прямо на скрывавший его полную фигуру синий шерстяной плащ. Гипподром выдохнул и вновь вскипел шумом и криками. Сервий Орфит поднял руку.

– Квири́ты!!.. Граждане Города!.. Сегодня! Досточтимый кесарь Клавдий! Своим высочайшим эдиктом! Назначил своего сына и наследника! Нерона Клавдия Кесаря Друза Германика!.. Главой молодёжи!..

– О-о-о!!!.. – откликнулись трибуны.

– А теперь!!.. – голос Орфита гремел и рокотал над ареной. – А теперь! Своё слово вам скажет новый гражданин великой Румы! Любимый нами всеми! Нерон Клавдий Кесарь Друз Германик!..

– А-а-а!!!..

Нерон, лицо которого теперь пунцовело, словно преторианский плащ, закинул на плечо край тоги и поднял пухлую безмускульную руку. Гипподром притих.

– Граждане великой Ромы! Квириты!.. – начал кесаревич, стараясь подражать торжественным интонациям консула. – Я рад! Я рад и горд, что именно сегодня! В день начала мартовских Ферий! Я получил тогу совершеннолетия!.. – голос у Нерона был слабый и сиплый, его явно было плохо слышно на дальней трибуне, и оттуда потянулся разрозненный недовольный ропот. Кесаревич напрягся, на полной шее его проступили жилы. – Граждане Ромы!.. Я благодарен за это моему отцу!! Тиберию Юлию Клавдию Кесарю Августу!.. – Нерон обернулся и неловко поклонился Клавдию. – Я благодарен Сенату!.. – он поклонился в сторону сенаторской трибуны. – Я с гордостью и благодарностью принимаю должность Главы молодёжи!.. И в честь своего совершеннолетия!.. В честь моего назначения!.. Я дарю всем гражданам Ромы!.. – он набрал воздуха в грудь. – По модию пшеничного зерна!..

– А-а-а!!! О-го-го!!!.. – оглушительно отозвался гипподром.

Нерон продолжал ещё что-то кричать, но слабый голос его потонул в рёве трибун, как глупый неосторожный щенок – в пенном прибое.

Тогда вперёд вновь шагнул Сервий Орфит.

– Граждане!.. Квириты!.. – мощный голос консула заставил трибуны притихнуть. – Кроме сказанного!.. Кроме сказанного!! Благородный Нерон Кесарь дарует щедрый донатив преторианским когортам!.. Солдаты!! Сегодня до захода солнца!! Каждый из вас получит!! По тысяче сестерциев!!

– О-о-о!!!.. – завистливо прокатилось по трибунам.

Стоящие во главе подразделений кентурионы резко подняли и опустили свои копья.

– Аве кесарь!!! – рывкнули когорты.

Консул вновь поднял руку.

– А теперь!.. Во славу Пламенного Марса!.. Во славу Вечной и Великой Ромы!.. Согласно древним заветам!.. Новый гражданин Города!! Сын и законный наследник кесаря!! Нерон Клавдий Кесарь Друз Германик!.. Совершит вместе с преторианской гвардией!! Традиционный бег с оружием!!

– А-а-а!!!..

Нерон торопливо и даже несколько суетно сбросил с плеч вручённую ему тогу, снял плащ и оказался под ним в облегчённой форме преторианского гвардейца. Сразу стало заметно, что полноватая фигура его опирается на слабые тонкие ноги.

В сопровождении префекта претория Нерон спустился с трибуны. Внизу их ждали оруженосцы. Руфрий Криспин оглядел неказистую фигуру кесаревича и, вопросительно взглянув на императорскую ложу, показал раскрытую левую ладонь и оттопыренные большой и указательный палец на правой.

– Щит, копье и меч? – склонившись к уху Клавдия, спросил Наркисс.

Кесарь сидел, напряжённо подавшись вперёд, он явно тужился, и голова его мелко подрагивала.

– А?! – испуганно оглянулся он; бисеринки пота блестели на его выпуклом лбу. – Что?!.. Что тебе?!

– Руфрий спрашивает, – терпеливо повторил Наркисс, – Нерону бежать с полной выкладкой – со щитом, мечом и копьем? Или как?

– Нет! Нет! – затряс щеками Клавдий. – Щит! Только щит! Мальчику и так будет тяжело!

– Да, кесарь! Конечно!

Секретарь распрямился и, покачав головой, показал префекту претория открытую ладонь. Тот кивнул и, взяв у оруженосца ярко-красный преторианский щит-скутум, вручил его Нерону. После чего, широко шагая, повёл кесаревича влево – к шеренгам первой когорты, где стоял весь командный состав легиона и где над львиной шкурой, покрывающей шлем аквиліфера, хищно расправив крылья, гордо парил золотой легионный орёл.

Гипподром в предвкушении зрелища загудел.

Префект претория и кесаревич заняли место на правом фланге первой когорты.

В третий раз громогласно пропели трубы. Им тонко и гнусаво ответили рожки манипулов, и сейчас же весь шеститысячный строй ожил, пришёл в движение. Когорты, стоящие в парадном восьмишереножном строю, повернулись направо и, повинувшись командам кентурионов, перешли на бег. Первая когорта, во главе которой бежал в сопровождении Руфрия Криспина кесаревич,

развернувшись в конце арены, двигалась теперь вдоль главной трибуны по направлению к главному входу гипподрома. Клавдий встал. За ним поднялись сенаторы и вся трибуна почётных гостей. А остальные трибуны и так уже давно были на ногах, криками, топотом и звоном поддерживая бегущих преторианцев.

Нерон бежал, неловко перекосившись на правый бок, высоко задирая левую руку с большим преторианским щитом и сильно размахивая далеко отставленной правой. И на фоне бегущих следом рослых легионеров отчётливо стало видно, кем на самом деле является наследник кесаря и новоиспечённый Глава романской молодёжи, – неуклюжим тонконогим мальчишкой тринадцати с небольшим лет.

Первые ряды легионеров поравнялись с императорской ложей. Клавдий приветственно поднял руку.

И в этот момент Нерон вдруг споткнулся и, выронив щит, тяжело грохнулся на землю. Клавдий ахнул. Бегущие следом солдаты сбились с ноги. Некоторые тоже упали, увлекая за собой окружающих. Клавдий почувствовал, как зыбко закачалась и стала уходить из-под ног трибуна. Он потерял равновесие и повалился спиной на скамью, но сейчас же снова вскочил, с изумлением и ужасом озираясь. Он увидел, как разорвался, расползся, словно ветхий пурпурный холст, ровный строй преторианских когорт, как нелепыми белыми куклами посыпались со своей трибуны сенаторы, как покачнулся и накренился, пикируя в пыль, золотой легионный орёл. В двух шагах от него, растеряв всю свою надменную красоту, пронзительно визжала, схватившись за виски, бледная до синевы Агриппина. И почему-то на четвереньках, оттопырив толстый зад, полз вниз по лестнице необъятный Диадумен. И уже бежали по арене высыпавшие с трибун, насмерть перепуганные зрители. И летела по полю, сшибая и давя людей, потерявшая возницу, обезумевшая квадрига...

– Вниз, кесарь!! Вниз!! – орал у него над ухом Наркисс и тянул, тянул его за руку, заставляя идти за собой.

– А?! Что?! Что это?!.. – ухватился за него Клавдий. – Зачем они?!.. Куда все?!..

– Быстрее!! Быстрее, кесарь!! – тащил его Наркисс, больно ухватив за запястье. – Вниз!! Надо уходить вниз!! С трибуны!!.. Скорее с трибуны, кесарь!!.. Землетрясение!!..

Толчки продолжались недолго, не более четверти часа, и в дальнейшем, в течение всего дня, подземная стихия больше не давала о себе знать, но Клавдий, опасаясь новых ударов землетрясения, наотрез отказался ехать во дворец и приказал перенести вечернее совещание к себе домой – в свою старую виллу на Казэйлийском холме.

Собрались в небольшом, но уютном перистиле, расставив кругом скамьи и кресла. Клавдий, утомлённый дневными переживаниями, лежал на кушетке, обложившись подушками и натянув до подбородка толстое шерстяное одеяло. Остальные расселись вокруг. Чуть поодаль хлопотали слуги, устанавливая ложа и сервируя столы – кесарь приказал накрывать обед не в столовой, а тоже здесь, в перистиле, под открытым небом. От кухни вкусно тянуло чесночным соусом и жареным мясом, и члены совета нет-нет да и поглядывали в нетерпении в сторону приготовляемой трапезы.

Докладывал Лукий Гета.

Картина бедствия вырисовывалась, в общем-то, не особо страшной: во всём городе было разрушено не более десятка домов – в основном, ветхих инсул. Непосредственно под рухнувшими строениями было погребено, от силы, пара сотен человек. Но общий счёт погибших исчислялся многими тысячами – огромное количество людей было задавлено, затоптано насмерть во время охватившей город паники. Только с гипподрома и с прилегающих к нему улиц было вывезено больше трёх тысяч трупов. Вспыхнувшие пожары тоже внесли свою лепту в этот скорбный список. Сгорело, в общей сложности, порядка двадцати домов. В четырнадцатом округе, на Яникуле, выгорел целый квартал...

Клавдий слушал, опустив веки, но сегодня, в отличие от многих других подобных совещаний, он явно не дремал – ноги его ёрзали под одеялом, на напряжённом лице то и дело мелькала гримаса неудовольствия.

– Э-э... – в очередной раз поморщившись, открыл глаза Клавдий. – Я не понял. Пожары-то откуда? – голос у него был скрипучий, недовольный; на лице явно читалось раздражение. – Дома рухнули, это я понимаю. Землетрясение всё-таки... Теперь паника. Люди погибли. Это тоже ясно. Но почему так много пожаров?!

– Поджоги, кесарь, – пояснил городской префект. – Большая часть пожаров произошла от поджогов. Это, может быть, покажется странным, но случившееся в городе несчастье не остановило распри между иудейскими общинами, а, наоборот, лишь усилило их. Иудеи жгут дома друг у друга. Соответственно, страдают и невинные, живущие рядом.

– Это возмутительно! – тут же подскочил на своём кресле Наркисс. – Кесарь! Это уже переходит всяческие границы! Мало того, что эти варвары в час посланных Городу испытаний не участвуют в спасении гибнущих и в помощи нуждающимся! Они, как ни в чём не бывало, продолжают заниматься своими внутренними склоками и дрязгами!

– Вот увидите, – подал голос Диадумен, – склоки склоками, а иудеи завтра же снова задерут цены в своих лавках. Особенно на масло и хлеб! Для этого им никакие склоки не помеха!

– Иудеи УЖЕ повысили цены, – сухо заметил Лукий Гета. – Погребальные конторы, которые почти все принадлежат иудеям, УЖЕ подняли цены на все свои товары и услуги. На некоторые – в несколько раз. Особенно сильно подорожали погребальные носилки и венки.

– Это неслыханно! – возмутился Паллант. – Это просто неслыханно!

– Мало того, что они нам жить нормально не дают, они нам и умереть не дают по-человечески! – двинул себя кулаком по колену Наркисс.

– Дрожать людям, дрожать стенам и дрожать земле! – заунывным голосом сейчас же завёл Каллист. – И рекам кровавым течь и впадать в горькие моря слёз, людьми выплаканными! И трону кесаря тоже дрожать! Дрожать и шататься!..

– Ну, всё-всё-всё!.. – беспокойно заёрзал на кушетке Клавдий. – Опять запричитал!.. – он приподнялся на локте и повернулся к Сервию Орфиту. – А ты что скажешь?

Консул встал.

– Я, кесарь, считаю, что иудеев в городе действительно стало много. Слишком много. Много настолько, что это уже становится реальной угрозой для безопасности Румы. Я сейчас намеренно не касаюсь вопросов веры – пусть на этот счёт своё мнение выскажут жреческие коллегии. Я лишь затрону ту сторону вопроса, которая касается непосредственно меня. Практическую сторону... Ну хорошо!.. – он схватил себя за нос и принялся тереть его пальцами, задумчиво скосив глаза к переносице. – Ну хорошо! Смотрите! Вот сегодня у них появился какой-то Хрест, из-за которого они принялись напропалую резать и жечь друг друга. Так?.. А кто нам даст гарантию, что завтра не объявится какой-нибудь другой Хрест?! Который призовет резать и жечь уже нас – как они говорят, грязных язычников!.. Вы можете дать такую гарантию?! – он поочередно оглядел всех присутствующих. – И я её дать не могу!.. Так что надо что-то решать, кесарь. И решать сейчас. Не медля. Решать, пока ещё не поздно. Пока, как сказал наш высокочтимый глава Коллегии наук и юстиции, – он усмехнулся, – кровавые потоки не побежали мимо... э-э... дрожащих стен в солёные моря.

– Да! – решительно сказал Клавдий. – Да! Именно! Я с тобой полностью согласен, почтенный Сервий! Нужно действовать! И действовать без промедления!.. – он отбросил одеяло и, сев на кушетку, призывно помахал рукой. – Наркисс!..

Секретарь был тут как тут. Рядом с ним, как из-под земли, вырос канцелярский столик, за которым уже сидел писарь, с занесённым над папирусом пером.

Клавдий одобрительно кивнул и некоторое время помолчав, собираясь с мыслями, принялся диктовать:

– Тиберий Кесарь Клавдий Август говорит: волею бессмертных богов, пославших многие и многие знаки и в безмерном гневе своём всколыхнувших в итоге землю, а также исходя из соображений... Нет-нет, «исходя из соображений» зачеркни!.. Э-э... А также сообразуясь с настоятельной необходимостью, дабы... э-э... необходимостью пресечь оскудение веры и повсеместное падение нравов, следует незамедлительно принять исчерпывающие меры к полному и безоговорочному восстановлению порядка и... э-э... пресечению любых бесчинств и беззаконий, – голос его постепенно окреп. – Я полагаю, что я наилучшим и наиболее благочестивым образом удовлетворю величие богов, если я всем иноверцам, и в первую очередь иудеям, в последние дни запятнавшим себя многочисленными бесчинствами и нарушением установленных законов, повелю незамедлительно, в срок... э-э... скажем, один месяц... – он неуверенно оглядел членов совета. – Да?.. – (Наркисс усиленно закивал). – В течение одного месяца покинуть город...

– Подальше, подальше их, кесарь! – замахал руками Паллант, как будто собственноручно забрасывая иудеев куда-то за городскую стену.

Клавдий кивнул.

- Повелю им покинуть город без права поселения где-либо, кроме как за пределами Италии...
- И насчёт имущества, кесарь! – подал голос Диадумен. – Их имущество необходимо изъять!

В пользу города!

Лукий Гета беспокоило заёрзал.

– Э-э... Я сомневаюсь, что это будет вполне законно...

– А дома жечь – это законно?! – сейчас же напустился на претора Наркисс. – А наживаться на хоронящих своих родственников, обдирать до нитки этих несчастных, и так потерявших почти всё, – это, скажешь, тоже законно?!

– А брать в залог имущество, дом, а потом отдавать деньгами в полцены! – неожиданно взвился всегда, по обыкновению, молчащий на совещаниях Полибий – глава Коллегии Августалов. – Это, объясните мне, законно?! Я и просрочил-то платёж всего на несколько дней! А эта сволочь!.. – он скрипнул зубами и опять замолчал.

– Наболело у человека! – сочувственно шепнул на ухо Диадумену Паллант.

– А кто его так? – заинтересованно склонил голову к собеседнику глава Коллегии подношений.

– А ты не знаешь?! – удивился Паллант. – Барух-ростовщик с Аргилетума. Этот прохиндей многих по миру пустил...

– Законы Роны писаны для граждан Роны! – зло глядя на городского префекта, громко и отчётливо проговорил Каллист – оказывается, он умел не только камлать. – Иудеи не чтут наших богов. С какой стати мы должны распространять на них наши законы?!

Лукий Гета, смятый таким напором своих оппонентов, только отмахнулся обеими руками, мол, делайте, что хотите, я на всё согласен.

– Надо, кесарь, действительно, насчёт имущества распорядится, – озабоченно заметил Наркисс. – А то ведь, если по закону не прибрать, растащат всё, разграбят, концов не найдёшь. Народ-то нынче бедовый!

– Э-э... Да... Да. Сейчас, – Клавдий задумчиво потёр переносицу. – Э-э... Я полагаю... – он подал знак писарю – давай, мол, фиксируй. – Я также полагаю, что для покрытия ущерба, причинённого бесчинствами иудеев городу и отдельным гражданам... э-э... а также для щедрого принесения даров всемогущим богам, следует обратить всё недвижимое имущество, принадлежащее выселяемым иудеям лично, а равно их общинам, в пользу городской казны. С сегодняшнего дня запрещаются любые сделки – купли, продажи, обмена либо дарения – с недвижимым имуществом, принадлежащим выселяемым иудеям и их общинам. Все залоговые договора, а равно долговые расписки, подписанные иудеями с гражданами города, признаются недействительными. Надзор за исполнением настоящего эдикта возлагаю...

Клавдий вдруг замолчал и напрягся. Взгляд его остекленел, щёки задрожали. Громкий и протяжный звук испускаемых ветров огласил перистиль. На широком одутловатом лице кесаря проступило блаженство...

Императору Нерону Клавдию Кесарю Августу Германику от Агриппы Марка низкий поклон и пожелания здравствовать! Царствуй на радость нам, Солнцеподобный! Да пребудут с тобой боги и в трудах твоих, и в походах!

Спешу поздравить тебя, Богоизбранный! Птицы на крыльях принесли нам сюда из Ахайи радостную весть о том, что ты стал победителем Истмийских игр! Таким образом, ты присоединил к своим, справедливо заслуженным ранее, оливковому, лавровому и сельдерейному венкам ещё один ценнейший венок – на этот раз сосновый, став первым и единственным с начала времён победителем Большого Обхода! Те же птицы поведали нам, что тебе не было равных ни в одном из состязаний, и что с тобой в пении мог бы посоперничать разве что сам сладкозвучный Орфей, а твоей игре на кифаре завидует даже Феб! Скорблю без меры, что за печальными событиями, в последние дни отяготившими нас, не мог, добравшись до Ахайи, насладиться бесподобным зрелищем и воочию лицезреть твой триумф, не мог, увы, присоединить свой голос к тысячам и тысячам других голосов, славящих величайшего и талантливейшего из правителей!

Спешу также сообщить тебе, любимец богов, добрую весть! В кои-то веки хорошие вести стали исходить и от нас! Аккурат на неронейские иды прибыл сюда, в Птолемаиду, Пятнадцатый «Аполлонов» легион. Тит Флавий Веспасиан может гордиться своим сыном. Веспасиан-младший, проявив завидное упорство и умение, сумел меньше чем за месяц перебросить вверенное ему войско из Александрии в Финикию. Теперь здесь, в Птолемаиде, собрана мощная шестидесятитысячная армия, и уже через несколько дней Тит выступает с ней к Иотапате. Там, согласно донесениям, сейчас находится бóльшая часть мятежников во главе с одним из главных предводителей бунтовщиков, неким Иосефом Хиеросолимским. Тит предполагает одним мощным ударом разбить основные силы восставших, захватить Иотапату и обезглавить верхушку мятежников, приведя тем самым противника в трепет и принудив к прекращению сопротивления остальные их гарнизоны, укрепившиеся в Хиеросолиме, Тиберии, Гамале и прочих городах. Да поможет ему Всеблагой Юпитер Освободитель!

Великий Кесарь! Ты в своём послании требуешь от меня 20 000 000 сестерциев на постройку Коринфского канала. Боюсь разгневать тебя, Светлейший, но сумма эта для меня непосильна. Во всей Палестине таких денег сейчас нет. Страна разорена. Храмовая сокровищница в руках бунтовщиков. Огромное войско требует ежедневных и значительных расходов. Посылаю тебе в Ахайю половину указанной тобой суммы. Это всё, что удалось с большим трудом насобирать по городам, не захваченным мятежниками. Однако, Величайший, я могу сообщить тебе, где ты сможешь без труда взять сумму в два раза большую указанной.

Недавно я получил достоверные сведения о сокровищах моего незабвенного отца, да пребудет с ним мир! Как мне стало известно, перед самой своей безвременной кончиной он отправил из Кесарии в Рому в качестве подарка Кесарю Клавдию порядка 150 талантов золота. Но корабль, который вёз это золото, претерпев многие лишения, до Румы так и не добрался. Долгие годы считалось, что он погиб. Однако недавно я получил известие, что золото моего отца всё-таки достигло Италии. Оказывается, его присвоил себе некто Симон Саксум, отставной прим, которого мой доверчивый отец нанял для охраны ценного груза и который коварством и подлостью, убив сопровождающего золото царского советника и многих других людей, завладел сокровищем. Этот Симон Саксум, именуемый также на греческий лад Петросом Проповедником, проживает ныне в окрестностях Неронополиса – где-то возле Ватиканского холма. Говорят, этот негодяй, бессовестно умыкнувший чужое богатство и отнявший ради этого немало жизней, купается ныне в роскоши и, кроме того, является ещё и главой тайной секты так называемых христиан, которые, как ты помнишь, без малого три года тому назад, исходя лютой злобой к роду человеческому, подожгли Город, и которых ты, Справедливейший, повелел тогда уничтожить, равно бешеных крыс. Однако, как видишь, зараза ещё до конца не истреблена. Более того, источник заразы жив и продолжает сеять скверну.

Сведения, которые я тебе сообщаю, заслуживают всяческого доверия, поскольку получены мною от уважаемого и правдивого человека, ныне, увы, покойного – бывшего Первосвященника хиеросалимского Храма. Поскольку золото было отправлено царём Агриппой Великим в подарок Кесарю Клавдию, ты, Солнцеподобный, как законный наследник своего отца, являешься ныне полноправным владельцем этого сокровища. Полагаю, тебе, Любимец Юпитера, не составит труда разыскать этого пресловутого Симона-Петроса и, предав его законному и праведному суду, вернуть себе похищенное. Ещё раз прошу, не гневайся на меня, ибо я, преклоняясь пред твоим величием и являясь пылким почитателем твоих талантов, не могу в точности выполнить твоё приказание, но делаю всё, зависящее от моих слабых сил.

Ещё и ещё раз желаю тебе здравствовать и тщу себя надеждой, что в скором времени смогу порадовать тебя, Венценосный, добрыми вестями из Палестины.

Скол последний
Италия. Неронополис (Рома)
DCCCXX ab U. c., Claudius (Maius)-Germanicus (Junius)

1

Дорога была узкая, но ровная и укатанная. И почему-то совсем не пыльная. Она привольно разбегалась по выжженной солнцем, покрытой сухой рыжей травой, равнине и, обогнув по пологой дуге неприятную, сплошь заросшую чёрным колючим кустарником, низину, упрямым крутым серпантинном начинала карабкаться в гору. Там, наверху, был лес – рыхлая прохладная тёмно-зелёная губка, мягко обволакивающая пологие вершины. Ещё выше было небо – очень высокое, просторное, с широкими небрежными мазками кисейных облаков: белёсое на бледно-голубом.

Петрос безнадежно отстал. Ему ещё оставалось не менее двух стадиев до чёрной колючей низины, а четыре белые фигурки уже подходили к середине подъёма. Четыре фигурки: одна повыше, женская, стройная – Сати; и три маленькие детские – дочери.

– Сати!.. – крикнул Петрос.

Было далеко. Слишком далеко, чтобы быть услышанным. Но Сати остановилась и, повернувшись, знакомым жестом приложила ладонь ко лбу. Низкое солнце, висевшее у Петроса за спиной, наверняка мешало ей, но она всё-таки разглядела одинокого путника на дороге и помахала рукой. И девочки, обступив мать, тоже принялись махать руками, а потом побежали к нему, но не обратно по дороге, а напрямую, вниз, прямо по склону. Там были осыпи, и большие острые камни, стронутые с места неосторожными детскими ногами, сейчас же проснулись, зашевелились и податливо потекли вниз: сперва медленно, плавно, а потом всё быстрее, разгоняясь, подпрыгивая, ударяясь друг об друга и будя поначалу шуршащее, а затем громкое, грубо погромыживающее горное эхо.

– Нет!!.. – крикнул Петрос. – Назад!! Не надо!!.. Сати!! Там опасно!! Назад!!..

Но было поздно. Сати, бросившаяся вслед за детьми, тут же угодила прямо в центр обвала и, сбита с ног, покатила вниз по склону. И дети – белыми беспомощными комочками – тоже катились вниз, то появляясь на поверхности гремящей каменной реки, то совсем пропадая в её волнах.

– Сати!!!.. – изо всех сил закричал Петрос и, преодолевая ватную слабость в ногах, побежал вперёд, всё уже понимая, но всё ещё надеясь на что-то – быть может, на чудо. Бежать было мучительно трудно. Горячий воздух был упруг, и сквозь него приходилось буквально проталкиваться. И он никак не хотел проходить сквозь горло. Его надо было глотать. Как горячую вязкую кашу. Как кипятки. Лёгкие горели и, вспухая, раздирали грудь. Длинная чёрная тень, уходя из-под ног, извивалась и бессильно корчилась впереди – на медленно, невыносимо медленно ползущей навстречу дороге. Откуда-то появилась пыль – мелкая, красноватая, пахнущая окалиной. Она тут же забила рот, и дышать вовсе стало нечем. А беспомощные белые комочки всё катились по склону вниз, то выныривая, то пропадая в быстром текучем потоке, и в них уже не угадывалось ничего живого – это были просто маленькие белые камушки посреди огромных громыжающих чёрных камней..

Петрос всхлипнул, дёрнулся и открыл глаза. Было темно. Сердце бухало и сильно толкалось в рёбра. В горле першило. Во рту было сухо и полынно горько, и присутствовал ещё какой-то неприятный металлический привкус. Петрос опустил ноги с кровати и сел. Он был весь мокрый от пота.

Снова глухо и раскатисто пророкотало – где-то там, снаружи, далеко, ворочался в облачных перинах сердитый гром. Там уже был день. Или, точнее, утро. Оно угадывалось по светлому контуру, который обрамлял плотную занавесь, закрывавшую дверной проём.

Петрос протянул руку, взял со столика кувшин и стал пить – жадно, гулко глотая, проливая степлившуюся воду на грудь. Вода тут же проступала потом на боках и лице. Ладони тоже стали влажными, и, ставя кувшин обратно на стол, он чуть не выронил его.

Он ещё немного посидел, приходя в себя, слушая, как постепенно замедляется сердце и как опадает, съёживается ночной кошмар, как он отступает, разжижается, блекнет и медленно и неохотно заползает туда, где он всегда прячется днём, где он давным-давно (кажется, что уже целую вечность, а на самом-то деле – всего чуть больше года) живёт и где ему самое место – в ледяную чёрную расщелину в самом центре груди.

Наконец пульс немного успокоился, затих.

– Мэлех!.. – позвал Петрос.

Занавеска сейчас же отдёрнулась и в кубикуну заглянула взъерошенная голова.

– Да, господин!

– Умыться.

Пока он плескался в микве, смывая с себя липкий пот и страхи душевной ночи, пока полоскал рот лимонной водой и облачался в чистое, Мэлех неспешно повествовал ему о последних городских событиях, пересказывал свежие слухи и ещё горячие – только что с пылу, с жару – сплетни, принесённые в дом вернувшимися с рынка рабами.

Новость, собственно, была одна. Но зато какая! Вчера в Рому из Ахайи возвратился кесарь Нерон. Да-да, разумеется, не в Рому, а в Неронополис! Именно так с недавних пор полагалось именовать Вечный Город. Нерон вернулся в Неронополис!

Триумфальное возвращение принцепса вылилось в настоящий всенародный праздник. Улицы были сплошь увешаны цветочными гирляндами и дымились благовониями. Для проезда колесницы кесаря была специально разобрана часть городской стены близ Капенских ворот – кто-то нашептал императору, что именно так должны въезжать в город истинные триумфаторы. Впереди колесницы шли специальные люди, которые несли венки и прикрепленные к копыям таблички с названиями игр и соревнований, в коих в качестве певца, кифареда либо возникшего гоночной колесницы одержал победы в Ахайе талантливейший из правителей. Венков было очень много, чуть ли не две тысячи, и колонна с ними растянулась почти на стадий...

– Так он что, получается, чуть ли не по десять состязаний в день там выигрывал, так что ли? – быстро подсчитал Петрос.

Мэлех значительно приподнял седые брови.

– Хвала богам, кесарь Нерон одарён талантами как никто из смертных. Он бы, вероятно, смог выигрывать и по двадцать состязаний в день. Весь вопрос – выдержали бы подобное испытание судьбы и зрители?

Петрос с удовольствием посмотрел на своего старого слугу. Мэлех был дряхл, согбен, он уже почти ослеп, и у него сильно тряслись руки, но ум его оставался светел и чувство юмора не покидало его. Петрос вдруг с удивлением подумал, что и ему самому в этом году исполнится семьдесят. Господи, что же это делается?! Как летит время!..

Вслед за венками ехал и их счастливый обладатель – в золочёной колеснице, в которую были впряжены шестнадцать великолепных идумейских жеребцов. А про саму колесницу говорят, что это та самая, на которой когда-то въехал в Рому сам Божественный Август после своего триумфального возвращения из Египта. Следом шли пешие преторианцы: первая когорта – с легионным орлом и при всём параде. Далее следовали жрецы, сенаторы, всадники, а за ними – прочие граждане, возжелавшие пригубить чужой славы, вследствие чего и примкнувшие к процессии.

Зрители стояли сплошной стеной, начиная чуть ли не от виллы Сенеки, и до самого Большого Цирка. Под ноги идумейским жеребцам летели цветы. Оглушительные крики приветствия и здравицы в честь императора не умолкали ни на миг. Народ славил своего кесаря. Но громче всего крики разносились от колонны, в которой шли сенаторы...

– Даже так?! – усмехнулся Петрос. – И что же они кричали?

– Здравницы, господин, – отозвался Мэлех и своим дребезжающим старческим голосом, сам себе дирижируя трясущимися руками, попытался изобразить дружный хор сенаторов: – Здравствуй, олимпийский победитель! Здравствуй, пифийский победитель! Здравствуй, Нерон, наш Геркулес! Здравствуй, Нерон, наш Аполлон! О, Божественный Голос! Благословенны те, кто слышал тебя! Август! Август!..

Петрос улыбнулся и похлопал в ладоши.

– Верю! Верю! У тебя неплохо получается. Может, тебе, понимаешь, записаться в сенаторы? А? Что скажешь, Мэлех?

Старый слуга неумело раскланялся.

– Стар я, господин, для сенаторства. К тому же, говорят, там надо уметь метко лизать августейший зад. А у меня зрение уже не то. Боюсь промахнуться.

Петрос рассмеялся.

– Ну-ну... И что же дальше? Куда двинулся потом наш венценосный Нерон-Аполлон?..

Торжественная процессия проследовала через Большой Цирк и Форум, поднялась на Капитолий, а оттуда двинулась к Новому Дворцу, где прямо на берегах искусственного водоёма уже были накрыты многочисленные столы. Пиршество получилось грандиозным. Перемены блюд следовали одна за другой, лучшие италийские вина лились ручьями и реками, а прислуживали за столами, говорят, не, как обычно, рабы, а обнажённые проститутки и танцовщицы.

– Их вчера в Золотой Дворец со всего города свозили, – не то осуждающе, не то завистливо качая головой, поведал Мэлех.

Пир продолжался всю ночь. Всю ночь не спал великолепный, только что отстроенный императорский дворец. И всю ночь не спал город. Улицы были полны людьми. Работали все попины, термополии и прочие питейные заведения. Горели огни, играла музыка, звучали песнопения...

– И что, обошлось без происшествий? – по дороге в триклиний, на ходу суша бороду полотенцем, поинтересовался Петрос.

– В общем и целом... – шаркая позади, откликнулся слуга. – Ничего выдающегося. Пару человек зарезали по пьяни. Это уж как водится. Без этого у нас никак... Сгорела инсула на Квиринале. Да во дворце, говорят, одну из проституток, из тех, что подавали блюда к столу, утопили в пруду.

– Плохо подавала? – предположил Петрос.

– Скорее, плохо давала, – отозвался Мэлех...

В столовой их дожидался привратник Альюс.

– Там какой-то Шауль Малый пришёл, – доложил он.

– Шауль?! – удивился Петрос. – Он-то что здесь забыл?

Альюс пожал плечами.

– Не знаю. Говорит, что очень срочно. Волнуется. Просто места себе не находит.

Петрос пригладил бороду.

– Хм!.. Ну ладно, коль что-то срочное, пусть войдёт. Проводи его сюда. Нет! Пропусти его в атриум. Скажи, что я сейчас подойду...

За год с небольшим, в течение которого Петрос не виделся с Шаулем, тот сильно изменился. Столичная жизнь явно пошла на пользу нынешнему главе христианской общины Ромы. Шауль раздобыл, округлился, сменил всепогодную холщовую лакерну на изящную тунику из апулийской шерсти и приобрёл тот прямой взгляд и ту уверенность в движениях, которые свойственны людям, ощущающим под собой надёжную опору – крепкую должность либо солидный капитал. Несмотря на кличку «Малый», был Шауль из Тарсуса отнюдь не мал ростом, плечист, и внешность имел если уж и не красивую, то, как минимум, располагающую, особенно в последнее время, когда возраст его перевалил за сорок пять и благородная седина на висках и в бороде скрасила его, в общем-то, не особо благовидное лицо с широким горбатым носом и с выпуклыми, вечно влажными глазами.

Впрочем, сейчас Шауль меньше всего заботился о том, чтобы выглядеть благопристойно или солидно. Он был сильно взволнован, если не сказать напуган. Едва Петрос вошёл в атриум, Шауль, размахивая руками, бросился ему навстречу.

– Беда, Петрос! Беда!.. Нерон вернулся!..

У Петроса неожиданно проснулось и заныло давно не беспокоившее его плечо.

– Ну, вернулся. Знаю. И что?

– Нерон вернулся!.. Он тебя ищет! Ему в Ахайу письмо пришло!.. – Шауль подбежал к Петросу и остановился перед ним, шумно дыша.

От него на Петроса остро пахнуло потом и приторно-сладким ароматом майорана – не иначе, Шауль пользовался для мытья волос популярной нынче в РOME майорановой водой. От этой тошнотворной смеси запахов Петроса даже слегка замутило, и он на какое-то время перестал слышать своего гостя, который уже опять что-то говорил, даже, скорее, кричал, всё больше выкатывая глаза и размахивая руками. Шауль был весь мокрый от пота, хоть выжимай, ноги его по колено были покрыты пылью. Стало быть, бежал, торопился из своего Карпийского квартала, через весь город – а это, понимаешь, стадиев тридцать, не меньше. Вечера ждать не стал, чтоб повозку нанять. Значит, действительно что-то важное, неотложное...

– Эй! Ты слышишь меня?!.. – подёргал его за рукав Шауль. – Чего молчишь?!

– Слышу, – сказал Петрос, отворачиваясь и делая вид, что его заинтересовало что-то на дне импловия. – Слышу, но пока не понимаю. Что за письмо? И причём тут христианская община?.. И не кричи ты так! Давай ещё раз, но только спокойно и без истерики... Пойдём, пройдемся.

Они перешли в перистиль и двинулись по обрамляющей его галерее, проёмы которой были сплошь занавешены тонким льняным полотном, что превращало её в тенистый прохладный коридор.

Рассказ Шауля Малого сводился к следующему. Сегодня на рассвете к нему домой пришёл Авиэль и сообщил эту новость... Кто такой Авиэль?.. Авиэль – это Алигёр. Певец и декламатор в придворном театре Нерона. Прозвище у него такое: Алигер. Кесарь его так прозвал. Но на самом деле он – Авиэль. Авиэль бар-Хага́й из Эфеса. Он действительно прекрасный певец и, что характерно, уже несколько лет как ревностный приверженец христианского учения. К истинной вере привёл его он, Шауль. И в Рому из Эфеса Авиэль отправился вслед за своим учителем. Кстати, он чуть не погиб во время той страшной резни, что три года назад, после Большого Пожара, учинил над христианами кесарь Нерон. Авиэля тогда спасло чудо: принцепс, прогуливаясь как-то ночью по Капитолию, услышал сладкозвучное пение, доносящееся из зарешёченного окна Туллианума. Голос молодого певца поразил кесаря. Авиэль был немедленно помилован и, более того, включён в труппу придворного театра, где и получил своё нынешнее имя. Несмотря на чудесное спасение и на посыпавшиеся на него щедрые августейшие дары, Авиэль-Алигер так и не простил кесаря, погубившего множество его единоверцев, в том числе и невесту Ривку́, отданную на растерзание львам.

Так вот. Алигер сопровождал Нерона в его триумфальной поездке в Ахайю и там случайно стал свидетелем получения кесарем письма из Птолемаиды от иудейского царя Агриппы Марка. Из последовавшего за этим разговора между Нероном и Эпафродитосом Алигер узнал, что в своём письме иудейский правитель сообщил Нерону о каких-то очень ценных дарах, которые однажды отправил кесарю Клавдию в Рому из Палестины отец Агриппы Марка – Агриппа Великий. Дары эти до адресата не дошли, поскольку были якобы дерзко похищены неким Симоном, которого также называют Петросом Проповедником, и который, проживая ныне в РOME, является там главой запрещённой христианской секты...

– Авиэль сразу сообразил, что речь идёт о тебе, – останавливаясь и поворачиваясь к Петросу, сказал Шауль. – Я о тебе много ему рассказывал. Да и в общине твоё имя на слуху...

– Подожди-подожди! – прервал его Петрос. – Какой ещё к лярвам глава секты?! У нас же в РOME ты всеми делами общины заправляешь!

– Это ты Нерону расскажи, – усмехнулся Шауль. – Ему царь Агриппа Марк всё очень подробно в письме расписал.

– Да он-то там, в Палестине, откуда знает, кто тут у нас главный, а кто нет?! – возмутился Петрос.

Оказывается – и в письме об этом прямо говорилось – сведения в Палестину пришли напрямик из Ромы, от какого-то бывшего первосвященника, «уважаемого и правдивого человека», которому Агриппа Марк всецело доверяет...

– Так это же Йосэф бар-Камит! – догадался Петрос. – Больше не от кого! Надо же! Ведь больше пяти лет уже прошло, как эта скотина подохла! А всё, понимаешь, продолжает с того света гадить и пакостить! Сколько народа из-за него погибло! Не сосчитать!.. Эх, зря я его тогда сразу не порешил! Хотел же! До звона в ушах хотел ему кишки выпустить! Нет ведь, удержался! А зачем, спрашивается?! Чтоб он слухами о христианах – совершенно чудовищными слухами, дикими! – всю Рому заплотил?! Чтоб он людей оболгал и под смерть мучительную их подвёл?!.. И чтоб теперь, понимаешь, своими письмами посмертными напраслину на других возводил и сплетни распускал?!.. Нет, сколько раз уже убеждался – гнойник надо сразу вскрывать! А не примочки на него ставить! И не ждать, понимаешь, что само как-нибудь рассосётся!

Он замолчал, отдуваясь.

– Так что там за подарки такие были? – поинтересовался Шауль. – Ты и вправду что-то кесарю Клавдию вёз?

– Ты с ума сошёл?! – по-новой возмутился Петрос. – Сам подумай! Где я, и где кесарь! Кто бы и с какой стати доверил мне кесаревы подарки везти?! Глупости за другими не повторяй!

– Ну да... Ну да... – забормотал Шауль. – Я, собственно, о другом. Похоже, опять для христианской общины чёрные времена наступят. Кесарь Нерон снова может на нас все беды городские навесить и всех собак на нас спустить...

Они замкнули круг по перистиллю и остановились возле таблинума.

– Может! – подтвердил Петрос. – И очень даже запросто. Так что людей спасать надо. Причём срочно! Сегодня же!

– Я думаю, дня три-четыре у нас в запасе есть, – предположил Шауль. – А может, и больше. Авиэль сказал, что Нерону сейчас не до нас. У него сейчас пиры сплошной чередой. Так что он, скорее всего, как обычно, в запой уйдёт. А запои у него иногда и по неделе бывают.

– Так, может, он про нас вообще забудет?

– Не забудет! Авиэль говорит, на всё, что касается денег, у Нерона память цепкая, что твой капкан. Так что даже не надейся!

– Да, – сказал Петрос, – надеяться на это не стоит... Сколько сейчас народу в общине?

– Человек двести. Это те, которые ко мне приходят. А ещё на Яникуле, у Линоса, человек пятьдесят-семьдесят.

– Одного корабля хватит, – подытожил Петрос. – «Гесиону» снаряжу. Как прошлый раз, переправлю всех в Коринфос.

– А сам-то как? – участливо спросил Шауль. – За тобой ведь в первую очередь придут.

– Так и я – в Коринфос! – рубанув ладонью воздух, сказал Петрос. – Чего я тут забыл?! Что мне здесь теперь делать?! Правосудия от Нерона ждать?!.. Или на забывчивость его надеяться?!.. Дураков сейчас нет, чтоб от кесаря Нерона справедливого суда ожидать!

– И то верно!.. – согласился Шауль. – Ты прости меня, Петрос! Я часто на язык не сдержан бываю. Глупостей много говорю. Это всё по горячности моей. Ты на меня не сердчай. Я-то знаю, кому и чем христианская община обязана. Кто нам всегда деньгами помогает. Да и не только деньгами! Ты ж уже два раза христиан из Румы своими кораблями вывозил! Может, кто этого не помнит, а я помню! И всегда помнить буду!..

Петрос покосился на него. То ли оттого, что сюда, в галерею, через колыхающиеся невесомые занавеси, всё-таки залетал лёгкий летний ветерок, то ли оттого, что потная одежда на Шауле слегка подсохла, а может, просто от того, что нос Петроса в конце концов принюхался, но дышать ему рядом с гостем стало значительно легче, и его соседство уже не вызывало такого тошнотного отвращения.

– Ладно, – сказал Петрос, – я тоже часто много лишнего болтаю. Наговорю, понимаешь, с три короба, наору на человека, а потом жалею... Ты это... Спасибо тебе! Что пришёл, что предупредил... Спасибо!

– Да, чего уж там... – смущённо кивнул Шауль. – Я ведь всё понимаю... Знаешь, не надо нам больше ссориться. Одно ведь дело делаем. Йешу-учитель, Помазанник Божий, завещал нам жить в мире и любить друг друга, как братьям! Разве не так?!..

– М-да... Йешу... – Петрос задумчиво покачал головой. – Йешу, он – да... Ты вот что. Ты времени зря не теряй. Нерон он ведь может в запой уйти, а может и не уйти. На это рассчитывать нечего. Так что оповести всех. Пусть собираются. И завтра же к вечеру пусть все уже будут в Остии, на «Гесионе». С вечерним бризом и уйдём...

– Денег дашь?

– ...Что?

– Денег, говорю, дай. А то ведь расходы большие предстоят. Людей собрать, снарядить. Опять же, продуктов в дорогу закупить надо.

Петрос посмотрел в выпуклые, подёрнутые слёзной плёнкой глаза собеседника и вздохнул.

– Сколько?

– Три тысячи сестерциев, думаю, хватит.

– Хорошо... Подожди меня в атриуме.

Он прошёл в таблинум, достал из окованного железом сундука ларец с деньгами и, отсчитав тридцать ауреев в кожаный кошель, вынес его Шаулю.

– Держи.

– Благодарю! – Шауль с поклоном принял деньги. – Благодарю тебя, любезный Петрос! Да благословит тебя, Господь! Да продлит он твои светлые дни! Да прибудет тебе сторицей от щедрот твоих!..

– Ну, всё, всё! – поморщившись, прервал этот елейный монолог Петрос. – Всё! Иди!.. Пан! Проводи гостя!.. Шауль! Смотрите, не затягивайте со сборами! Завтра на закате «Гесиона» должна выйти из Остии!..

Когда за Шаулем Малым закрылась дверь, Петрос вернулся в таблинум и вызвал к себе секретаря.

– Слушай сюда, Тесей! Слушай внимательно и запоминай! Первое... Отправь сейчас же кого-нибудь к Линосу на Яникул. Помнишь ведь, где он живёт?.. Ну вот. Объясни, как найти. Пусть Линос сейчас же придёт сюда. Сейчас же! Без промедления!.. Второе... Сам отправляйся в Остию. Верхом. Возьми Арга. Нога у него зажила?.. Ну вот и хорошо! В Остии найдёшь Офира. Он сейчас где-то там должен быть. В гостиницу у маяка зайти. Если там нет, то тогда в термополии «Волтурн» жди его. Он всегда туда обедать приходит. Скажешь Офиру, чтоб срочно готовил «Гесиону». Никакого груза! Всё лишнее – долой! Человек триста повезём. Может, чуть больше. Чтоб завтра к вечеру всё было готово!.. Начнёт спрашивать, скажи, что дело серьёзное. Ждать нельзя. Скажи: всё, как после Большого Пожара. А может, ещё и хуже. Короче, скажешь, приеду – всё расскажу... Теперь... Рабам скажи, чтоб собирались. Уезжаем... Все!.. Да, все и насовсем!.. Лишнего ничего не брать! Только самое необходимое! Чтоб на две телеги все вместились!.. Выезжаем завтра перед рассветом... Всё понял?.. Ну всё, ступай!..

Тесей ушёл.

Петрос некоторое время стоял посреди кабинета, размышляя, потом отодвинул дверь и выглянул в атриум.

– Мэлех!

– Да, господин!

– Что с завтраком?

– Остыло всё. Сказать, чтоб снова подогрели?

Петрос пошкрябал в бороде.

– Н-нет. Не надо... Принеси мне сандалии – к Марку схожу... Там, кстати, и позавтракаю.

– Да какой там завтрак?! – возмутился старик. – Дело к полудню! Марк с госпожой рано встают – у них от завтрака-то, поди, одни крошки остались!

– Ничего, – сказал Петрос. – Что-нибудь найдут! Мясо какое-нибудь холодное. Сыр с вином... Да мне и есть-то что-то не очень хочется, – он втянул ноздрями воздух и вновь уловил приторно-сладкий запах майорановой воды. – Пропал у меня аппетит, понимаешь!..

От дома Петроса до дома Марка по прямой было, от силы, шагов сто. Но узкая лесная дорога, огибая язык старинного оползня, сплошь заросшего непроходимыми колючими зарослями ежевики, делала петлю длиной не менее трёх стадиев.

Петрос медленно шёл в тени могучих раскидистых пиний, с удовольствием вдыхая густой, настоявшийся запах прожаренных солнцем хвойных иголок. Небо над пиниями было высокое, промытое, чистое. Ночная гроза давно растеклась, утянулась за восточные холмы, растворилась в ослепительной небесной голубизне. Полуденное солнце, висая над самой головой, старательно раскаляло мир. То и дело выкатывались из леса на дорогу мягкие обволакивающие волны зноя, как будто там, в лесу, за деревьями, тяжело и жарко дышал какой-то неизвестный, утомлённый духотой, огромный и неповоротливый зверь. Оглушительно трещали цикады. Изредка где-то над верхушками деревьев пронзительно вскрикивал ястреб.

В самой дальней точке дорожной петли от дороги в лес уходила неприметная узкая тропа. Петрос свернул на неё.

Тропинка, немного поплутав между золотисто-коричневыми, в обхват, стройными стволами пиний и утонувшими в высокой сухой траве тёмными покосившимися могильными плитами, вывела на небольшую полянку, где под яркими вертикальными лучами солнца ослепительно-снежно белели четыре свежих мраморных надгробия: одно – повыше и три – пониже.

Петрос подошёл к высокому и привычно опустился на колени.

– Здравствуй, Сати...

Позапрошлой осенью он на двух кораблях уплыл вместе с Офиром в Гиппо-Регий с грузом мечей, кольчуг, шлемов, бандажных заготовок для колёс, а также разнообразного строительного инструмента: лопат, кирок, мотыг, топоров, пил, – в Африке всё металлическое стоило чрезвычайно дорого и расходилось нарасхват. Он уплыл в добром настроении, в расчёте на большую прибыль, на жирный купеческий куш. Он уплыл, а в Рому пришёл чёрный мор.

Болезнь напала на город, как шайка коварных пиратов нападает на ничего не подозревающую, мирно спящую рыбацкую деревушку. Она врывалась в дома и разила наповал растерявшихся, насмерть перепуганных жителей. Она была неразборчива. Ей было всё равно, кого

убивать – мужчину или женщину, беспомощного младенца или согбенного старика, благородного патриция или самого бесправного раба. Рома была захвачена, повержена и растоптана. Умирали семьями. Умирали домами. Вымирали целые инсулы и кварталы. Специально созданные команды рабов едва успевали вывозить и сжигать трупы. Боги были глухи к мольбам ещё живых и стонам умирающих. Они отвернулись от Города. Перепуганные жители в панике бежали прочь, бросая дома, вещи, заболевших, но всё ещё живых родственников. Кесарь Нерон, оставив Рому на попечение магистратов, спешно выехал в Кампанию. К зиме город опустел. По самым скромным подсчётам, лишь за три осенних месяца в Роме и его окрестностях от страшной болезни умерло больше тридцати тысяч граждан. Неграждан, женщин, детей и рабов никто, разумеется, не считал вовсе.

В числе этих неучтённых многих и многих тысяч оказалась жена Петроса и все три их дочери: Леа́, Ника и очаровательный пятилетний ангелочек Симония – последний ребёнок, поздняя любовь, поскрёбыш.

Чёрный мор выкосил и всех рабов их дома, включая и белокурого великана Тургара. Когда в апреле следующего года Петрос вернулся из плавания, он застал в опустевшем доме только страшно постаревшего, седого, как лунь, Мэлеха.

Странно, но семья Марка счастливо избежала скорбной общей участи. Как будто чёрный мор, сглюдав всех обитателей дома его отца, не смог переползти через поросшую колючим кустарником осыпь. Или поленился пройти лишних полмиля по утоптанной лесной дороге. А может, он просто насытился, наелся, собрав свою страшную дань с несчастного соседнего дома?..

Петрос с трудом поднялся на ноги и обошёл остальные надгробия, трогая рукой тёплый, нагретый солнцем, как будто живой белый камень и вчитываясь в прорезанные в мраморе скупые надписи:

LEAE. SIMONI SAXI F.
NIKAE. SIMONI SAXI F.
SIMONIAE. SIMONI SAXI F.

Потом он опять вернулся к первой плите.

HIC REQ IN PACE
SATI. SIMONI SAXI UXORI

«Здесь покоится с миром...»... Покоится с миром... Покоится... Ей там покойно. Спокойно. Хорошо... А я?.. А мне?..

Петрос прислушался к себе. Наверное, его сейчас должны были захлёстывать, переполнять, разрывать на части чувства: горечь, скорбь, боль, отчаянье. Безысходность. Но он ничего такого не ощущал. Внутри было... каменно. Каменно и глухо. Как будто всё его тело было плотно залито, заполнено затвердевшим «бутовым камнем», который с недавних пор стали повсеместно применять в строительстве домов и акведуков. Или, как безглазые статуи на Форуме, целиком вытесано из вот такого же белого надгробного мрамора. Слепого бездушного камня. И, пожалуй, если соскрести с груди кожу, на этом мраморе можно было бы резцом тоже выбить какую-нибудь подобающую надпись. Петрос попытался придумать некую простенькую эпитафию, пару каких-нибудь глупых затасканных строчек, что-то вроде: «ветеран, благочестие и храбрость которого...». Или: «муж могучий и мудрый, чья слава и облик доблести...». Но голова его тоже оказалась забита скользкими кусками мрамора, они тяжело ворочались под черепом, иногда глухо постукивая друг об друга, и стук этот болезненно отдавался в висках.

В траве прощуришала мышь. Пронзительно вскрикнул над головой невидимый в ослепительном зените ястреб.

– Прощай, Сати... – сказал Петрос. – Наверно, больше не свидимся... Прости меня... Если сможешь, конечно... Прощай!

Говорить было больше нечего. И не о чем. И делать здесь тоже было нечего. И разошедшееся не на шутку солнце припекало плечи и немилосердно жгло непокрытый затылок.

Петрос в последний раз погладил гладкий тёплый камень и, больше не оборачиваясь, быстро зашагал прочь...

– Нет! – сказал Марк. – В Рому я больше не вернусь! Да и вообще в Италию. Душно здесь! Понимаешь?!

Петрос понимал. Жить и дышать в Нероновой Роме действительно с каждым годом становилось всё труднее.

– И куда ты тогда? – спросил он. – В Коринфосе останешься?

– Нет, – покачал головой Марк. – Коринфос – это провинция, болото. Я уж тогда в Александрию вернусь... Там – настоящая жизнь! Там – настоящие люди! Знаешь, сколько у меня там друзей?!.. Там я смогу заниматься делом, которое мне нравится! Настоящим делом!

– Друзей у тебя и здесь много, – сказал Петрос. – А настоящим делом можно заниматься где угодно. Было бы желание.

– Отец! – Марк даже всплеснул руками. – Ну что ты меня уговариваешь, как маленького! Мне уже, слава Богу, не десять лет! И даже не пятнадцать! У меня, если помнишь, уже своих детей четверо!

– Я-то как раз помню об этом, – спокойно возразил Петрос. – Это ты об этом всё время забываешь. О том, что у тебя семья. О том, что у тебя жена и дети. И о том, что у тебя здесь дом! Здесь! А не в Яфе и не в Александрии. Куда ты там денешься со своими четырьмя детьми?!.. И, я смотрю, у вас скоро пятый будет? Хадаса-то опять брюхатая?

– Что, заметил?!.. – Марк встал и прошёлся по комнате. – Да, на Хануку понесла... Всё солёное в доме съела. Похоже, опять девку родит... – он остановился перед Петросом. – Не бойся, отец, в Александрии мы не пропадём. Там община крепкая. На первых порах поможет. А потом, через годик-другой, когда здесь всё уляжется, можно будет сюда вернуться и дома продать. И землю.

– Это – вряд ли, – покачал головой Петрос. – Дома – вряд ли. Полагаю, люди Нерона здесь камня на камне не оставят. Ни от моего дома, ни от твоего. Всё по кирпичикам рассыплут, до самого, понимаешь, основания.

– Зачем? – не понял Марк.

– Ну как же! Они же здесь Агриппины драгоценности найти рассчитывают! Подарки для кесаря Клавдия!

– Дурачьё! Да что они тут найдут?! Какие такие царские подарки мы здесь прятать можем?! И, главное, где?!

– А это уже не важно, – покачал головой Петрос. – Донос поступил, а значит, у Нерона есть повод поживиться. И он такого случая не упустит. Он сейчас вообще никаких случаев не упускает! Ему деньги сейчас, как воздух, нужны! Ты же видишь, Новый Дворец недостроенный стоит. Позолоты на крышу не хватает. А статуя! Которую грек этот, Зенóдорос, перед дворцом отливает. Ты её видел?! Там пока только ноги по колено готовы, но там же, понимаешь, один палец на ноге – с твою Шүли ростом! Представляешь, сколько на это бронзы ушло?! А сколько ещё уйдёт! А деньги на это всё где брать?!.. Налогами всех задавил! Завещания в свою пользу переписывает!.. А ты говоришь! Да он отсюда вывезет всё! И дома разберёт по кирпичику!.. Он бы их с удовольствием вообще конфисковал в свою пользу, а потом продал. Да кто ж их, понимаешь, купит в этой глуши, на отшибе? Да ещё возле кладбища!.. Хотя кто его знает! Может, ещё и продаст! Назначит кого-нибудь провинившегося из магистратов и заставит купить. За бешеные деньги!

– Так чего ж ты тогда уговариваешь меня сюда вернуться, раз тут ни домов не будет, ни земли?!

– Ну, земля-то, положим, будет! Земля, понимаешь, никуда не денется. Здесь, почитай, треть Ватиканского холма – наши. И часть этой земли оформлена на тебя. А свою часть я завтра же перепису на Линоса. И дом перепису... Ну, дом-то эта хитрость, пожалуй, не спасёт. Дом, скорее всего, так или иначе, разломают. Даже если он уже фактически не мне будет принадлежать. А земля, возможно, останется... Они, конечно, могут сделку задним числом отменить. Могут! Но твоя земля в любом случае останется за тобой.

– Ну, и на что мне земля без дома?

– Не скажи! Своя земля – большое дело. На своей земле даже палатку поставь – это уже ТВОЯ палатка, – живи, никто не тронет. А дом... Были бы деньги – дом будет.

– Вот-вот! – Марк многозначительно поднял палец. – Были бы деньги! А я ведь не ты! Я не торговец. Я на перепродажах денег делать не умею! И один затраченный сестерций превращать в два я тоже не умею! Нет у меня такого таланта!

– Ну, во-первых, это всё не я, а Офир, – возразил Петрос. – Это он у нас гений коммерции. Это он в сандалиях Меркурия родился. Если бы не он, я бы уже давно, понимаешь, на Бычьем форуме подавание просил... Во-вторых, торговля – это ремесло. Самое обычное ремесло, такое же, как ремесло шорника или, скажем, медника. И ему можно научиться. Было бы желание. И была бы

голова на плечах. А она у тебя есть... А в-третьих... А в-третьих, что-то мне подсказывает, что вернись ты в Рому, деньги к тебе рекой потекут.

– С чего это вдруг? – удивился Марк.

– Да так... – уклончиво сказал Петрос. – Есть у меня, понимаешь, такая уверенность... Или, скажем точнее, предчувствие.

– Нет, отец! Даже не уговаривай! И я ещё раз тебе повторяю – я не маленький и не надо мне красивые сказки рассказывать! Про золотые реки с алмазными берегами! Предчувствие, видите ли, у него!.. Нет, торговля – это не для меня!

– А что тогда для тебя?

Марк пожал плечами.

– Не знаю... Я в Египте лекарству немного учился. И вроде как получалось у меня. Можно было бы попробовать.

– Для лекарства особый талант нужен, – возразил Петрос. – Лекарь, он ведь не просто ремесленник, он должен, прежде всего, душу человеческую чувствовать. Поскольку не тело у человека изначально заболевает, а именно душа. А уже потом всё это болячками наружу выходит. Я тебе так скажу. Я в своей жизни только одного настоящего лекаря видел – рабби Йешу. А все остальные – шарлатаны. Более или менее умелые... Коренья тереть да змей варить научиться можно. А вот людей лечить... Это надо, чтоб ангел за спиной стоял, в затылок дышал.

Марк покачал головой.

– Ну... не знаю... Может, и не лекарем. Я пока не определился. Но я хочу попробовать. Одно попробовать, другое. Я верю, что у каждого человека есть в жизни свой путь, единственный, своё предназначение. То, что ему предначертано Богом! И я хочу этот свой путь найти! Найти это своё предназначение!

– Э, брат... – вздохнул Петрос. – Это ты хватанул. Найти предназначение... Нам ли знать замысел Божий? Вот я уже, почитай, семьдесят лет это своё предназначение ищу. Уж так ищу, по всему свету ищу, с ног, понимаешь, сбился! А нашёл пока – лишь большую кучу неприятностей. Такую кучу – любо-дорого посмотреть, любой слон позавидует!.. Да вон ещё – шрамов по всему телу... Так что, я тебе скажу, лучше не рисковать. Лучше, понимаешь, не уподобляться тому верблюду, что хотел добыть себе рога. Дурное это дело – за рогами ходить... А так, вернёшься в Рому, наладишь своё дело, Офир тебе на первых порах поможет. А начальным капиталом я тебя обеспечу. И будешь торговать помаленьку. И жить-поживать, детишек растить...

– Да не хочу я в Рому! – тут же по-новой вскипел Марк. – Что ты заладил: Рома, Рома! Не хочу я сюда возвращаться! И не буду! Я ж тебе говорю, Рома – это не для меня! Это же не город! Это... Это – Бабилон с Шадóмом и с Хамóрой в одном кувшине! И я не хочу – понимаешь?! не хочу! – здесь жить-поживать, как ты говоришь, и детишек растить! Не хочу я, чтоб мои дети росли здесь и жили здесь! Среди всей этой... мерзости и подлости!..

Петрос, прищурив глаза, смотрел на своего сына и видел себя: молодого, тридцатилетнего, вот такого же горячего и непримиримого, готового отстаивать своё мнение перед любым авторитетом. Принципиального. Твёрдого в своих убеждениях. Верящего в добро и в справедливость... Глупого...

– Ладно, – сказал он, вставая, – полагаю, мы с тобой ещё вернёмся к этому разговору. До Коринфоса путь не близкий... А до Александрии – и давно... А ты пока подумай. Крепко подумай. И не о себе! А о семье своей подумай. О детях...

– Ты-то много о семье своей думал?! – раздражённо спросил Марк. – Я лет до тринадцати вообще не знал, что у меня отец есть. Так, приходил какой-то дядька время от времени... С гостинцами.

– А ты с меня пример не бери, – миролюбиво ответил Петрос. – Ты СВОЕЙ головой думай. И на чужих ошибках учись... Хотя о чём это я? – он горько усмехнулся. – Это кто же и когда на чужих ошибках учился?.. М-да, отмотать бы клубочек назад...

Марк посмотрел на него с любопытством.

– Скажи, отец... Вот ты... Если б тебе действительно представилась возможность вернуться назад. Лет на пятьдесят назад. В молодость. Ну, то есть прожить жизнь сначала. Скажи... Ты бы стал что-нибудь в ней менять?

Петрос остановился перед сыном и посмотрел ему в глаза. В большие, обрамлённые длинными ресницами, карие глаза Хавивы.

– Многое... – сказал он и, помолчав, добавил: – Почти всё...

Когда Петрос вернулся домой, Линос уже ждал его, сидя на лавочке в атриуме и задумчиво следя за медленно плывущими по имплювию отражениями белых пушистых облаков.

– О! – обрадовался Петрос. – Ты уже здесь! Молодец! Быстро!

– Что за пожар? – поднимаясь со скамеечки, осведомился Линос. – Что за спешка? Прибежали, по жару потащили, объяснить толком ничего не могут. А притащили – тебя нет. Зачем тогда спешил? И здесь, опять же, завели, бросили, даже глотка воды никто не предложил!

– Как не предложил?! – возмутился Петрос. – Мэлах!!.. Сейчас я из всех на кулак намотаю!.. Мэлах!! В чём дело?! Почему гостя одного оставили?! Почему ему даже воды никто не принёс?! А ну, вина сюда, живо! Холодного, из погреба!.. Да куда ты сам пошёл?! Ты ж полдня ходить будешь! Молодого кого отправь!.. Может, тебе в микве обмыться? – предложил Петрос Линосу. – Миква полная.

– Да ладно, – отмахнулся гость. – Я тут, пока тебя ждал, маленько уже охолонул в тенёчке.

– Ну всё равно. Мэлах! Омойте гостю ноги! Вас что, по-новой учить всех надо?!..

Когда суета затихла и хозяин дома вместе со своим гостем расположились, потягивая холодное вино, на той же скамеечке возле имплювия, Петрос снова позвал к себе кубикюлярия.

– Так, Мэлах, слушай внимательно! Сейчас собираешь всех слуг – всех до единого! – и все отправляйтесь в дом к Марку. Поможете ему со сборами... Да, он тоже едет!.. Да, у него есть свои рабы, но помощь не помешает! Им собираться труднее и дольше – у них детей, понимаешь, полный дом!.. Сами успеете собраться. У вас ещё вся ночь впереди!.. Короче, всех собираешь – и туда. И чтоб я вас до заката солнца здесь никого не видел! Вообще никого! Всё понял?.. Ну всё. Ступай...

Пока слуги, переключаясь, собирались, Петрос вкратце обрисовал Линосу обстановку и открывающиеся невесёлые перспективы.

– Господи! – воскликнул Линос. – Ну, что за уroda Ты послал на нашу голову!.. Слушай, Петрос, ну почему нам так не везёт с царями?!

Петрос повёл плечом.

– А царей хороших, чтоб ты знал, вовсе не бывает. Царь, он до тех пор царь, пока кровь из подданных пьёт. Пока в кулаке их всех держит и душит, чтоб даже чирикнуть не смели! А ежели он их в страхе держать не будет, ежели, понимаешь, добреньким вдруг станет – всё, пиши пропало! Обязательно найдётся тот, кто захочет его с насиженного шестка спихнуть. О-бя-зательно! Это так Богом положено, и этого никак не изменить. Камень должен быть твёрдым, вода – текучей, а правитель должен быть жестоким.

– И что, никак этого не исправить? И Век Золотой – это сказка для детишек?

– Никак, – подтвердил Петрос. – И Век Золотой – сказка. И чем быстрее в этой сказке разуверишься – тем жить проще. Не легче, но проще. Спокойнее.

– Печально, – грустно сказал Линос.

– Да уж ничего весёлого...

Наконец рабы ушли. Петрос тщательно запер входной засов, проверил – хорошо ли закрыта дверь чёрного хода, после чего вернулся к Линосу.

– Пошли!

– Куда?

– Пошли-пошли, поднимайся! Там увидишь.

Они вышли в перистиль, пересекли его по диагонали и остановились перед входом в погреб.

– За новой порцией вина? – предположил Линос. – Раздобыл что-нибудь необычное? Неужели лахишского достал?!

– Лучше! – сказал Петрос. – Пойдём.

Он зажёг два факела, отдал один гостю и отворил дверь в погреб.

– Богато живёшь! – отметил Линос, спустившись вслед за Петросом вниз и одобрительно оглядывая обильные закрома. – Я бы погостил у тебя недельку-другую.

– Раньше надо было гостить, – проворчал Петрос. – А теперь всё, поздно... – Он прошёл в дальний конец погреба и остановился перед кирпичной стеной. – Сейчас ты увидишь то, что ещё никто из живых никогда не видел. Ну, кроме меня, разумеется... Сильно не удивляйся и в обморок не падай – а то мне одному тебя будет наверх не поднять.

– Заинтриговал! – признался Линос. – Сгораю от нетерпения... Неужели птичье молоко?!

– Не пытайся угадать, всё равно не угадаешь.

Он прошёлся вдоль стены и поочерёдно нажал на все запорные камни. После чего взялся за вмурованный в стену бронзовый крюк и повернулся к удивлённо наблюдающему за его действиями Линосу.

– Ну, что стоишь, как неродной? Помогай!..

2

Погрузка на «Гесиону» была в разгаре.

По одному наклонному трапу – широкому, с верёвочными перилами – на корабль поднимались пассажиры: поодиночке, парами, крикливыми многодетными семействами – с баулами, корзинами, заплечными мешками, большими и малыми узлами, в которые были увязаны их, собранные второпях при поспешных сборах, нехитрые пожитки. По второму трапу – узкому с часто набитыми поперечными рейками – на борт взбирались рабы-грузчики: молчаливые, лоснящиеся от пота, гружёные мешками с мукой, неподъёмными терракотовыми гидриями и большими ивовыми клетками, в которых вскрикивали и били крыльями взволнованные куры.

Петрос и Офир сидели на ошкуренном бревне, шагах в пятидесяти от судна, и, шурясь на низкое, уже начинающее краснеть, солнце, наблюдали за погрузкой.

С моря дул лёгкий ветерок. Он не приносил прохлады, а лишь слегка перемешивал густой и горячий, застоявшийся на берегу воздух. Так повар помешивает томящуюся на медленном огне уже почти готовую похлёбку.

Петросу вдруг вспомнился Кепа – старинный, тысячелетней давности товарищ по армейской службе. Кепа возник перед ним именно вот в таком своём поварском обличье: дочерна загорелый, босой, с лихо повязанным на голове пёстрым платком и с обезоруживающей щербатой улыбкой от уха до уха. Он стоял, подбоченясь, над большим закопчённым котелком и помешивал привязанной к длинной палке ложкой побулькивающую, исходящую паром мясную кашу. Петрос даже запах этой каши ощутил – давно забытый аромат жидкой мясной похлёбки, щедро приправленной неизменным гарумом. Кепа, помнится, очень любил гарум...

– Ничего не понимаю! – сказал Офир. – Где его лярвы носят?! Солнце уже вон где! Скоро ветер начнёт меняться! А его всё нет!..

Петрос вынырнул из своих воспоминаний.

– Ты про Шауля?

– Ну да! А про кого же ещё?! Договаривались же – на закате выходим. А его нет!.. И людей его почти никого нет!.. С Яникула уже практически все добрались. А с Авентина и Каэйлия – раз-два и обчёлся! А ведь от них и ближе, и добираться удобнее!

– Может, он передумал? – предположил Петрос. – Может, решил остаться?

– Чтоб на арену ко львам пойти, как Эпенётос и Апёллос?! Или, как Филолógос с Юлией, живым факелом сделаться?! – Офир покачал головой. – Нерон ведь церемониться не станет! Помнишь, что он после Большого Пожара творил? И Шауль это прекрасно знает. Он же сам к тебе приходил, упрашивал общину вывезти!

– Приходил... – согласился Петрос и, подумав, предположил: – Может, что-нибудь изменилось. Случилось что.

– А может, он – того... – Офир пошевелил пальцами в воздухе. – Выдумал всё. И про письмо, и про Авизэля этого. Денежки взял – и привет!

– Да ну! Брось! – Петрос даже фыркнул. – Я, конечно, понимаю, что Шауль Малый – парень ушлый, но не до такой же степени!.. Да, в общем-то, и сумма небольшая, чтоб такое рискованное плутовство затевать. Он же должен понимать, что я, ежели что, его из-под земли достану!.. Да нет, нет! Это даже не смешно! Не мог он на такое пойти!

– Предавший однажды, предаст и дважды, – тихо сказал Офир.

– Перестань! – рассердился Петрос. – Ты его не знаешь! Кто в молодости не ошибался?!.. И вообще, кто забытое вспомнит, у того, понимаешь, глаза заболят!

– Да, – согласился Офир, – я его не знаю. Точнее, я его знаю лишь по твоим рассказам. Но то, что ты мне о нём рассказывал, мне категорически не нравится.

Петрос хотел что-то возразить, но в это время возле корабля возникла какая-то суматоха. Какой-то человек появился там – суетный, взлохмаченный, по-видимому, крайне взволнованный. Он метался среди отъезжающих, хватал их за руки и о чём-то настойчиво спрашивал. Наконец с борта судна ему показали в сторону Петроса с Офиром.

– Похоже, к тебе, – предположил Офир. – Может, от Шауля какие вести.

Человек торопливо направился к ним. Вблизи стало видно, что он явно с дороги – был он весь потный, запылённый, и дышал тяжело, с каким-то нездоровым грудным присвистом. Он и был явно нездоров: худой, бледный, с обострившимся хрящеватым носом и с тёмными совиными кругами вокруг ввалившихся горячечных глаз. Петрос узнал его. Это был Гидон Стопа – медник с Карпойского квартала, приятель и сосед Шауля Малого.

Не доходя нескольких шагов до сидящих, медник остановился и отвесил низкий поклон.

– Мир вам, уважаемые. Да продлит Господь ваши дни!

Петрос поднялся.

– Мир и тебе, почтенный Гидон. Ты от Шауля?

– Да!.. – кивнул медник. – То есть, нет! Шауля забрали! Я спешил, чтоб сообщить! И многих ещё забрали! И зятя рабби – Херодиона! И Йерохама с нашего дома! И Эвбулоса с Травного тупика, и Аристархоса Македонянина! И Товию Алмазника вместе с женой! И братьев Бар-Эхуд! И сейчас ещё берут! Солдаты по домам рыщут! Хватают всех без разбору!..

– Началось! – мрачно сказал Петрос.

Офир тоже поднялся с бревна.

– Погоди, уважаемый! – обратился он к Гидону. – Ты не торопись. Ты нам по порядку всё расскажи.

Медник согласно закивал, заморгал большими глазками, вытер о хитон мокрые ладони и, облизнув покрытые неопрятной серой коростой губы, принялся рассказывать...

Всё началось накануне вечером. Народ, как обычно, собрался на вечернюю молитву. В связи с грядущим отъездом, пришли почти все. Рабби Шауль снимал две смежные двухкомнатные квартиры на втором этаже новой, недавно отстроенной инсулы в самом центре Карпойского квартала, в одной из которых, меньшей, жил сам, а вторую – большую, просторную, с окнами на две стороны – использовал как дом собраний. Так вот, к началу вечерней молитвы в этих двух комнатах яблоку негде было упасть. Человек сто набилось в саму квартиру, и ещё примерно столько же теснились в коридоре и на ведущей со двора на второй этаж лестнице. Все окна были раскрыты настежь, но духота всё равно стояла неопишная. Рабби Шауль, облачённый в плотную шерстяную ризу поверх длинного, в пол, хитона, вдобавок ещё и стянутую по груди тесным льняным эфодом, обливаясь потом, читал «Молитву запираения ворот». Крупные капли стекали из-под увенчивающего голову проповедника высокого кидара на его бледный морщинистый лоб, огибали по седым бровям выпуклые влажные глаза и, блеснув напоследок на впалых висках, терялись в мокрой бороде. Голос у рабби быстро сделался сиплым, надтреснутый, он часто останавливался, чтоб откашляться, и тогда быстрыми движениями языка облизывал сухие бескровные губы.

Когда рабби Шауль уже дочитывал главную часть вечерней молитвы – «Молитву стояния», возле одного из окон вдруг произошло движение, кто-то слабо вскрикнул, и по тесно стоящим прихожанам, как круги по воде, прокатилось тихое взволнованное: «Патроклос!.. Патроклос упал!..» А случилось вот что. Юный Патроклос, служащий при Нероне виночерпием и пришедший на молитву, воспользовавшись тем, что кесарь нынче был в термах, стоял во время молитвы возле самого окна, да, видать, сомлев от духоты, сначала присел на подоконник, а потом и вовсе вывалился наружу. Никто не осмелился прервать чтение, но рабби сам остановил молитву и, стерев ладонью пот с лица, устало сказал: «Братья! Нечистый нашёл способ, чтоб искутить нас. Молитву закончим позже. А сейчас, прошу вас, выйдите все! А несчастного юношу принесите сюда!»

Патроклос лежал во дворе под окном, раскинув тонкие руки и неестественно подвернув одну ногу под себя, и признаков жизни не подавал. Из уголка его рта тонким ручейком стекала кровь. Многие поэтому и подумали, что он уже умер, и не решались прикоснуться к мёртвому телу. Но рабби Шауль, выглянув в окно, крикнул: «Ну же! Несите его сюда скорее! Он же ещё живой!..» Юношу бережно подняли на руки и перенесли в дом. «Отойдите все!» – приказал рабби, когда Патроклоса внесли в комнату и аккуратно положили на пол. Он опустил перед юношей на колени, осторожно ощупал его, заглянул зачем-то в рот, а потом вдруг резко и сильно надавил ему несколько раз на грудь. Патроклос с хрипом втянул в себя воздух, закашлялся, мучительно двигая ногами, и, застонав, открыл глаза. «Господи, воля твоя!.. – загомонили вокруг. – Рабби исцелил мёртвого!.. Чудо! Чудо свершилось! Спасибо, Господи!..» Радость охватила всех. Все обнимались, смеялись, многие тут же, упав на колени, принялись славить Господа. Бледного Патроклоса, уже сидящего под стеночкой, поздравляли, трепали по плечу и даже целовали.

Юноша, прокусивший себе при падении язык, лишь слабо кивал в ответ да вяло размазывал уже начинающую подсыхать кровь по шее и подбородку. Сидеть он долго не смог – у него сильно кружилась голова, и его, по распоряжению раббы, отнесли на жилую половину, умыли и уложили в постель. Молитву заканчивали с радостным энтузиазмом, с горящими глазами; горечь отъезда вдруг сменилась всеобщим восторгом, предвкушением скорого прихода Помазанника Божия Йешу, грядущего Царствия Небесного. Последние слова молитвы: «...в сей день Господь будет един и имя Его едино!» прозвучали не с обычной затаённой надеждой, а жизнеутверждающе, чуть ли не с угрозой, со строгим предупреждением всем гонителям истинной веры.

Расходились нехотя. Долго прощались, как перед затяжной разлукой, хотя должны были встретиться уже наутро – по дороге в Остию или на корабле...

– Я с Йерухамом во дворе возле лестницы стоял, – помаргивая воспалёнными глазами, рассказывал Гидон. – Договаривались, как поедем. Мы одну телегу хотели на двоих нанять. Смотрим, Патроклос сверху спускается. Бледный, как мел, мотаает его, за перила двумя руками держится. Мы ему: ты куда?! чего встал?! лежал бы ещё! А он: не могу, во дворец надо, хватятся меня. И пошёл – шатается, как пьяный. Под аркой остановился, стошнило его. Больше я его не видел... – медник вздохнул и облизнул потрескавшиеся губы. – А утром солдаты пришли. Йерухама взяли. И Тита Пуденса. И ещё многих наших... И не наших тоже брали. Я так думаю, они и сами не знали точно, кого надо брать. Ко мне заглянули. А я ещё до рассвета встал, пайку затеял – заказ от Йехуды Мизинца надо было до отъезда закончить и отдать. Ну, сами знаете, что такое пайка – дым до потолка, вонь такая, что глаза щиплет. Вот и у меня так было. Это, наверно, меня и спасло. Заглянули ко мне солдаты, поморщились, носы позажимали и пошли на верхние этажи, и многих там взяли: и Йерухама, и Херодиона, и братьев Бар-Эхуд. А с четвёртого этажа вообще всех взяли. Оттуда кто-то, не посмотрев, горшок с нечистотами вылил, да прямо на них. Ну, они и взбеленились – похватили всех без разбору: и мужчин, и женщин, и детей даже, тех, кто постарше... – медник замолчал, с тоской глядя перед собой и быстро помаргивая слезящимися глазами.

– Я одного не понял, – не дождавшись продолжения, осторожно спросил Офир, – а Патроклос-то тут причём? Почему ты связываешь эти два события – падение из окна Патроклоса и приход солдат?

Гидон встрепенулся.

– А, так я ж не дорассказал! – заторопился он. – Уже потом, около полудня, Фест Галат приходил. Он тоже при кесаре служит. Постельничий. Тоже из наших. Он и рассказал, что во дворце ночью было. Патроклос-то на службу всё-таки опоздал...

Патроклос к обеду всё-таки опоздал. Кесарь Нерон, проголодавшись в термах, сразу отправился за стол. Всегда подозрительный к любым переменам, он тут же поинтересовался: почему это вдруг вино ему подаёт новый виночерпий? Тут ему и доложили, что Патроклос, мол, умер – погиб, разбился, выпав из окна, – уж неизвестно, как дошло столь быстро до дворца это известие, не иначе, птицы на крыльях принесли. А впрочем, что там говорить, Рома – что большая деревня: в одном конце чихнёшь – в другом слышно; слухи здесь порхают от дома к дому, что твои летучие мыши. Не успел кесарь переварить это известие, как ему доложили другое: мол, Патроклос-то, оказывается, жив. Падать, может, он, конечно, из окна и падал да, видать, не разбился, а если и разбился, то, надо полагать, волею богов ожил, да вот же он, сам посмотри, Венценосный! Нерон лишь руками на них замахал – прочь, прочь подите! Не хватало мне ещё тут оживших покойников! Побледнел даже. Но потом глядит – и вправду, живой виночерпий его, и на покойника никак не походит. Тут, видать, любопытство его разобрало. Приказал он Патроклоса к нему подвести и спрашивает: «Сказали мне, Патроклос, что ты нынче из окна выпал и сильно разбился, так ли это?» «Так, кесарь, – отвечает тот, – разбился я сильно, можно сказать насмерть, умер почти, ангелов уже перед собой видел небесных и пение их сладостное слышал». «А как же ты живой теперь?! – изумился Нерон. – Или оживил тебя кто?» А Патроклос возьми и брякни: «Истинно так, кесарь! Помазанник Божий Йесус оживил меня! Помазанник Божий Йесус – Царь грядущий! Царь во веки веков!» Кесарь ажно маслиной поперхнулся: «Ты что болтаешь, глупец?! Какой ещё Царь веков?! Я есть царь!.. Или ты не признаёшь власти моей?!» Ну, тут все притихли, жевать перестали, смотрят. А Патроклос и говорит, видать головой-то сильно ударился: «Царство твоё, кесарь, – говорит, – есть сосуд хрупкий. Наподобие кувшина глиняного. Толкни его – он и упадёт, и разобьётся. А Царствие грядущее, от Отца нашего Небесного – есть царство вечное и непоколебимое в веках!» Нерон задышал тяжело, краской налился и спрашивает – сипло так, с

присвистом спрашивает, многие из присутствующих знали этот его голос, страшные вещи этот голос его предвещал, сама смерть, должно быть, таким голосом говорит: «Уж не ты ли, мерзавец, – спрашивает, – собираешься столкнуть со стола мой кувшин?!» А несчастный отвечает: «В этом нет надобности, кесарь. С приходом Помазанника Божьего Йесуса все царства земные сами рассыплются в прах. И твоё царство постигнет та же участь». Тут многие даже уши стали себе затыкать, чтоб речей подобных не слышать. А Нерон помолчал, подышал через нос и говорит: «И ты считаешь власть этого своего Йесуса сильнее моей? Как же так? Ведь я могу сделать с тобой, что захочу. Я могу убить тебя. Я могу убить тебя быстро, могу убить тебя медленно. Могу убить тебя тогда, когда мне заблагорассудится: сегодня, завтра... вчера. Насколько я знаю, и Йесуса твоего – как ты там называешь его? – помазанника божьего, его ведь тоже убили. Люди, между прочим, убили, не боги, обычные люди, – взяли и распяли на кресте по приговору префекта Иудейского. Так как же власть этого твоего Йесуса может быть выше моей власти, власти великого императора?!» «Власть твоя – от мира сего, – тихо сказал Патроклос. – Убить меня – да, ты можешь. Но воскресить из мёртвых, как воскресил меня Помазанник Божий Йесус, тебе не по силам». После этого Нерон молчал долго. Очень долго. А потом говорит префекту Квинту Лонгину: «Возьмите его. И всех их возьмите. Я вижу, зараза эта до сих пор жива. Не добавил я прошлый раз этот гнойник! Возьмите его и выбейте из него имена всех его поделщиков! Всех его единомышленников! Всех до единого!! Чтоб через три дня даже духа христианского в городе не осталось!! Жгите, пытайте, но разыщите их всех!! Всех!! И в первую очередь – главарей ихних!! Кто у вас главный?! Говори, сволочь!!..» – заорал он на Патроклоса. Но несчастный юноша, осознав, что своими речами неосторожными разбудил зверя, лишь замотал головой и попятился. «Ну ничего! – заверил его Нерон. – Скажешь! Скажешь как миленький! Взять его!! И на дыбу!! Пытать, пока всех не назовёт!!.. Мразь!! Подонок!! Аппетит испортил!!..» – Кесарь швырнул на пол кубок с недопитым вином, встал с ложа и быстрым шагом, ни на кого не глядя, удалился в покои...

– Господи! – покачал головой Петрос. – Бедный мальчик! Они же с него кожу с живого сдерут!

– Судя по тому, что взяли Шауля и многих других, уже содрали... – хмуро сказал Офир. – Уплывать вам срочно надо, вот что. Наверняка, они уже и про «Гесиону» знают.

– Да, – согласился Петрос, – наверняка... – он оглянулся на судно, где уже заканчивалась погрузка, и снова повернулся к Гидону: – Где твоя семья?

Медник махнул рукой.

– В городе ещё. Я их всех к родственникам пока спровадил. На Квиринал. А сам сюда поспешил. Упредить.

– Это ты правильно сделал, – одобрил Петрос. – Солдат по дороге не видел?

– Нет, – помотал головой Гидон. – Не больше, чем обычно.

– Всё равно ждать нельзя! – сказал Офир. – Они в любой момент могут нагрнуть.

– Да... Да... Нельзя ждать... – Петрос задумчиво копался в бороде. – Вот что... – обратился он к меднику. – Ступай в город, забирай семью и приводи сюда... Или, может, ты думаешь где-нибудь в городе отсидеться? У тех же родственников.

– Да какое там! – отмахнулся Гидон. – Где уж тут «отсидеться»! Найдут! Всех моих соседей взяли!.. Да и нечего мне теперь делать в РOME. Лавку мою, само собой, разорят. Так что одна мне теперь дорога – в Коринфос... Брат у меня там. Поможет.

– Правильно решил! – одобрительно кивнул Петрос. – Так что давай, забирай семью – и сюда.

– А корабль не уйдёт? – боязливо спросил медник. – А то мы теперь разве что к завтрашнему вечеру сюда поспеем.

– Этот уйдёт, – сказал Петрос. – Но ты не волнуйся, вас будет ждать другой корабль, – он повернулся к Офиру. – Что там у нас с «Поллуксом»?

Тот развёл руками:

– «Поллукс», в общем, исправен. Но он же не снаряжен. И половины команды нет. Разбежались ещё по осени кто куда. А после ремонта новых пока не набирали.

– Займись, – попросил его Петрос. – Срочно займись. Видишь, что твориться! Людей спасать надо!.. – он кивнул Гидону: – А ты ступай! Ступай! И всем нашим, кого встретишь, скажи, что в Остии их ждёт корабль. «Поллукс». Он вон там стоит – почти у самого маяка... И скажи всем, чтоб не медлили! Пусть, понимаешь, поторопятся! Послезавтра на закате корабль уйдёт на Коринфос... – он снова повернулся к Офиру. – Успеешь?

Тот кивнул.

– Успею...

Гидон, загребая драными сандалиями горячую пыль, ушёл.

– А ты? – спросил Офир. – Ты как, на «Гесионе» или на «Поллуксе»?

– На «Поллуксе», – решительно сказал Петрос. – За два дня ещё многое можно успеть. Как стемнеет, в город поеду. Попробую кого-нибудь из арестованных выволить.

– Как?! – воззрился на него Офир.

– Как всегда, – улыбнулся Петрос. – За деньги. Не родился, понимаешь, ещё тот тюремщик, который не согласится обменять пару-тройку заключённых на звонкую монету.

– Ты там это... – повёл своей лопатообразной бородой Офир. – Поосторожней. Тебя-то там в первую очередь ищут. Не забывай.

– Ладно, – сказал Петрос, – не волнуйся. Им в последнюю очередь придёт в голову искать меня возле тюрьмы.

– Это верно, – согласился Офир. – Но всё равно. Случаи бывают разные. Не увлекайся. А то... знаю я тебя.

– Не волнуйся, – повторил Петрос. – Жди меня послезавтра на «Поллуксе». Но учти! Со мною ли, без меня, но послезавтра на закате «Поллукс» должен из Остии уйти!

– То есть как это, без тебя?! – возмутился Офир. – Чего вдруг, без тебя?! Ты это прекрати!

– Ничего-ничего, – потрепал его по плечу Петрос. – Сам говоришь: случаи бывают разные. Мало ли чего. Так что не жди! Ни одного лишнего часа не жди! Понял?! Солнце в море упало – и всё! В путь! Людей спасай! Твоя задача – вывезти всех уцелевших в Коринфос! Всех, кто успеет добраться до корабля!.. А за меня не беспокойся. Сам знаешь, если что, у меня есть, где отсидеться... – он замолчал и огляделся. – Никак ветер переменился...

Ночной бриз, пока ещё лёгкий, неокрепший, но уже вполне ощутимый, зашелестел растрёпанными причёсками тонконогих пальм, закрутил низкие пылевые смерчки на углах портовых зданий и безжалостно погнал их к морю, к обрезу каменной причальной стенки, где от борта «Гесионы» уже убрали грузовой трап, и где полуголые рабы сидели, свесив босые ноги к пенной прибрежной воде, и, щурясь на тонущее в море, багровое солнце, передавали друг другу кувшин с тёплой кисловатой поской.

– Да... – Офир повернул голову и втянул ноздрями воздух. – С берега... Пора.

Петрос взглянул на медленно покачивающую мачтой «Гесиону».

– Пойду с Марком попрощаюсь. И с внучками... А ты, будь добр, найди какую-нибудь повозку. До города. Я-то своего Кварта ещё днём отпустил. Кто ж знал...

– Я тебе свою бигу пришлю.

– А ты?

– Ничего, я разберусь. Тебе нужнее.

– Ладно... «Поллуксом» займись.

– Да. Я понял. Сразу же.

Офир потоптался.

– Обнимемся?

Петрос удивлённо взглянул на него.

– Зачем это? Послезавтра ж увидимся!

– Не знаю... – Офир опустил глаза. – Боязно мне за тебя. Ты уж там как-нибудь... поаккуратней.

– Ничего, – сказал Петрос. – Мы, понимаешь, потихонечку. Полегонечку... Ничего... Ну, коли хочешь...

Он шагнул к Офиру. Они обнялись.

– Всё!.. – Петрос похлопал друга по гулкой необъятной спине и отстранился. – Всё! Ступай!.. И не бойся за меня! Двум смертям не бывать. Кому суждено быть повешенным, тот не утонет...

Офиру аж рот повело на сторону от этих слов.

– М-да... – спохватился Петрос. – Что-то я... не того. Ляпнул, понимаешь, не подумавши... – он напряжённо рассмеялся. – Да иди уже ты! Видишь, я глупости всякие говорить уже начал. Иди! Терпеть не могу прощаться!

Офир виновато улыбнулся, сделал рукой неопределённый жест и, повернувшись, торопливо зашагал прочь.

У Петроса вдруг заняло плечо. Старая знакомая боль проснулась и мягко заворочалась у основания левой ключицы. Она показалась сейчас Петросу такой близкой и привычной, такой плоть от плоти, исконной, чуть ли не родной, что её захотелось выпустить на ладонь и ласково погладить по жёсткой колючей шёрстке, приговаривая: ну что же ты, дурашка? ну перестань! не шали! не надо!.. Он смотрел в удаляющуюся широкую спину Офира, мял своё ноющее плечо и думал, что, возможно, он больше никогда не увидит этого уже пожилого, но всё ещё столь жизнерадостного толстяка. Верного компаньона. Товарища. Друга... Никогда... Слово это было неприятное, жёсткое, беспощадное. Петрос отбросил его в сторону, но оно вернулось и, расправив чёрные крылья, повисло перед ним, кося жёлтым глазом и поводя из стороны в сторону хищным, загнутым книзу клювом. Тогда он перевёл взгляд на горизонт и стал смотреть, как медленно, но неостановимо плавится и растекается по морю, тяжёлый, уже изъеденный по краям, сплюснутый медный диск...

– Эй! Кто там?!.. – рявкнул густой медвежий голос, – Ты что здесь, падла, делаешь?!.. А ну, стоять!!.. – массивная фигура, гремя по камням калигами, выдвинулась из тьмы и, заслоня звёзды, нависла над Петросом. – Кто таков?!

Петрос разглядел у своего живота тускло блеснувший наконечник копья.

– Не гневайся, уважаемый! – залезил он, усердно кланаясь и стараясь подпускать в голос как можно больше старческой слезливости. – Я ничего дурного не замышляю! Не гневайся на убогого!.. На-ка вот лучше, возьми! Я-то ведь знаю, служба у вас непростая. Трудная служба! Не обессудь! Возьми!

Он протянул солдату на ладони денарий.

Легионер отодвинул копье, сгрёб монету с Петросовой ладони, пристально рассмотрел её, приблизив к самым глазам и, сунув за щеку, проворчал уже почти миролюбиво:

– Чего ты тут ходишь, старик? Тюрьма здесь. Стало быть, посторонним нельзя... Или кого из твоих сюда определили?

– Дочка у меня тута, доченька! – снова слезливо запричитал Петрос, сильно сутулясь и по-стариковски тряся головой. – Родненькую мою забрали! А у неё детишки – мал-мала! Внуки мои! Без мамки остались! По ошибке её забрали! Не виноватая она! Не христианка она никакая! По ошибке!.. – он завсхлипывал, засморкался.

– Ну, будет... Будет тебе! – охранник окончательно прибрал своё копье к ноге и придвинулся вплотную; на Петроса густо дохнуло полузабытым запахом казармы. – Не убивайся, дед. Коли невиновная – отпустят, – солдат гудел теперь вполне сочувственно. – Верно тебе говорю! Тут всех через дознание пропускают. Так что, ежели кто посторонний попал, невиновный, тому, стало быть, бояться нечего. Ну, может, помурьжат маленько, но потом непременно отпустят! Когда разберутся.

– Ох, помурьжат, говоришь! Девонька моя! Помилуй и спаси её Юнона Милосердная!.. А, скажи, добрый человек, дознаватель-то этот самый, он кто? Кого мне спрашивать? К кому обратиться?

– Да из дознавателей-то я никого и не знаю, – солдат, сдвинув на лоб шлем, шумно поскрёб в затылке. – На дознание этих гнид во дворец таскают. То поодиночке, то по несколько штук сразу. Стало быть, сообщников ищут... А ты вот что. Ты к нашему кентуриону обратись. К Сервию Кесту. Он всех дворцовых знает. И у дознавателей бывает по пять раз на дню. Ты у него спроси. И списки все у него. Вот утром он придёт – у него и спроси. Он завсегда сюда с первой дневной стражей приходит.

– Благодарю тебя, добросердечный! – Петрос низко поклонился. – Обязательно! Обязательно спрошу!.. Только... может, не здесь? Не у тюрьмы. А? Сам понимаешь, и кентуриону не с руки с посторонними здесь разговаривать. Да и тебе попасть может.

– И то верно... – согласился солдат, он задумчиво пошмыгал носом. – Тогда... вот что. Ты тогда утром, как букины отсигналят, ступай на Аргилетум. Там, недалеко от храма Януса есть термополия. «Голубка» называется. Её шурин Сервия Кеста держит. Косс Раук его зовут. Наш кентурион там завсегда завтракает. Здесь караулы сменит, посмотрит, всё ли в порядке – и туда. Стало быть, там его и жди... Только ты смотри, старик, не говори ему, что это я тебя послал!

– Ну да! Ну да, само собой! – закивал Петрос. – А как я узнаю-то его? Сервия Кеста вашего.

– Узнаешь! – гулко рассмеялся солдат. – Его-то ты точно узнаешь! Кентуриону нашему по молодости от бриттов крепко досталось. Они ему под Дуробривом палицей всю рожу раскроили.

Как жив остался – непонятно! Такую козью морду ему состряпали – любо дорого посмотреть! – он снова заржал. – Так что узнаешь, мимо не пройдёшь!

– Спасибо тебе, добрый человек! – снова поклонился Петрос. – Спасибо!.. А пока позволь, я всё-таки дочку свою повидать? – он протянул стражнику ещё один денарий. – Я быстро! Спрошу только, здорова ли? Да не надо ли чего?

Солдат принял монету как должное.

– Валяй, дед! Спрашивай. Только не здесь. На входе не надо! Вон туда иди. Там, с обратной стороны, окно есть. Стало быть, там спрашивай. Но только, смотри, старый, чтоб тихо! Прознает кто – и мне достанется, и тебе мало не покажется! Мигом сам к своей дочке отправишься!

– Само собой! Само собой! – закивал, пятась Петрос. – Не беспокойся, любезный! Я осторожно!.. Спасибо тебе, добрый человек! За всё спасибо!.. Да ниспошлют тебе боги благодать и здоровье!.. Да будет твой дом полной чашей!.. Да не покинет его Веста Защитница!..

Он, продолжая пятиться и кланяться, завернул за угол, медленно распрямился и стёр с лица заостренную фальшивую улыбку. Лявну тебе на спину, а не благодать! Ежа в калигу! Солдафон хренов!..

Петрос постоял немного, приходя в себя, затем крадучись прошёл вдоль сложенной из грубого неотёсанного камня стены и, завернув за второй угол, оказался с тыльной стороны тюремного здания. Тут же обнаружилось и окно – узкий зарешёченный проём на высоте примерно пяти локтей от земли.

Петрос огляделся и шёпотом позвал:

– Эй!..

Вокруг стояла тишина, лишь слегка разбавленная далёким треском цикад.

– Эй!.. Есть там кто живой?!.. – снова подал голос Петрос, и снова никто не откликнулся.

Тогда Петрос нагнулся, пошарил по земле ладонью, нащупал маленький камушек и, распрямившись, кинул его сквозь решётку внутрь.

– Э-эй!..

– Кто здесь?!.. Что надо?! – глухо отозвались за окном.

– Я – Петрос! Петрос Проповедник!.. – зашептал Петрос, прижимаясь животом к холодному камню стены и задирая лицо к решётке. – Рабби Шауль здесь?!.. Позовите рабби Шауля!

– Господи! – отчётливо сказали внутри. – Петрос Проповедник!.. Господи, воля твоя!.. Ну-ка помогите! Подсадите меня!.. – за окном что-то задвигалось, зашуршало, наконец чьи-то бледные руки обхватили изнутри прутья решётки и за ними, в темноте, мутно забелело лицо. – Это правда?! Ты точно Петрос Проповедник?!

– Да! Это я!

– Поклянись!.. Поклянись самым дорогим!

– Клянусь! – сказал Петрос. – Клянусь светлой памятью друга моего, рабби Йешу, Помазанника Божьего!

– Господи! – воскликнул человек и, повернувшись, горячо зашептал внутрь, тем, кто, вероятно, держал его, приподняв на руках к решётке: – Это он! Он! Господи! Свершилось!..

И внутри глухо отозвались, зашелестели голоса:

– Он!.. Он!.. Свершилось!.. Спасены!.. Спасибо, Господи!..

– Эй! – снова позвал Петрос. – Позови рабби Шауля! Он здесь?!

– Здесь, – отозвался человек. – Но он не сможет подойти. Досталось ему. Лежит... Дознаватель Варрón лютует. Туда уводят, обратно приносят... Патроклоса, беднягу, так и вовсе чуть не до смерти замучили. Едва дышит. Похоже, не жилец.

– А ты кто? – спросил Петрос.

– Я – Андроникос, – сказал человек. – Андроникос из Тарсосу. Я – двоюродный брат Шауля. Ты не узнаёшь меня?

Петрос помолчал, глядя снизу вверх на маячащее за решёткой расплывчатое пятно лица.

– Узнаю, – наконец сказал он. – Конечно, узнаю! Здравствуй, Андроникос!.. Андроникос, скажи, сколько у вас там сейчас человек? Сколько вас в тюрьме?!

– Много! Очень много! – прижимая лицо к решётке, зашептал Андроникос. – Никто не считал, но много больше сотни. Здесь битком! Не лечь! Лежат только совсем слабые. Да те, кого на дознании покалечили... Петрос!..

– Да!

– Ты... Ты спасёшь нас?!

Петрос переглотнул.

– Я постараюсь... – хрипло сказал он и тут же, спохватившись, исправился: – Спасу, Андроникос! Конечно!.. Обязательно спасу!..

В термополии «Голубка» было почти пусто, и красный преторианский плащ Сервия Кеста не заметить было трудно. Кентурион сидел за самым дальним столом, лицом к стене, и, растопырив локти, ел.

– Кентурион Сервий Кест? – подойдя, негромко спросил Петрос.

Офицер повернул голову, и Петрос внутренне вздрогнул. Это была не «козья морда». Это была маска самой Смерти. Вражеская палица беспощадно перепахала узкое, вытянутое книзу лицо кентуриона. Нос был сломан, вбит страшным ударом вглубь черепа, и от чернеющих дырок ноздрей по щекам во все стороны разбегались грубые перекрученные сизые шрамы. Верхняя губа была рассечена надвое, и в широкой прорехе – покосившимися могильными камнями – чернели бесформенные обломки передних зубов. Можно было только догадываться, какое потрясение испытывали узники Туллианума, когда впервые видели перед собой жуткий лик начальника городской тюрьмы. Должно быть, они думали, что к ним во мрак и холод смрадного подземелья явился посланник свирепого Плутона, чтоб, выбрав себе очередную жертву, утащить её в угрюмое жилище своего хозяина.

– Ну, я Сервий Кест, – лениво отозвался кентурион. – Чего тебе... почтенный?

Видно, из-за больших прорех в передних зубах говорил он несколько невнятно, шепеляво, но в этом не было ничего комичного, наоборот, в сочетании с изуродованным лицом его сиплая, с присвистываниями, речь казалась зловещей, звучала недобро, угрожающе.

– Ты позволишь угостить тебя вином? – спросил Петрос и, не дожидаясь ответа, окликнул хозяина: – Кувшин фалернского сюда! Самого лучшего! И воды! Холодной!.. – он снова повернулся к Сервию. – Разреши присесть?

– Присядь, – двинул бровью тот и, как будто потеряв всякий интерес к собеседнику, снова принялся за баранье ребро, держа его двумя руками перед собой, над столом, – чтоб не закапать жиром одежду.

Петрос, оглядевшись, с трудом подтащил к столу тяжеленный дубовый табурет, уселся за стол сбоку от кентуриона и заставил себя вновь посмотреть ему в лицо.

– Нравится? – не отрываясь от бараньего ребра и не глядя на Петроса, ухмыльнулся преторианец.

– У меня был брат, – неожиданно для себя сказал Петрос. – Младший брат. Его звали Ашер. Мы служили с ним вместе в Нумидии... Его убили мусулами. Трагула попала прямо в лицо.

Сервий Кест перестал жевать и уставился на Петроса серыми водянистыми глазами.

– И что?

Петрос пожал плечами.

– Не знаю... Вспомнилось.

Кентурион побуравил собеседника взглядом и снова принялся за еду.

– Бывает, – вяло процедил он.

Хозяин – шаркающий ногами, толстопузый Косс Раук – принёс и поставил на стол два терракотовых кубка и два кувшина: один – узкогорлый, со следами снятой восковой пробки; второй – широкий, запотевший – с водой.

– Покрепче? – спросил Петрос, поднимая за ручку узкогорлый кувшин.

Сервий Кест покачал головой.

– Наоборот. Мне ещё на службу.

Петрос щедро разбавил вино и пододвинул кубок кентуриону. Тот взял его, отпил, одобрительно кивнул и снова посмотрел на собеседника.

– Я слушаю.

– Ты, насколько я знаю, – комендант Туллианума?

– Я – кентурион-шесть второй преторианской когорты, – строго поправил Сервий Кест. – И только после этого – комендант Туллианума.

– Я понял, – кивнул Петрос. – А скажи, кентурион... Вот те люди, которые содержатся сейчас в твоей тюрьме, ты... ты считаешь их преступниками?

– Я их считаю заключёнными, – сказал Сервий Кест. – А степень виновности каждого из них определяет дознание и суд. Моё дело – охранять, а разбираются пусть другие.

– Удобная позиция... Но неужели тебе всё равно – преступников ты держишь под замком или невиновных?

Кентурион пожал плечами.

– Моё дело – охранять.

– Хорошо, – сказал Петрос, – я тебе скажу... – он глотнул вина, не почувствовал вкуса и отставил свой кубок на стол. – Вот у тебя сейчас в тюрьме больше ста человек. Так?..

– Двести семьдесят шесть, – уточнил Сервий Кест. – И ещё, полагаю, человек тридцать-сорок доставят сегодня в течение дня.

Петрос представил себе три сотни человек внутри, в общем-то, небольшого – шагов двадцать на двадцать – здания тюрьмы и ужаснулся.

– Господи!.. – прошептал он. – Двести семьдесят шесть человек! К вечеру будет за триста... О чём это я?.. Да! Вот у тебя в тюрьме сидит сейчас без малого три сотни человек. Вся вина которых лишь в том, что они верят в СВОЕГО бога! Скажи! Разве это так плохо, когда человек верит в своего бога?! Разве это преступление?!

Кентурион догрыз ребро, бросил кость на тарелку, отодвинул её от себя и облокотился на стол.

– Когда кесарь Клавдий двинулся на Британию... – шаря в зубах языком и то и дело цыкая, неторопливо сообщил он, – я был простым деканом в Девятом «Испанском» легионе... Авл Плавтий тогда нами командовал... Так вот... У меня в контубэрниуме из восьми солдат... шестеро молились своим богам... И это совершенно не мешало им стойко сражаться и... и доблестно умирать... – Сервий Кест замолчал и полез пальцами в рот. Покопавшись, он выудил из зубов кусочек мяса, внимательно рассмотрел его и, поморщившись, спровадил на пол.

– Ну вот! – сказал Петрос, не дождавшись продолжения. – Видишь?! Вера в своего бога не делает человека лучше или хуже. Так почему за это надо бросать в тюрьму?!

– Насколько я знаю, – сказал кентурион, – христиане обвиняются не в этом. На их совести вполне конкретные преступления: нападения на храмы, поджоги, ритуальные убийства...

– Пожирание младенцев... – в тон ему продолжил Петрос. – Ну ты же опытный командир, Сервий! Ты видел смерть! Ты знаешь людей! Неужели ты веришь всем этим нелепым слухам?! Неужели ты, глядя на тех несчастных, что со всей Ромы свозят в твою тюрьму, на этих стариков, женщин, подростков, неужели ты можешь допустить, что они убивают младенцев и уж тем более пожирают их внутренности?!

Сервий Кест молчал и медленно цедил вино, глядя на Петроса поверх своего кубка.

– Чего ты от меня хочешь? – наконец спросил он.

– Я хочу, чтобы ты помог мне спасти невиновных.

Кентурион рассмеялся. Выглядело это довольно страшно.

– Как?

Петрос оглянулся и, понизив голос, сказал:

– У меня в Остии стоит корабль. Полностью снаряжённый и готовый к отплытию. Если сегодня во время первой стражи открыть дверь тюрьмы, к утру все эти ни в чём не повинные люди уже минуют Антиум.

Серые глаза Сервия Кеста, не мигая, глядели на Петроса.

– То есть... ты предлагаешь мне... – медленно сказал кентурион, – выпустить из тюрьмы всех заключённых... а самому вместо них пойти на крест?

– Нет! – горячо возразил Петрос. – Я предлагаю тебе уйти вместе с нами. Сначала в Ахайю, а потом... А потом – куда захочешь. Я дам тебе денег. Много денег! Очень много денег! Ты станешь богатым! Ты даже представить себе не можешь, каким богатым ты станешь. Ты сможешь поселиться, где пожелаешь! купишь большой дом! Землю! Женщин! Рабов! Ты до конца своих дней будешь купаться в роскоши!

– Вот как?! – поднял брови Сервий Кест. – То есть ты полагаешь, что я со своим... неприметным лицом смогу затеряться где-нибудь на просторах империи?

– С теми деньгами, что я тебе дам, ты сможешь уехать туда, где тебя вообще никто не станет искать. В Парфию. В Эфиопию... В Индию, наконец!

– Зачем мне Эфиопия? – пожал плечами кентурион. – И тем более Индия. Что я там буду делать?

– Жить! И, заметь, жить богато! Золото остаётся золотом везде. И в Индии, и в Парфии, и в Эфиопии!

– Золото остаётся золотом здесь, на этом свете. В царстве мёртвых оно ни к чему, – возразил Сервий Кест. – А если я попытаюсь сделать то, о чём ты меня просишь, я очень скоро окажусь не в Индии, а... за Стиксом... Кстати, вместе с тобой... И ты, кстати, напрасно думаешь, что вам так просто дадут уйти. Максимум через час после того, как станет известно о побеге, Остийскую гавань перекроют так, что из порта не выскользнет даже малый челнок. А если вам всё-таки удастся выйти в море, ещё задолго до Антиума вас перехватят боевые триеры.

– Ладно, – сказал Петрос, – возможно, ты прав, и освободить всех сразу нереально. Но, может, попробовать освободить хотя бы кого-нибудь? Потихоньку, незаметно.

– Это как же – потихоньку и незаметно?!

– Ну... люди ведь могут умереть. Люди в тюрьмах всегда умирают. пытки, болезни, духота... Оформляем человека как умершего и ночью потихонечку вывозим его. В списках дознания он вычёркивается как умерший, никто его не схватится, не станет искать. Человека по три-четыре в день без лишних подозрений можно вытаскивать из тюрьмы...

Кентурион фыркнул.

– Глупости! Сразу видно, что ты ничего не смыслишь в тюремных делах.

– Почему, мне приходилось сидеть в тюрьмах, – сказал Петрос. – Причём, неоднократно...

– Но только не в Туллиануме! – отрезал Сервий Кест. – Туллианум – особая тюрьма. Туда можно войти, но оттуда нельзя выйти. Я сейчас, разумеется, имею в виду преступников... Даже умерший в тюрьме преступник не может попасть на волю. По инструкции ему положено вспороть живот и сбросить тело в Большую Клоаку. На нижнем ярусе тюрьмы для этих целей даже предусмотрен специальный люк.

– Ну хорошо! – с отчаянием сказал Петрос. – Хорошо! Я ничего не смыслю в тюремных делах! Но ты! Ты-то ведь знаешь их досконально! Неужели нет ни одного способа спасти невиновных от смерти?! Скажи! Неужели ни одного?!

Сервий Кест не ответил. Он со стуком поставил свой опустевший кубок на стол и кивнул на него собеседнику. Петрос, расплёскивая вино на отполированные локтями посетителями серые щербатые доски, снова наполнил сосуд и резко пододвинул его кентуриону.

– Ты – Симон Саксум. Верно? – спросил вдруг Сервий Кест, в упор глядя на Петроса. – Отставной прим, разыскиваемый за кражу и убийства.

Петрос стиснул зубы.

– Я – Петрос Проповедник, – после паузы сказал он. – А уже после этого – отставной прим, ЛОЖНО обвинённый в краже и убийствах... – он помолчал. – Как ты догадался?

Сервий Кест поморщился.

– Тебя уже два дня разыскивают по всей РOME и по её окрестностям. Твои приметы сейчас знает каждая собака. За доставку тебя живым – особо подчёркнуто: живым! – обещана награда в десять тысяч сестерциев... Чем-то ты изрядно насолил кесарю.

Петрос закрыл глаза, сидел, слушая, как гулко толкается в рёбра сердце, потом снова взглянул в изуродованное лицо кентуриона.

– Ты... Ты арестуешь меня?

Сервий Кест фыркнул.

– Я не доносчик. И не палач. Я ведь тебе уже говорил, моё дело – охрана заключённых... К тому же, я не хочу доставлять радость Меднобородому.

– Ты имеешь в виду... кесаря Нерона?

– Да! – раздражённо сказал кентурион. – Я имею в виду этого фигляра и пьяницу, этого развратника, убийцу собственной матери!

Петрос с удивлением взглянул на него.

– Ты не боишься произносить такие вещи вслух?

– А кто на меня донесёт? – язвительно спросил Сервий. – Уж не ты ли? А других ушей поблизости я что-то не наблюдаю.

– Я опять не понимаю тебя, – сказал Петрос. – Ты ненавидишь и презираешь Нерона, но готов беспрекословно служить ему. Выполнять все его приказы и потакать, понимаешь, его кровавым изуверским прихотям!

– Я служу не Нерону, а кесарю, – возразил кентурион. – Правителю Великой Романской империи. Которым лишь по досадному попустительству богов является сейчас этот бездарный терзатель струн!.. – он помолчал, шумно дыша через торчащие вперёд дырки ноздрей. – Люди не вечны. Они приходят и уходят. Кесари, несмотря на все эти кликушеские вопли о

богоизбранности, – те же люди. Они тоже не вечны. Не вечны даже их статуи на Форуме. И даже храмы, возведённые в их честь!.. А Великая Рома – вечна! Она есть миропорядок! Создаваемый смертными людьми по лекалам бессмертных богов. Для каждого в этом миропорядке отведено своё место. Одному предопределено быть кесарем, другому – рабом... Третьему – кентурионом, смотрителем тюрьмы... Тот, кто пытается нарушить установленный миропорядок, идёт против воли богов. Он сеет хаос и смуту. А значит, пожинает кровь и смерть... Даже несмотря на то, что он якобы выступает, исходя из самых высоких и самых благородных побуждений... По его мнению – из самых высоких и благородных. По мнению маленького глупого человека, который по ограниченной природе своей ничего не понимает в замыслах богов. Не понимает и никогда не сможет понять!.. Так что, Петрос Проповедник, я не стану освобождать твоих людей. Но я и не стану доносить на тебя... – он усмехнулся. – Даже в расчёте на десять тысяч сестерциев.

Петрос потёр ладонью лицо.

– Хорошо... – сказал он. – Я понял... Но ты можешь хотя бы исправить некоторые ошибки, допущенные людьми. Не богами, людьми!

– Что ты имеешь в виду?

– Там, в тюрьме, наряду со взрослыми, сидят дети, подростки. Их-то ты можешь избавить от общей участи?

– Все, не достигшие четырнадцатилетнего возраста, будут установлены дознанием и, безусловно, освобождены. Остальные ответят по закону за всё содеянное, – отчеканил кентурион.

– Закон суров, но он закон.

– А женщины?! А немощные старики?!

– Мера вины каждого будет установлена. Все ответят по закону.

– Почему ты так уверен в беспристрастности дознания? – помолчав, спросил Петрос. – Ты же знаешь этих тупоголовых костоломов! Для них ведь главное не установить виновность или невиновность христиан. Для них главное – выловить их всех до единого. А то, что они виновны, известно заранее. Ведь так сказал кесарь!.. И, поверь, они не рассуждают о высоком, подобно тебе! Они не говорят о предназначении, о воле богов. Они пытаются! Увлечённо пытаются, азартно! Со знанием дела!.. Вот ты сейчас сидишь здесь и пьёшь холодное фалернское, а они там кого-то пытаются! Прямо сейчас! Всаживают, понимаешь, раскалённый прут в задницу! И человек кричит! Страшно кричит! До хрипа! А потом говорит всё, о чём его спросят. И соглашается со всем. И с тем, что он христианин. И с тем, что он убивал младенцев! И с тем, что он их ел!.. Ты же, наверняка, видел всё это и ты сам прекрасно знаешь: под пыткой человек согласится даже с тем, что он – птица и умеет летать!..

Сервий Кест покачал головой.

– Ты напрасно уговариваешь меня. Я могу сколько угодно соглашаться с тобой. Я могу сколько угодно не соглашаться с Меднобородым. От этого ничего не изменится. Человеку не дано изменить предначертанное богами.

Петрос устало прикрыл глаза.

– Скажи, Сервий... Я могу хоть чем-то помочь этим несчастным?

– Можешь, – кивнул кентурион. – Видишь ли, в Туллиануме не предусмотрено кормление арестантов. То есть вообще. На это просто не выделяется денег. Заключение или быстро казнят, или он медленно, но неотвратимо умирает от голода. Если ты не хочешь, чтоб твои люди начали умирать от голода, а мы – вспаривать умершим животы и спускать их в Большую Клоаку, организуй их кормление. Тем более, ты говоришь, деньги у тебя есть.

– Ты полагаешь, что дознание продлится достаточно долго?

Сервий Кест покачал головой.

– Дознание тут не при чём. Просто Нерон сегодня гулял всю ночь, а уже под утро поссорился со Статилией. Разругался вдрызг. Говорят, наорал на неё, даже, кажется, ударил, сам же разобиделся и приказал отвезти себя на виллу, в Тарракину. Так что два часа назад императорский кортеж проследовал через Капенские ворота. Правда, уезжая, этот недоносок кричал, что он, мол, скоро вернётся, что пару дней отдохнёт – и назад, даже приказал на июньские ноны готовить скачки на новом Ватиканском гипподроме. Но на моей памяти ещё не было такого случая, чтобы Меднобородый, запив, вернулся со своей виллы раньше, чем через две недели... Тем более, с ним уехал префект Тигеллин, а это тот ещё пьяница. Они с Нероном вдвоём, пока всё вино в Тарракине не выпьют, не успокоятся... – кентурион махнул рукой. – Так что корми своих людей, Петрос Проповедник, корми, чтоб они раньше времени не поумирали. А на всё остальное – воля богов... –

он допил своё вино и снова пододвинул кубок Петросу. – К тюрьме будешь приходить во время четвёртой стражи. Охранником я на это время буду ставить Эбурна. Это мой племянник. Я его насчёт тебя предупрежу... Только, пожалуйста, не вздумай с ним ни о чём таком говорить! Он слишком молод и слишком глуп! Натворит ещё делов – и себя погубит, и людей твоих, и нас с тобой заодно!.. – Сервий Кест навалился грудью на стол и оскалился, обнажив сизые дёсны с торчащими из них чёрными осколками зубов. – Ты понял меня, Петрос Проповедник?!.. Он же Симон Саксум, отставной прим-декурион...

3

Начало четвёртой стражи – самое глухое время. Город спит, привольно разлэгшись на холмах и спокойно смежив оконные ставни. Давно закрылись самые поздние попины, разошлись с перекрёстков, наоравшись песен, последние гуляки. Пусты храмы и термы. Пусто на рынках и форумах. Пусто в театрах, цирках и на гипподромах. Пусто на улицах и площадях. Спят жители Ромы.

Спят жрецы и сенаторы. Спят патрисии и плебеи. В душных казармах тревожным сном спят солдаты. Спят, свернувшись на грязном тряпье, измученные рабы. В пропахших мужской похотью лупанариях, спят уставшие проститутки. Город отдыхает. Он рад хоть ненадолго забыть о дневных хлопотах. Отрешиться от суеты и волнений. От забот о хлебе насущном. От изнуряющей летней жары. Свежий ночной ветерок гладит прохладной рукой горячие лбы домов, дует на обожжённые солнцем крыши многоэтажных инсул, пробегает на цыпочках по узким ущельям улиц, рябит, забавляясь, чёрную воду Тибра, заставляя дрожать отражённые в ней, ярко освещённые факелами ожерелья пустых мостов. Ветер свободно проникает в город через распахнутые настежь городские ворота, где привратная стража зевает от скуки или потихоньку дремлет, прислонившись к стене – у неё нет работы. Все, кто хотел въехать в город, давно уже к этому времени добрались до места, а те, кто собирается выехать, ещё не трогались в путь.

Начало четвёртой стражи – самое тихое время. Чуткую ночную тишину лишь изредка нарушают шаги патрульных вигилов, да порой прогремят по булыжной мостовой колёса одинокой повозки – то ли кто-то прибыл из дальних мест, лишь к исходу ночи одолев большую дорогу, то ли, наоборот, кто-то сильно расчётливый собрался в неблизкий путь, надеясь проскочить как можно больше по холодку, до дневной жары. А может, кто знает, это шныряют по ночным переулкам по своим тёмным делам лихие люди, встреча с которыми не сулит ничего хорошего. Берегись запоздалый прохожий! Берегись беспечный купец, сэкономивший на замках и запорах! Волка ноги кормят, а вора – ночь!

Начало четвёртой стражи – обычно и самое тёмное время. Но нынче пробираться наощупь, спотыкаясь или рискуя вступить во что-нибудь непотребное, выплеснутое из окон верхних этажей, не приходилось – почти полная луна, висая над Тибром, вполне сносно освещала окрестности своим желтоватым мертвенным светом. Парис и Фотиос – сыновья Линоса – здоровые лбы, шли впереди и, казалось, играючи тащили на плечах огромные мешки, плотно набитые хлебными лепёшками. Петрос ковылял сзади. Ему достался мешок поменьше и полегче – с сырными головками. Поначалу ноша показалась Петросу вполне приемлемой по весу, но вскоре он горько пожалел о том, что не взял нынче с собой третьего сына Линоса, юного Кирикоса, отвечавшего обычно в ночных вылазках за «сырный» мешок. Телегу, как всегда, оставили перед Гемониями, и уже через два десятка ступеней мешок, поначалу спокойно и даже уютно висевший у Петроса на плече, начал проявлять свой характер. Он налился свинцовой тяжестью, стал почему-то раскачиваться из стороны в сторону, а затем и вовсе принялся хулиганить, то норовя вывернуть Петросу руку из плеча, то пытаясь опрокинуть своего хозяина назад – спиной на крутые ступени лестницы. Петрос запыхался. Он то и дело останавливался, прислонялся плечом к влажным от росы камням вздымающейся над лестницей крепостной стены, тяжело, с присвистом, дышал, потом, вскинув мешок повыше, преодолевал, спотыкаясь, ещё несколько ступеней и снова останавливался, обливаясь потом и хватая воздух широко разинутым ртом – как выброшенная штормом на берег рыба. Спасибо Парису: юноша, добравшись до конца лестницы, оставил там свой мешок и, спустившись назад, подхватил одной рукой под локоть Петроса, другой – его своенравную ношу и чуть ли не бегом втащил обоих наверх, к ожидавшему их Фотиосу.

– Погоди!.. – сказал Петрос и, оглядевшись, тяжело опустился на каменный бортик, отделявший проезжую часть от пешеходной вымостки. – Дай отдышаться!.. Сердце, понимаешь, зашлось...

Братья переглянулись и уселись рядом, утвердив свои мешки между ног.

Они находились сейчас на Широкой улице, примерно в четверти стадия от Родниковых ворот. Улица – действительно широкая, не менее двадцати шагов от края до края проезжей части – была абсолютно пуста, и под аркой ворот тоже никого не усматривалось, стояла там непроглядная темень, – лунный свет туда не проникал...

Сегодня они шли в Туллианум в двадцать шестой раз. И, похоже, – в последний. Накануне днём со своей виллы в Тарракине в Рому вернулся кесарь Нерон.

Вернулся он в скверном расположении духа – то ли недопил, то ли всё-таки перепил; во всяком случае, почти месячный запой пошёл принцепсу явно не на пользу: он оплыл телом, обрюзг, кожа на лице у него залоснилась и приобрела какой-то нездоровый, бледно-зеленоватый оттенок – как на брюхе у перевернутой на спину болотной жабы. Стал он ещё более раздражительным и вспыльчивым. Походка у него сделалась неуверенной, руки постоянно дрожали. И даже пахло от него теперь как-то по-другому – то ли скисшим вином, то ли заношенной до осклизлости овечьей шкурой.

Сразу же по возвращении кесарь вспомнил про христиан – как будто весь этот месяц только и думал о них, прикидывал между переменами вин: как бы их ещё, подлецов, ущемить?! чем бы их, мерзавцев этаких, ещё прищучить?! Дознание по делу злонравной секты, начавшееся весьма ретиво, с отъездом кесаря быстро утратило весь свой азарт, увяло, а вскоре и вовсе сошло на нет – с одной стороны, из-за вопиющего недостатка конкретных преступлений, с другой – из-за отсутствия подгоняющей и довлеющей воли, каковая была растрочена заказчиком в Тарракине на утреннюю икоту, дневной нездоровый сон и вялое ночное блевание под стол. Впрочем, выяснилось, что воля эта растрочена не полностью – кесарь про христиан, оказывается, не забыл и первое, что он сделал, прибыв в Рому, это приказал привести к нему главаря опасной секты. Шауля спешно доставили во дворец. Но разговора не получилось. «С какой целью ты набираешь людей в РOME? – спросил Нерон, давясь тухлой отрыжкой и неприязненно глядя на стоящего перед ним грязного, провонявшего тюрьмой Шауля. – Зачем ты вовлекаешь в свою секту мою прислугу? Ведь из них почти никто не является иудеем. Ты что, может, задумал покуситься на мою власть?» «Мы набираем людей не только в РOME, но и по всему миру, – вскидывая голову и целя в кесаря всклокоченной бородой, гордо сказал Шауль. – И не только иудеев, но и язычников. Ибо сказано: не отвергай никого из желающих служить Богу и поклоняться Спасителю нашему – Помазаннику Иисусу. И ты, кесарь, можешь поклониться Ему. Ибо только Он один спасёт тебя в день Страшного Суда! Ни богатство твоё, ни власть, ни блеск твоей нынешней жизни – нет! Только покорность! Умались и покорись Ему! Ибо час Страшного Суда близок!! И в час этот Господь сотворит брань с миром!! И огонь всепожирающий праведный взлетит до небес и пожрёт города и земли!! И не спасётся никто, кроме уверовавших!! Ибо сказано...» Нерон подал знак, и стоявший справа от Шауля стражник коротко, но сильно ударил пленника в ухо. Рабби заткнулся на полуслове и повалился на мраморный пол, как тряпичная кукла. «Всех – на костёр!.. – морщась и передёргиваясь от гнусной отрыжки, лениво приказал кесарь. – Выжечь эту скверну! Чтоб даже запаха ихнего в городе не осталось. Всех до единого – на костёр!» Присутствовавший при этой сцене префект Квинт Лонгин осмелился подать голос: «Кесарь! Дознание установило: этот иудейский проповедник – гражданин Ромы, причём он из знатной семьи. Дозволь поступить с ним по закону – отсечь ему голову?» Нерон, уже потерявший было интерес к разговору и направляющийся к выходу, сразу остановился. «Из знатной семьи, говоришь? И что, может, богатая семья?» «Увы, – развёл руками префект, – когда-то была богатая. У его деда, – он кивнул на лежащего на полу арестанта, – было больше двух сотен рабов. Но уже его отец зарабатывал на жизнь тем, что собственноручно шил палатки». Кесарь теперь взглянул на Шауля чуть ли не сочувственно. «Ладно, – кивнул он Квинту Лонгину. – С этим можешь по закону. Коль гражданин – можешь по закону... – он снова двинулся к дверям и снова приостановился. – И вот ещё что... Греков. Среди них есть греки?... Этих тоже... мечом... Но всех остальных – на костёр!»...

Через два часа на Марсовом Поле рабби Шаулю, а также трём грекам-христианам – Трёмфимосу, Аристархосу и Олимпосу – отсекали головы. Всех дворцовых, уличённых дознанием в принадлежности к христианской секте: Феста Галата, Ури Каппадокийца и Барсабаса по прозвищу Иустос, а также ещё семерых заключённых – первых попавшихся, просто оказавшихся в Туллиануме ближе других к дверям, – сожгли на костре.

Народу на Марсовом Поле собралось немного – казнь состоялась в полдень, в самый зной, и мало кому захотелось тащиться по раскалённому булыжнику, по солнцепёку на другой конец города, чтобы ещё и «погреться» возле огромных жарких костров.

Чудом спасся от сожжения юный Патроклос. Во время дознания ему перебили ноги, и когда в Туллианум пришли солдаты – забирать осуждённых на казнь, он лежал в дальнем углу тюремной залы и, разумеется, на своё имя, выкликнутое старшим караула, к дверям не вышел и, вообще, сразу не отозвался. А потом в возникшей суете про него попросту забыли. Впрочем, полноценным спасением это вряд ли можно было назвать. Просто бывший царский виночерпий получил ещё один день жизни. Казнь всех остальных заключённых отложили на следующий вечер – кесарь Нерон распорядился провести назавтра скачки на новом гипподроме у Ватиканского холма, и пожелал возвращаться после представления во дворец по дороге, освещённой живыми факелами.

Петрос узнал о состоявшейся казни ближе к вечеру, когда всё уже было кончено, и на Марсовом Поле дымились, остывая и потрескивая, десять пепелищ, распространяя вокруг себя тошнотворный запах горелого мяса.

Ему удалось – он успел! – выкупить у палачей тела обезглавленных, и в тот же вечер всех четверых похоронили в небольшом склепе на берегу Тибра в десяти стадиях от города, там, где Остийская дорога, упираясь в реку, поворачивает на юг...

А сейчас они несли в Туллианум хлеб и сыр для заключённых. Они несли несчастным еду, как делали это вот уже двадцать пять ночей подряд, и Петрос понимал, что нынешний поход – последний. Он поэтому и не взял с собой Кирикоса – мало ли чего, смерть есть смерть, и люди перед смертью ведут себя по-разному, и кто знает, что пришлось бы увидеть и услышать нынче у здания тюрьмы впечатлительному юноше.

На сегодняшнюю ночь в Туллиануме оставалось двести восемьдесят девять человек: триста восемь было арестовано с начала дознания, пятеро за минувшие дни умерли, не выдержав пыток или заболев, четырнадцать человек казнили вчера. Никого из арестованных следствие не признало невиновным и не посчитало возможным освободить из-под стражи: ни двенадцати-тринадцатилетних подростков, схваченных под горячую руку вместе с их родителями; ни согбенного старца Авирáма, которого в тюрьму и то несли на руках, поскольку он давно не мог ходить сам; ни беременную жену Товии Алмазника, Цилу́, огромный живот которой уже не позволял женщине сидеть. Ни тех, кто даже близко не имел отношения к христианской общине и попал в тюрьму по злему навету или по случайности. Двести восемьдесят девять человек должны были нынче вечером стать живыми факелами, чтобы осветить Венценосному кесарю дорогу от Ватиканского гипподрома до Золотого Дворца...

– Ну что, дядя Петрос, отдохнул? Пойдём? – подал голос старший из братьев, Фотиос.

– Да... Да... – Петрос, кряхтя, поднялся и взялся за свой мешок.

– Дядя Петрос, давай я понесу, – предложил Парис. – Мне не тяжело. Я и с двумя мешками справлюсь.

– Справишься, – согласился с ним Петрос. – Вон ты какой здоровяк – быка на плечах поднимаешь. Только всё равно не надо. У каждого должна быть своя ноша. Лучше помоги поднять. Ну-ка!..

С помощью юноши он взвалил свой мешок на плечо и медленно двинулся к воротам.

Стража обнаружилась сразу за аркой – в маленьком дворике, отделяющем внешние ворота от внутренних. За время своих ночных походов Петрос перезнакомился уже со всеми караульными, нёсшими службу у Родниковых ворот. Сегодня дежурила смена Гая Эксомниса.

– А! Почтенный Петрос! – обрадовался преторианец. – А я уже подумал, что ты сегодня не придёшь. Зачем переводить еду на тех, кому жить осталось до вечера? – он хохотнул.

– Ничего... Пускай нынче тоже поедят. Сытому-то всё легче... Ничего... – бормотал Петрос, привычно отсчитывая в ладонь солдата глухо позвякивающие монеты – плату за молчание и лояльность: сестерций – лично ему и по дупондию – каждому из караульных.

– Что ж ты, почтенный Петрос, мешок-то сам тащишь?! – удивился Гай Эксомнис, получив деньги и преисполняясь от этого участием и заботой. – А где этот твой малец, шустрый такой? Как его?.. Кирикос, кажется?

– Кирикос, – подтвердил Петрос, снова утверждая мешок на плече. – Да он... Он, понимаешь, ногу натёр. Сильно натёр. Не ступить.

– Что ж он так!.. – опечалился старший смены. – Ну, ничего. Эй, Спурий! Давай-ка, подсоби почтенному Петросу! Прими у него мешок!

– Не надо! – попытался отделаться Петрос от неожиданной помощи. – Я донесу, ничего!

– Надо-надо! – не унимался Гай Эксомнис, чуть ли не насильно снимая с Петроса его ношу и перекладывая её на плечо подбежавшего молодого солдата. – А то где это видано, чтоб почтенные старцы такие тяжести таскали?! Давай, Спурий! Донесёшь мешок до Туллианума, поможешь почтенному Петросу и – стрелой назад. Понял?! Да не торчи там, возле тюрьмы, не глазами, а то тюрьма она – того, дело заразное! – он снова хохотнул.

Сразу за вторыми воротами небольшая процессия свернула направо и по узкой вымощенной дорожке, что полого спускалась вдоль внутренней стороны городской стены, вышла к Туллиануму.

Сначала Петрос даже не понял, почему остановились, как вкопанные, шагавшие до этого широко и мерно, братья, почему молодой Спурий, наткнувшись на их каменные спины, уронил к ногам мешок и забормотал, ёжась и испуганно поводя из стороны в сторону своей лопухой головой: «О, боги!.. Что же это?!.. Огради, святая Юнона Заступница!..» А потом он услышал вой. Вой, от которого у него у самого перехватило дыхание и в животе проснулся и заворочался огромный шершавый кусок льда. Многоголосый, приглушённый толстыми стенами вой, разносящийся в ночной тишине от здания тюрьмы, – плач и стоны обречённых на смерть людей.

– На-ка!.. – Петрос сунул в ледяную руку Спурия монету и, развернув солдата за плечи, подтолкнул его назад, в сторону ворот. – Ступай!.. Ступай! Нечего тебе здесь!..

Дважды просить не пришлось. Спурий, даже не посмотрев на зажатые в ладони деньги, шмыгнул, втянув голову в плечи, в тень от городской стены и мгновенно растворился в темноте.

Петрос подобрал с земли свой мешок и подтолкнул братьев:

– Пошли!.. Пошли. Чего уж тут... – он огляделся. – Что-то Эбурна не видать...

Племянник Сервия Кеста обнаружился сразу за углом. Он сидел на земле, прислонившись спиной к тюремной стене, отбросив в сторону своё копьё и зажимая руками уши. Его трясло. Завидев Петроса, солдат вскочил и бросился к нему.

– Как же э... это?!.. – заикаясь и размазывая слёзы по лицу, запричитал он. – Да разве ж т... т... так можно?!.. Да разве ж а... а... они не люди?!..

Петрос обнял его за плечи.

– Люди, – сказал он. – Они как раз люди. Нелюди – там, – он кивнул туда, где за Форумом, на фоне звёздного неба, вздымалась высвеченная луной громада Золотого Дворца. – Запомни это, сынок! Накрепко запомни! Навсегда... – он рукавом вытер солдату мокрое лицо. – Всё... Успокойся. Успокойся и ступай на пост. Мало ли, кто придёт... Всё. Иди, Эбурн!

Юноша подобрал с земли копьё и, всхлипывая, отправился к дверям тюрьмы.

С тыльной стороны тюремного здания звук сделался громче. Он выплывал из узкого зарешёченного окна и тёк вверх по склону Капитолийского холма – к величественному, увенчанному многочисленными статуями, храму Согласия.

Петрос поднял лежавшую у стены палку и осторожно постучал по решётке. В окне почти сразу появилась чья-то голова.

– Петрос! Петрос! – зашептал человек, прижимаясь лицом к решётке. – Это я! Херодион! Петрос, это ты?!

– Да, – сказал Петрос. – Я.

– Петрос! – голос человека дрожал и срывался. – Петрос, нас всех казнят! Рабби Шауля уже казнили! И Аристархоса! И Трофимоса! И ещё других! Петрос! Как же это?! Ты же говорил! Ты обещал! Петрос! Что же ты, Петрос?! Ты же обещал!..

– Помолчи! – строго сказал ему Петрос. – Послушай меня!.. – сердце его вдруг дёрнулось, затрепетало, как пойманная в ладонь птичка, и он закашлялся. – Слу... Слушай меня, Херодион!.. Успокойся и передай всем, чтоб тоже успокоились. Я просто не знал, что кесарь вернулся в Рому. Я узнал, когда уже было поздно. Понимаешь?!.. Поздно уже было!.. Но вы не бойтесь! Я обещаю! Слышишь?! Я обещаю, что больше не пострадает ни один человек! Ни один! Я слово даю!.. Сегодня же вас всех выпустят. Слышишь меня?! Сегодня вы все окажетесь на свободе!.. Вас в Остии уже ждёт корабль. Большой быстроходный корабль! «Гесиона». Сегодня вы все уплывёте из Ромы!..

– Но... Как же?! «Гесиона» же ушла! – в голосе Херодиона прозвучало недоверие. – Она же ещё тогда ушла на Коринфос!

– «Гесиона» уже в Остии, Херодион! Три дня как вернулась. Им повезло с ветром... Так что успокой людей! Скажи, что Петрос Проповедник о вас помнит и он вас не оставит. Что он обещает. Что всё будет хорошо! Сегодня вы все уплыёте на Коринфос! Слышишь, Херодион?! Все до единого!.. Вы выйдете сегодня вечером из Остии с попутным ветром и поплывёте на запад. Прямо на заходящее солнце! Ветер будет плотным, и вы поплывёте так быстро, что чайки станут отставать от корабля. Ты плавал когда-нибудь на корабле, Херодион?.. Нет?.. Тебе понравится!.. А потом, когда берег скроется из виду и море окутает тьма, вы повернёте на юг. Плаванье будет спокойным, штормов в это время года не бывает, и через десять дней «Гесиона» бросит якорь в Коринфосе... Ты слышишь меня, Херодион?!

– Да!.. Да! Я слышу тебя, Петрос!.. – тихо отозвался из окна Херодион. – Слышу! – он плакал.

– Так что всё будет хорошо! Я обещаю!.. А пока принимайте хлеб... Фотиос! Парис! Давайте!..

Парис привычно опустил под окном на четвереньки, а Фотиос, взгромоздясь вместе с мешком ему на спину, принялся сноровисто переправлять через решётку хлебные лепёшки. Чьи-то руки принимали их и передавали дальше, вглубь тюрьмы. Внутри глухо зазвучали голоса, несколько раз отчётливо прозвучало: «"Гесиона"!» Коринфос!.. Петрос! Петрос сказал!..» Вой постепенно затих. Вслед за хлебом внутрь тюрьмы перекочевал и сыр. Петрос подобрал с земли пустые мешки, свернул их и сунул под мышку.

– Уходим! – хмурясь и стараясь не смотреть в сторону окна, кивнул он братьям.

– Петрос!.. – окликнули его из-за решётки. – Петрос, подожди!

– Что? Кто это?

– Это я – Йерохам! Ты помнишь меня? Я был помощником рабби Шауля... Не уходи, Петрос! Погоди! Тут... Тут разговор к тебе есть! Просьба!

Петрос нехотя вернулся к окну.

– Слушаю тебя, Йерохам.

– Петрос! У нас тут много необращённых. В том числе и язычников. Каждый третий, почитай. Солдаты ведь брали всех без разбору. А дознаватель Варрон, он ведь даже не спрашивал, христианин ты или нет. Знаешь такого-то? А он тебя знает? И всё! Достаточно! Значит, тоже причастен!.. Петрос! Они все хотят обратиться в нашу веру! Слышишь?! Они хотят принять смерть христианами!..

– Постой! – перебил его Петрос. – Я ведь сказал, что никто больше не умрёт! Я же сказал, что сегодня всех выпустят!

– Да! Да, конечно! – поспешно согласился Йерохам. – Я слышал. И про корабль слышал. И про попутный ветер... И про чаек... Но... Ты пойми, Петрос, они... Они боятся! Им страшно, Петрос!

– Так успокой их! Поговори с ними! Скажи: всё будет хорошо! Петрос Проповедник вас вызовет!

– Петрос! – помолчав, негромко и как-то обречённо произнёс Йерохам. – Я всё понимаю... Конечно, ты всех спасёшь. Мы... мы все верим в это. Конечно же, ты поговоришь с кесарем, и он... одумается. И всех сразу помилует. И мы все уплывём на «Гесионе» в Коринфос. Конечно... Но... Но я прошу тебя! Благослови их, Петрос!.. Пожалуйста!

Петрос сжал челюсти так, что у него заскрипели зубы. Птичка в груди вновь ожила и затрепетала, и он снова закашлялся.

– А ты?.. – подавляя кашель и с трудом выталкивая наружу слова, спросил он. – Почему ты сам не благословишь их? Ты же был помощником рабби!

– Да! – сказал Йерохам. – Я был помощником рабби. Всего лишь помощником. А ты – апостолос! Ты – друг и ученик рабби Йешу! Ты видел его. Ты видел живого Помазанника Божьего! Ты слышал его голос! Ты говорил с ним!.. Поэтому... Господи! Да кому как не тебе?!

Петрос растерялся, он вдруг ощутил себя маленьким и беспомощным. И ещё – подлым! До невозможности подлым! Он чувствовал себя сейчас, как пойманный за руку мелкий базарный воришка. У него даже уши горели!

– Но... Но как?! Я – здесь, вы – там!.. И миква! Нужна же миква! Господи, нельзя же без миквы!.. Я... Я не знаю, Йерохам! Я не знаю, как!

– Ну придумай что-нибудь! Ты же... Ты же апостолос! – с отчаянной настойчивостью, почти возмущённо потребовал заключённый.

– Хорошо... – сказал Петрос, сдаваясь. – Ладно... Ладно, Йерохам! Я... Я всё сделаю. Я благословлю... – он покусал губу. – Хорошо... Пусть они подойдут к окну... Йерохам! Ты слышишь?!.. Пусть они подходят к окну. По одному. По очереди... Фотиос! Парис! Помогите мне!..

Младший из братьев снова опустился на четвереньки, и Петрос с помощью Фотиоса взобрался ему на спину. Он ухватился за холодные прутья решётки и оказался лицом к лицу с Йерохамом.

– Воды! – сказал Петрос. – Вода нужна. Хотя бы немного. Есть у вас вода?

– Да!.. – воскликнул Йерохам и канул в темноту. – Да! Сейчас!

Вскоре с той стороны на окно поставили донышко от разбитого кувшина. И почти сразу же из темноты к решётке приблизилось чьё-то лицо.

– Благослови, отче!

– Как зовут тебя, сын мой? – Петрос изо всех сил старался, чтобы голос звучал уверенно и спокойно.

– Акива́.

Петрос окунул пальцы в осколок кувшина и начертал на лбу Акивы две буквы: перечёркнутую вертикальной чёрточкой, лежащую на боку галочку и неровный крест – «алаф» и «тав» – Исток и Устье, Начало и Конец.

– Омывшись, очистишься от скверны... Омывшись, очистишься от грехов... Омывшись, чист будешь пред Богом... – что-то мешало Петросу говорить, какой-то комок стоял у него в горле, и он после каждой фразы пытался его проглотить, но у него не получалось. – Приветствую тебя в нашей общине, брат Акива!

– Спасибо, отче!

Акива исчез, и на его месте сразу же показалась голова другого человека.

– Благослови, отче!

– Как зовут тебя, сын мой?

– Гилья́д.

Пальцы окунаются в воду – «алаф» и «тав».

– Омывшись, очистишься от скверны. Омывшись, очистишься от грехов. Омывшись, чист будешь пред Богом. Приветствую тебя в нашей общине, брат Гилья́д!..

Ещё одно лицо.

– Благослови, отче!..

«Алаф» и «тав».

– Омывшись, очистишься от скверны. Омывшись, очистишься от грехов... Приветствую тебя в нашей общине, брат Йошафа́т!..

– Благослови, отче!..

– Омывшись, очистишься... Приветствую тебя в нашей общине, брат Яна́й!..

– Благослови, отче!..

– Благослови, отче!..

– Благослови, отче!..

– Приветствую тебя в нашей общине, брат Эйра́н!..

Вода в осколке кувшина кончилась, и Петрос попросил принести ещё. У него затекли ноги и сильно болела спина.

– Фотиос, придержи́вай меня!.. – попросил он; сильные руки старшего из братьев упёрлись ему в поясницу. – Парис, ты как там?

– Я – нормально... – отозвался юноша. – Всё хорошо, дядя Петрос, не беспокойся.

Наполненное водой донышко от кувшина вновь встало на окно за решёткой.

– Благослови, отче!

– Как зовут тебя, сын мой?..

Петрос стал экономить. Он окунал теперь в воду только один палец и чертил на челе обращаемого лишь одну букву «тав» – маленький крест.

– Приветствую тебя в нашей общине, брат Цадо́к...

– Приветствую тебя в нашей общине, брат Шимо́н...

– Приветствую тебя в нашей общине, брат Бээ́ри...

– Благослови, отче!

Петрос вздрогнул. Это был голос Сати! Звонкий, почти детский, но, в то же время, нежный, текучий, шелковистый. Он узнал бы его из тысяч! Её голос!!

– Что?!.. Кто?!.. Кто ты?!

– Меня зовут Хава́.

– Хава... Сколько тебе лет, Хава?

– Тринадцать, отче.

Петрос окунул пальцы в воду и начертал на челе девочки крестом.

– Омывшись, очистишься от скверны. Омывшись, очистишься от грехов. Омывшись, чиста будешь пред Богом. Приветствую тебя в общине, сестра Хава.

Он не выдержал и погладил девочку по щеке. И сейчас же горячие губы отыскивали его руку и прижались к ней.

– Благодарю! Благодарю тебя, отче!..

– Сати!.. – прошептал Петрос, мгновенно ослепнув от слёз. – Сати, девочка моя!..

– Меня зовут Хава, отче.

– Да... Да, я помню! Хава...

Петрос почти не мог стоять. Он совсем не чувствовал свою левую руку, которой он держался за решётку. Ноги у него подгибались, на плечах как будто кто-то сидел. Его душили слёзы. Он часто моргал, но всё равно почти ничего не видел перед собой. Впрочем, закрыл он совсем глаза, ничего бы не изменилось – его рука раз за разом повторяла одни и те же движения.

Крестом...

– Приветствую тебя в общине, брат Мошэ...

Крестом...

– Приветствую тебя в общине, брат Исидорос...

Крестом...

– Приветствую тебя в общине, сестра Рахэль...

Крестом...

Крестом...

Крестом...

У него опять закончилась вода, но он не попросил принести ещё. Он просто стал брать пальцами слёзы, которые безостановочно катились у него по щекам, и чертить крест слезами.

– Омывшись, очистишься от скверны. Омывшись, очистишься от грехов. Омывшись, чиста будешь пред Богом. Приветствую тебя в общине, сестра Шифра́...

– Приветствую тебя в общине, сестра Ксения...

– Приветствую тебя в общине, брат Ингён...

Он не запомнил, как оказался на земле. Он сидел под стеной тюрьмы, и старший из братьев поил его водой из того самого доньшка от кувшина...

Луна давно зашла. На северо-востоке занимался новый день: там уже засветлело небо, и громада Золотого Дворца казалась на его фоне угольно-чёрной. Окружающий мир осторожно проступил сквозь тьму, но он ещё был плохо прорисован, он был безжизненным, серым и плоским, и встающему где-то за горизонтом солнцу ещё предстояло вдохнуть в него жизнь, растормошить, раскрасить в яркие цвета...

– Дядя Петрос, ты в порядке?

– Что?.. Да, мой мальчик. Я уже в порядке. Мне уже лучше.

– Встать сможешь?

– Встать?.. Встать смогу. Наверно. Но пока не хочу. Я посижу ещё... А вы ступайте. Идите домой.

– Домой?! Но как же?!..

– Идите-идите! За меня не беспокойтесь. Я – в порядке... Просто я тут... У меня тут ещё одно дело.

– Какое ещё дело? – недоверчиво спросил Парис.

Петрос строго посмотрел на него.

– Важное!.. Важное дело! Причём, понимаешь, не для юных умов! Так что идите!.. Фотиос! Передай отцу, чтобы он нашёл Офира. Пусть Офир срочно готовит «Гесиону» к выходу. Срочно! К сегодняшнему вечеру! Понял?..

– Дядя Петрос, – недоверчиво спросил Фотиос, – ты, в самом деле, полагаешь, что?.. – он не договорил

– Да! – сердито сказал Петрос. – Да, я полагаю!

– Но как же ты?!.. Как ты собираешься?!..

– Всё! – оборвал его Петрос. – Всё! Что и как я собираюсь делать, тебя не касается! Совсем не касается! Дядя Петрос знает, что делает!.. И не спорь со мной! Молоко ещё на губах не обсохло, чтоб, понимаешь, спорить!.. Мешки вон лучше подбери! И марш оба домой!.. Запомнили, что отцу передать?!.. И всё, и топайте!..

Когда юноши ушли, Петрос устроился поудобней, подтянув колени к груди и опёршись на них руками, и стал ждать. Он был почти спокоен. Он вдруг почувствовал себя как тогда, в Нумидии, на Пагиде. Господи! Когда ж это было?!.. Сорок?.. Да! Сорок семь лет тому назад! Он снова был молод и силён, и ему снова некуда было отступать. За его спиной были раненые, за его спиной были женщины и дети. А перед ним был враг. Жестокий, беспощадный, неумолимый враг. И он смотрел этому врагу в глаза. Прямо в глаза. И не было между ним и врагом ничего, кроме верного меча и надёжного щита...

Небо на северо-востоке сначала порозовело, потом пожелтело, и вдруг в воздухе возник и поплыл отдалённый, пронзительный и в то же время заунывный сигнал букины – это на башне Эсквилинских ворот, самой восточной и самой высокой башни городской стены, дозорные увидели край восходящего солнца. Сигнал первой букины подхватили сигнальщики с других башен, откликнулись букины в преторианском лагере на Ивовом холме, звук прокатился над просыпающимся городом, сообщая об окончании ночи и наступлении первой дневной стражи.

Вскоре от входа тюрьмы послышались голоса. Петрос с трудом поднялся на ноги и вышел из-за угла. Он увидел, как и ожидал, кентуриона Сервия Кеста в сопровождении небольшого отряда солдат. При виде Петроса кентурион удивлённо вскинул брови, а один из преторианцев, видимо, старший дневной смены – вислопечий здоровяк с узловатыми, как корни дуба, руками – положил ладонь на рукоять меча и решительно двинулся Петросу навстречу: посторонний на охраняемом объекте – непорядок!

– Всё нормально, Гай! – остановил солдата Сервий Кест. – Это ко мне... – он подошёл вплотную к Петросу и пристально посмотрел ему в лицо. – Я не ошибся, почтенный?

– Ты поразительно догадлив, кентурион, – криво усмехнулся Петрос. – У меня к тебе разговор... – он глянул через плечо Сервия Кеста на солдат, столпившихся у входа в тюрьму и с любопытством наблюдающих за происходящим. – Только, желательнее, чтобы он состоялся без лишних ушей.

Кентурион пожал плечами.

– Так в чём дело? Я сейчас здесь закончу, и пойдём в «Голубку», там и поговорим.

– Нет, – покачал головой Петрос. – Это срочно. Давай отойдём.

– Ну давай... – снова пожал плечами Сервий Кест, он повернулся к солдатам. – Гай! Продолжайте пока без меня! И смотри, чтоб всё строго по предписанию! Я проверю!.. Так что ты от меня хочешь, отставной прим Симон Саксум? – спросил кентурион, когда они с Петросом остановились, завернув за угол тюрьмы. – Только, пожалуйста, не пытайся снова меня подкупить! Мы с тобой, кажется, уже всё подробно обговорили на этот счёт, так что не начинай всё заново.

– Хорошо, – покладисто сказал Петрос. – Я не буду начинать заново. Просто у меня к тебе есть две просьбы... – Сервий Кест сделал протестующее движение, и Петрос успокоительно поднял руку. – Нет-нет, я не собираюсь просить тебя ни о чём противозаконном! Наоборот... Я хочу, чтобы ты честно и добросовестно исполнил свой долг да ещё и заработал при этом десять тысяч сестерциев. Скажи, ты можешь доставить меня к кесарю?

Кентурион ошарашенно уставился на него.

– Ты... Ты в своём уме?! Давай я тебя лучше сразу здесь проткну мечом! Так, по крайней мере, ты не будешь долго мучиться!

Петрос усмехнулся.

– Иногда, понимаешь, приходится немного помучиться. Ради пользы дела. Так ты не ответил на мой вопрос. Ты сможешь доставить меня к Нерону?

Сервий Кест, продолжая удивлённо смотреть на Петроса, покачал головой.

– Я не вхож к императору. Я могу отвести тебя либо к префекту претория Гаю Тигеллину, либо к городскому префекту Квинту Лонгину. А они уже, соответственно, доставят тебя к Меднобородому... Но я не пойму, зачем тебе это надо?!

– Хорошо, – сказал Петрос, игнорируя вопрос кентуриона, – доставь меня к любому из префектов... И тогда сразу второе... – он задумчиво запустил пальцы в бороду. – Тебе сегодня поступит приказ: освободить всех заключённых Туллианума. В этой связи...

– Чей приказ? – перебил его Сервий Кест.

– Как чей? – удивился Петрос. – Разумеется, кесаря Нерона!

– Ты... Ты полагаешь, кесарь Нерон помилует всех заключённых? Просто возьмёт и отпустит их по домам?! Но с какой стати?!

– Я его попрошу об этом.

Кентурион даже приоткрыл рот от удивления.

– Ты?!.. Ну, знаешь!.. Ты или до глупости самонадеян! Или... попросту свихнулся!

Петрос улыбнулся.

– Нет, кентурион. Я не глуп и не самонадеян. И с головой у меня, несмотря на мои годы, тоже, слава Богу, всё в порядке... Просто у меня есть для кесаря Нерона один неотразимый довод. У меня есть для него очень интересное предложение, от которого он вряд ли сможет отказаться.

– Какое ещё предложение?!

Петрос скептически оглядел собеседника.

– Ты действительно уверен, что хочешь это знать?.. А тебя не настораживает то, что сам кесарь объявил охоту на какого-то отставного прима? Что он, несмотря на свою скупость, обещает за его поимку большие деньги и особо подчёркивает, чтобы преступника доставили к нему живьём? Ты, правда, готов разделить нашу с императором тайну?

Сервий Кест опомнился.

– Да, ты прав! Лучше мне, пожалуй, не соваться в эту тёмную историю. Как говорится: меньше знаешь – крепче спишь!.. Так о чём ты ещё хотел меня попросить?

– Тебе сегодня поступит приказ, – терпеливо повторил Петрос. – Высочайший приказ: освободить всех заключённых Туллианума. Так вот. Я прошу тебя лишь об одном: чтобы ты выполнил этот приказ точно и максимально быстро. Надеюсь, эта моя просьба не вступает в противоречие с твоими убеждениями и с твоим, понимаешь, служебным долгом?

Кентурион молчал, пристально глядя на Петроса.

– Ты – либо всё-таки ненормальный, либо святой... – наконец задумчиво сказал он. – Хорошо, я выполню твою просьбу, Петрос Проповедник. Можешь не сомневаться – все заключённые покинут стены тюрьмы в самые кратчайшие сроки с момента получения мною соответствующего приказа... Более того. Я позабочусь о том, чтобы все они в кратчайшие сроки покинули и пределы города. По-моему, это будет не лишним. Ведь так? Ты, полагаю, думал и об этом? Или я ошибаюсь?

– Да, – сказал Петрос. – Ты не ошибаешься. Ты правильно всё понял. В городе им делать нечего. Прикажи своим солдатам, чтоб побыстрее выставили их всех за ворота. Чтоб вышвырнули, понимаешь, их вон из города! И... И спасибо тебе! Заранее спасибо!.. А теперь давай не будем терять времени, поскорее веди меня к префекту, к Тигеллину или как там его?

Сервий Кест покачал головой.

– Нет. Я отведу тебя к Квинту Лонгину. У префекта Тигеллина слишком липкие руки, к ним пристаёт всё ценное, до чего он только может дотянуться. Поэтому, если я отведу тебя к нему, боюсь, мне не видать моих законных десяти тысяч сестерциев, как собственных ушей. К тому же, полагаю, префект ещё не вполне очухался от месячного запоя, – он усмехнулся. – Дружба с Меднобородым плохо влияет на здоровье... А Лонгин... Лонгин – белая ворона. Он, на моей памяти, первый и единственный префект Рима, который не берёт взяток, – кентурион вздохнул. – Боюсь, поэтому ему не усидеть долго в этой должности.

– Хорошо, – согласился Петрос, – веди меня к Лонгину.

– Я только сделаю несколько распоряжений. Подожди меня здесь. Это быстро...

Сервий Кест ушёл и почти сразу вернулся:

– Пошли!..

Они поднялись к Родниковым воротам и повернули направо – к Форуму Августа, где молочно светились благородным лунским мрамором восемь входных колонн храма Марса Мстителя.

– Далеко идти? – поинтересовался Петрос.

– Нет, – покачал головой Сервий Кест. – Здесь рядом. Он живёт в самом начале Субурского склона.

– А мы не рано? – спохватился Петрос. – Он ведь, наверно, ещё спит!

– Как бы не так! – хмыкнул кентурион. – Я ведь тебе говорю: он не берёт взятку.

– Э-э... И какая тут связь? – не понял Петрос.

– Не знаю, – пожал плечами Сервий Кест. – Но какая-то определённо есть. Ты разве не замечал: кто честен и взятку не берёт – тот встаёт рано, на рассвете, а кто ворует и берёт взятки – обычно спит до полудня.

– Это потому, что он пьёт накануне до полуночи, – предположил Петрос. – Совесть свою вином заливает.

– Да нет у них никакой совести! – вздохнул кентурион. – Уж ты мне поверь. Может, когда-то была да вся вышла... – он помолчал, а потом искоса взглянул на Петроса. – Что же ты всё-таки задумал, хитроумный прим, Петрос Проповедник?

Петрос тоже посмотрел на своего попутчика и впервые не содрогнулся при виде его жуткого, изуродованного лица.

– Что я задумал?.. – медленно переспросил он. – Я всего-навсего задумал исправить одну маленькую ошибку богов. Изменить, как ты говоришь, предначертанное...

Префект Квинт Лонгин долго с любопытством разглядывал Петроса. Его серые, глубоко посаженные глаза почти не мигали.

– А я думал, что ты давно умер, – наконец сказал он. – Ты же ровесник моего отца! А он уже лет двадцать как отправился к Плутону... Отец рассказывал мне про тебя.

– Вот как! – удивился Петрос. – Откуда же он мог меня знать? Двадцать лет назад про меня в РOME никто и слыхом не слыхивал...

– Он знал тебя по Палестине, – уточнил Квинт Лонгин. – Он служил в Кесарии, при советнике префекта Паквие. Он был у Паквия кем-то вроде помощника по особым поручениям. Хотя и числился простым кентурионом. Отец хорошо запомнил тебя. Ты тогда тоже работал на Паквия, и звали тебя тогда Симоном. И кличка у тебя ещё была... э-э... Кифа, кажется?

– Подожди-подожди!.. – Петрос запустил пальцы в бороду. – Лонгин... Лонгин... Кентурион Гай Лонгин?!

– Верно! – подтвердил префект. – Гай Кассий Лонгин – мой отец. Не удивляйся, мы хоть и из плебеев, но цену себе знаем. Кассии – род очень древний и очень знатный...

Петрос невольно улыбнулся. Квинт Лонгин осёкся.

– Я сказал что-то смешное?! – неприятным голосом осведомился он, между бровями у него обозначилась глубокая складка.

– Нет-нет! – спохватился Петрос. – Прости! Мне просто вспомнилось! Продолжай, пожалуйста!

– Что тебе вспомнилось?

– Неважно! Правда, неважно! Это сущий пустяк! Я тебе потом расскажу, если захочешь! А сейчас, прошу, продолжай! Прости, что проявил неучтивость и прервал тебя!.. Ты говорил о том, что ваш род очень знатный и очень древний...

Префект ещё какое-то время ел Петроса глазами, потом кожа на его лбу медленно разгладилась.

– Да, – кивнул он, – очень знатный и очень древний... Все наши предки по мужской линии были магистратами. У нас в роду одних только консулов было двенадцать! И отец мой тоже был магистратом. Он служил квестором у пропретора Сирии Гнея Сатурнина. А в кентурионы его практически сослали... – Квинт Лонгин задумчиво пожевал губу. – История там какая-то тёмная приключилась... Женщина там была замешана, причём парфянка... причём знатная парфянка, чуть ли не дочь царя. В общем, то ли её убили, то ли она кого-то убила – неизвестно, история, я говорю, тёмная, и отец никогда толком про это не рассказывал. Не любил он об этом вспоминать. Но каким-то образом он в этой истории оказался замешанным. Его сделали крайним. Виноватым. То ли недоглядел он там чего, то ли, наоборот, переусердствовал – не знаю... В общем, сняли его с квесторства и отправили из Антиохии в Рафанею, в Шестой «Железный» легион. Отец говорил, мол, ещё легко отделался, могли и вовсе под суд отдать, да пропретор лично за него вступился... Ну, а уже в Рафанею его отыскал советник Паквий. И отец у Паквия потом так и служил. Лет семь или восемь, не скажу точно. И уехал он из Палестины в Рому тоже вместе с Паквием... Паквия потом отправили в Германию, а отец с военной службой решил вовсе завязать... Пробился опять в

магистраты. Стал хлебным эдйлом, но дальше не продвинулся – время было упущено. Это я, в отличие от него, магистратуры год в год получал... – Квинт Лонгин замолчал, задумался.

– Твой отец спас жизнь моему учителю и другу, – сказал Петрос.

Префект встрепенулся.

– О, да! Он любил рассказывать эту историю. Очень любил! Месяца не проходило, чтоб он не вспоминал об этом! Мне кажется, что это был лучший эпизод за всё время его службы на Востоке. Во всяком случае, самый памятный. Ни о чём он так часто не вспоминал, как об этом. Я уже годам к десяти знал всю эту историю наизусть. И про доброго иудея-целителя, и про разбойника Бар-Аббу, и про настойку из корня мандрагоры. Отец, помнится, очень гордился этой своей выдумкой... – Квинт Лонгин улыбнулся. – Правда, в последние годы он стал добавлять в эту историю всё новые и новые подробности, и в конце концов уже выходило, что это он, чуть ли не лично, в одиночку, выследил и схватил Бар-Аббу и что это он, причём по собственной инициативе, а не по приказу Паквия, спас на кресте несчастного иудея-лекаря... Кстати, я запомнил, как его звали, этого иудея?

– Йешу. Его звали: рабби Йешу, рабби-галилеянин.

– Да-да! Есу! Точно! Есу... Что с ним потом стало?

– Он умер... – глухо сказал Петрос. – Через год. В тюрьме.

– Жаль! – воскликнул префект. – Очень жаль! Отец говорил, что он был прекрасным лекарем. В Рафане у отца на глазу начало расти бельмо. Он чуть не ослеп. Так вот, этот Есу в два приёма вылечил ему больной глаз. Отец всегда очень тепло отзывался об этом иудее... Жаль, действительно очень жаль!.. Да!.. – отвлёкся он от воспоминаний. – Так что тебя так рассмешило в начале моей речи? Что там тебе... вспомнилось?

Петрос махнул рукой.

– Глупость! Право, сущая глупость! Знаешь, как это бывает – придёт в голову посреди серьёзного разговора какая-нибудь смешная глупость, и сидишь, не знаешь, что делать: и улыбнуться нельзя – понимаешь, что и разговор испортишь, и собеседника обидеть можешь; и удержаться от улыбки тоже нет никакой возможности – сама, понимаешь, на рожу лезет.

– Ну и что там тебе такого смешного в голову пришло?.. Да говори уже, мне теперь и самому любопытно стало! Говори-говори – не обижусь!

Петрос виновато улыбнулся.

– Ещё раз прости, префект!.. Я как-то в госпитале валялся после ранения. В Ламбессе. Давно это было. Я ещё молодой был. Так вот, там, при госпитале, кот обитал. Такой – жёлто-серый, с чёрными полосками на хвосте. Любили его все. Забавный он был... В общем, звали его Кассий. Ну, когда ты про свой древний род заговорил, этот кот мне почему-то сразу на ум пришёл. Он – Кассий, вы – Кассии. Не знаю, почему. Я ведь говорю: глупость! Прости меня ещё раз, коли я тебя нечаянно оскорбил или обидел! Прости глупого старика!

Квинт Лонгин, не мигая, смотрел на Петроса. Потом губы его тронула улыбка.

– Смешно. Кот Кассий. Действительно смешно... Так что привело тебя ко мне, любитель котов Петрос-Симон-Кифа?

Петрос учтиво поклонился.

– Просто Петрос, префект. Или, если хочешь, Петрос Проповедник.

– Хорошо, просто Петрос. Так скажи, зачем ты попросил кентуриона Кеста доставить себя ко мне?

Петрос повёл плечом.

– Кентурион Сервий Кест сказал, что это кратчайший путь к кесарю Нерону.

– Даже так?! – удивился Квинт Лонгин. – Первый раз вижу человека, на которого объявлен розыск и который сам, добровольно, пришёл и сдался властям. Позволь узнать, зачем? Ты что-то задумал? Или у тебя есть могущественные покровители?.. Хотя о чём это я?! Какие уж тут могут быть покровители, если тобой интересуется лично император?!

Петрос усмехнулся.

– Ничего особенного, префект. Просто кесарь ищет меня. А я ищу кесаря. Почему бы нам не встретиться к нашему обоюдному удовольствию?

– Ты полагаешь, тебя ждёт удовольствие?!

– А почему нет?

– Насколько я знаю, тебя разыскивают за кражу и убийства. Вряд ли наказание за эти преступления доставит тебе удовольствие.

Петрос вздохнул.

– Я много старше тебя, префект, и я много больше знаю об удовольствиях. И что-то мне подсказывает, что встреча с кесарем принесёт мне если уж и не радость, то, по меньшей мере, удовлетворение.

Несколько мгновений Квинт Лонгин, не мигая, смотрел на Петроса.

– Ну, хорошо, – наконец сказал он. – Я отведу тебя к кесарю... Не знаю, для чего тебе это надо и что ты там себе нафантазировал, но... будь по-твоему. Тем более, как должностное лицо, я просто обязан выполнить высочайший приказ и доставить разыскиваемого преступника к принцепсу!.. Но, честно говоря, я не завидую тебе, Петрос Проповедник. Ох, не завидую! Хлебнёшь ты горячего! До самых печёнок хлебнёшь!.. – префект замолчал, задумчиво барабанил пальцами по колену. – Странно устроен мир... – спустя какое-то время, отрешённо глядя перед собой, негромко добавил он. – Мой отец спас от смерти на кресте твоего учителя. А я буду тем, кто почти сорок лет спустя отправит на крест его ученика...

Нынче император Нерон поднялся необычайно рано для себя – в начале второй дневной стражи. Сразу после полудня на новом Ватиканском гипподроме должны были начаться скачки, и кесаря одолевало нетерпение – за месяц, проведённый на вилле в Тарракине, он соскучился по ярким зрелищам. Известие о поимке давно разыскиваемого убийцы и вора, Симона-Петроса, принцепс воспринял как добрый знак и сразу же приказал доставить к нему схваченного преступника. Да, немедленно! Да, до завтрака! Успею ещё позавтракать! Сами знаете, для меня на первом месте – государственные дела!..

Стражники ввели Петроса в спальню императора и, ловко ткнув древками копий под сгибы ног, уронили его перед кесарем на колени. Руки Петроса были связаны за спиной, тем не менее солдаты – два рослых мордатых преторианца – стоя рядом по бокам, цепко держали его за плечи твёрдыми, как камень, ладонями.

– Э-э, да ты совсем старый! – едва взглянув на Петроса, воскликнул Нерон. – Он же старый совсем! – кивнул он на узника присутствовавшим тут же, в спальне, советнику Эпафродитосу и префекту претория Тигеллину. – Я-то думал, там разбойник! Головорез! А тут!.. Как же ты смог убить столько людей и завладеть золотом?! – снова обратился он к арестанту.

– Это было давно, кесарь, – сказал Петрос, – я тогда был гораздо моложе. И я никого не убивал для того, чтоб завладеть золотом. Меня – да – пытались убить. Я же, если кого и убил, то лишь обороняясь, борясь за свою собственную жизнь...

Нерон вырвал у раба, «одевавшего» высочайшую длань многочисленными перстнями и браслетами, свою руку и нетерпеливо пощёлкал пальцами:

– Брось! Брось! Не нужны мне твои объяснения!.. Ты мне скажи: золото сейчас у тебя?! Оно всё цело?! Там действительно полторы сотни талантов?!

– Там даже больше, кесарь, – заверил принцепса Петрос. – Я не растратил из золота царя Агриппы ни единого аурея. Более того, занимаясь торговлей, я смог преумножить доставшиеся мне по стечению обстоятельств богатства. Теперь у меня около двухсот талантов золота. Если быть точным, их у меня сто восемьдесят восемь.

– С ума сойти! – воскликнул Нерон. – Воистину сегодня удачный день!

– Кесарь! – подал голос префект Лонгин, доставивший Петроса в императорские покои и до этого момента скромно стоявший в сторонке. – У арестованного изъят кошель с золотом. В нём обнаружено двадцать четыре аурея. Все монеты старые – чеканились ещё при императорах Тиберии и Гае. Это, хотя и косвенно, но подтверждает наличие у него золота царя Агриппы.

Нерон вскочил и быстро подошёл к префекту.

– Где?! – требовательно протянул он ладонь. – Где они?!

Квинт Лонгин с поклоном протянул императору кожаный мешочек.

– Вот они, кесарь. Я специально захватил их с собой.

Нерон нетерпеливо выхватил у него кошель и, распустив завязку, вытряхнул на ладонь несколько монет; руки у него подрагивали.

– Да!.. – жадно рассматривая золото на своей ладони, радостно возвестил он. – Да, это оно! Золото царя Агриппы! Я знаю! Я чувствую! – глаза у императора горели, ноздри раздувались, он подскочил к стоящему на коленях узнику и сунул ему под нос руку с деньгами. – Где?! Где золото?! Где ты его спрятал?! Говори, иудей! Мои люди разобрали весь твой дом до основания – и не нашли даже жалкого аса!

Петрос усмехнулся.

– Почему-то каждый, считая себя мудрецом, мнит прочих дураками. Кто же держит такие деньжищи дома, кесарь? Ты ведь тоже не прячешь свои богатства у себя под кроватью...

Стоящий справа от Петроса преторианец не сильно, но чувствительно ткнул его кулаком в скулу:

– Придержи язык, пёс!

Нерон замахал на солдата руками:

– Подожди! Подожди!.. Скажи! Где оно?! Где золото?! – кесарь нагнулся к Петросу так, что их лица оказались на одном уровне. – Где ты его прячешь?! Скажи! Где?!

– Примерно двадцать стадиев по Соляной дороге, – глядя императору в глаза, отчётливо произнёс Петрос. – В лесу. В тайной пещере.

Кесарь выпрямился и победно оглядел присутствующих.

– Отряд преторианцев на Соляную дорогу! Быстро! – отрывисто приказал он. – Вторую когорту в полном составе! С оружием! И с телегами! Смотрите, чтоб телег хватило!.. Рабов не брать! А то знаю я их! Потом половины золота не досчитаешься! Чтоб золото грузили только солдаты! Ясно?!.. Ты! – обратился он к префекту претория. – Ты отправляйся тоже! Присмотришь там за всем! Этого, – он ткнул пальцем в сторону Петроса, – возьмёте с собой – он покажет дорогу!..

– При одном условии!.. – громко объявил Петрос и, когда все обернулись к нему, тоном ниже повторил: – При одном условии, кесарь!

Нерон небрежно отмахнулся:

– Знаю я твоё условие. Золото в обмен на жизнь. Так? Я принимаю его. Без разговоров. Можешь даже не сомневаться – если золото окажется на месте, в целости и в сохранности, я немедленно помилю тебя. Сто восемьдесят восемь талантов золота за голову одного старого разбойника! – он расхохотался и повернулся к Тигеллину и Эпафродитосу. – Неплохо, а?! Если бы каждый разбойник платил мне за свою жизнь такой выкуп, я бы... Я бы собрал из них отдельный легион! И назвал бы его «Золотым»! А?! «Золотой» легион Нерона! Неплохо, а?! – и он снова расхохотался, донельзя довольный своей выдумкой.

– Всё верно, кесарь! – дождавшись окончания высочайшего веселья, подал голос Петрос. – Всё верно! Но я прошу не только за себя! Сейчас в Туллиануме томятся почти три сотни узников. Это – христиане, схваченные по всей РOME по твоему приказу. Они тоже должны быть помилованы и освобождены! Все до единого!

Всё тот же преторианец негромко зашипел и больно сжал Петросу плечо. Впрочем, император и на этот раз не обратил внимания на дерзкий тон арестованного.

– Ах, вот оно что! – воскликнул он, вновь возвращаясь к узнику и останавливаясь над ним. – Христиане! Ну да! Верно! Ты что, пришёл просить за своих сектантов?! За этих вероотступников?! За этих убийц детей и пожирателей внутренностей?! Нет, ну, это уже слишком! Боги не простят мне этого!

Петрос, подняв голову, не отводя глаз, смотрел в лицо принцепсу.

– Ты прекрасно знаешь, кесарь, что христиане никакие не убийцы! – твёрдо сказал он. – И уж тем более, не пожиратели внутренностей! Это всё – лишь гнусные слухи, распускаемые, понимаешь, нашими врагами! Не веришь – спроси об этом Варрона. Твоим следователям, ведущим дознание, это известно лучше, чем кому бы то ни было. А ещё лучше, сам посмотри протоколы допросов, – и все твои сомнения на этот счёт, если они ещё до сих пор были, развеются, как дым на ветру.

Нерон небрежно отмахнулся.

– Брось! Всё это – лишь слова. Я не собираюсь терпеть у себя под боком грязную иудейскую секту! Я приказал искоренить ересь в РOME, и мой приказ будет безусловно исполнен! Скоро Аполлоновы игры, и я не позволю, чтобы какие-то христиане, или там ещё кто-нибудь, помешали народу РOME праздновать и веселиться в эти дни!

– И ты готов ради этого отправить на костёр три сотни человек?! Включая женщин и детей?!

Нерон пожал плечами.

– Ну, разумеется!

– Что ж, – Петрос опустил голову, – тогда... Тогда, пожалуй, тебе не придётся подержать в руках золота царя Агриппы.

– Что?!.. – выдохнул император и, ухватив Петроса за бороду, резко вздёрнул его голову вверх. – Что ты сказал, падаль?!.. – глаза принцепса прищурились, губы сжались в тонкую нить, на побледневшем лице сквозь рыжеватую щетину проступили редкие серые веснушки. – Ты!.. Ты смеешь диктовать мне условия?! Мне!! Великому кесарю!!.. Да я!.. – он приблизил своё лицо к лицу узника и перешёл на громкий шёпот – Петроса обдало кислой вонью из его рта. – Для начала я прикажу ободрать тебя кнутом! А потом... А потом тебя подвешат над чаном с кипящим маслом и начнут медленно опускать туда. Сначала по щиколотки. Потом по колени. А потом по пояс. И ты скажешь всё! Всё!! Ты точно и подробно расскажешь, где ты спрятал золото! А после этого ты пойдёшь на костёр! Вместе со всеми своими друзьями-сектантами! Вы будете гореть рядом! Вместе! На соседних кострах!.. Ты понял меня?!

Нерон ткнул арестанта кулаком под скулу и, отпустив его бороду, брезгливо вытер ладонь об одежду.

Петрос покачал головой.

– Вряд ли этому блестящему плану суждено сбыться. Посмотри на меня, кесарь. Я стар. Я очень стар. И у меня большое сердце. Боюсь, оно не выдержит даже кнута. Не говоря уже о чане с маслом... Так что нам с тобой лучше договориться по-хорошему... Ну, рассуди сам, что такое три жалких сотни христиан по сравнению с миллионом жителей Румы? Капля в море! Что мы можем?!.. К тому же, если захочешь, эта капля вообще утечёт из города. Отпусти всех арестованных, и уже завтра никого из них не останется в РOME. Мы все уйдём из города и, клянусь, ты никогда больше не услышишь про нас!.. А у тебя останется золото! Много золота! Сто семьдесят восемь талантов!.. Можешь считать это выкупом за арестованных. А что, больше чем по полталанта за каждого! Да за полталанта золота на рынке можно купить два десятка рабов! Причём хороших рабов, здоровых мужчин и женщин, а не жалких больных стариков и желторотых подростков! Подумай, кесарь!

Нерон не отвечал, стоя спиной к арестованному.

– Действительно, кесарь, – подал голос Эпафродитос, – прах их побери, этих христиан. Да пусть катятся! Только возиться с ними! Золото важнее!

– Да всё равно половина из них скоро сохнет! – поддержал советника и Тигеллин. – Их ведь месяц промурыжили в Туллиануме! А там и двух недель не все выдерживают... Золото, забирай золото, кесарь!

Нерон вскинул унизанную перстнями руку.

– Ладно!.. Ладно вам! Вы-то чего волнуетесь?! Вам-то что за дело?!.. он подозрительно оглядел присутствующих. – Или уже прицелились на золото царя Агриппы?!.. А?! Что молчите?! Поразили уже, небось, рты на чужой кусок?! Да?!.. Можете не суетиться! Всё равно оно не про вас!.. – он помолчал, а потом, не оборачиваясь к Петросу, выдавил из себя: – Хорошо, иудей... Всех твоих подельников выпустят... Как только золото доставят во дворец – всех отпущу.

– Всё правильно, кесарь, только всё наоборот, – поправил принцепса Петрос. – Как только ты всех отпустишь – я покажу, где золото. Не раньше.

Нерон дёрнулся, но сдержался.

– Ещё что-нибудь? – он всё-таки повернул голову к арестанту и даже нашёл в себе силы перейти на ёрнический тон. – Как, к примеру, насчёт золочёных носилок до твоей тайной пещеры? И раба с опихалом?

Петрос не отреагировал на подначку.

– О том, что все заключённые отпущены на свободу, я хочу услышать непосредственно от начальника Туллианума, – холодно произнёс он. – И учти, Кесарь, я знаю кентуриона Сервия Кеста лично.

Нерон молчал, с ненавистью глядя на арестованного. На небритых скулах принцепса ходили острые желваки.

– Хорошо... – наконец медленно и хрипло сказал он. – Золото в обмен на заключённых. Ладно... Уведите его! – кивнул он на Петроса стражникам; те подхватили своего подопечного под руки и чуть ли не бегом выволокли из комнаты. – Ты! – указательный палец императора нацелился в префекта претория. – Сразу, как только из тюрьмы освободят заключённых, волоки этого... эту падаль на Соляную дорогу. Пусть показывает свою тайную пещеру. Золото везти во дворец! Ясно?! Всё до последней монеты! Как только доставите – сообщите мне. Сразу! Я буду на гипподроме... И учти, за золото отвечаешь головой! Лично! Слышишь?! Пропадёт хоть один аурей – лучше сразу вены себе вскрой! Понятно тебе?!.. Всё! Ступай!.. Да! Иудея этого козлородого

не вздумай отпускать! Ко мне его потом! Я с ним лично разберусь!.. Сердце у него, видите ли, больное! Ничего, найдём и на его сердце достойную пытку! На кресте он у меня, во всяком случае, ещё вдоволь нависится!.. Всё! Всё! Ступай!..

Тигеллин ушёл. Нерон повернулся к городскому префекту.

– Ты тоже давай на Соляную дорогу. Следом за преторианцами. Присмотришь там – как да что. Лишняя пара глаз не помешает. Да и золото целее будет.

– Да, кесарь! – Квинт Лонгин учтиво поклонился и вышел.

– Ну, а ты, мой друг, – император подошёл к Эпафродитосу и положил ему руку на плечо, – ты тоже поезжай туда. Присмотришь за ними обоими. Мне так спокойнее будет... Вот ведь времена настали, – вздохнул Нерон, отходя от советника и сокрушённо качая головой, – ведь никому же верить нельзя! Ни-ко-му!..

Обоз вышел из Холмовых ворот и растянулся по Соляной дороге стадиев на десять: вслед за повозкой, в которой под усиленной охраной везли Петроса, ехало несколько верховых, в том числе Эпафродитос, префект претория Тигеллин и городской префект Квинт Лонгин; далее, в колонну по четыре, двигались две манипулы преторианцев – с полным вооружением и даже со своими значками подразделений; следом неспешно тащились полтора десятка запряжённых волами грузовых телег.

Петрос, откинувшись на уложенном мягкими подушками сиденье, с наслаждением подставлял лицо под лёгкий ветерок, гулявший над дорогой. В городе, в раскалённых ущельях улиц, было невыносимо жарко и душно. Застоявшийся воздух там был тяжёл и пропитан миазмами и входил в лёгкие неохотно, словно густой липкий кисель. А здесь, за пределами городских стен, оказывается, ещё летали вольные ветра, шелестели листья деревьев, и убийственная полуденная жара уже не казалась столь безжалостной и убийственной.

У Петроса на душе было хорошо и спокойно. Он ощущал себя победителем. Час назад, когда он со связанными за спиной руками ещё сидел на Ивовом холме, под стеночкой, у входа в казарму второй преторианской когорты, туда прибыл кентурион Сервий Кест и доложил префекту Тигеллину о том, что приказ Кесаря исполнен и все заключённые, содержавшиеся в тюрьме, отпущены на свободу. Туллианум пуст. Бывшие узники препровождены к Родниковым воротам и выдворены за пределы города. Тигеллин повернул голову к изнемогающему на солнцепёке Петросу.

– Слышал?..

Тот кивнул.

– Доволен?..

Петрос кивнул ещё раз.

– Всё? Твои условия выполнены? Едем за золотом?

На этот раз Петрос заставил себя разлепить сухие запёкшиеся губы:

– Да... Всё... Можно ехать.

К Петросу Сервий Кест, разумеется, не подошёл и ничего ему не сказал и лишь, закончив разговор с Тигеллином, задержался долгим взглядом на арестанте, после чего, поджав изуродованные губы, еле заметно покачал головой, выражая этим жестом то ли недоумение, то ли удивление.

Впрочем, Петросу сейчас было глубоко наплевать на чувства начальника городской тюрьмы. Равно как и на чувства кого бы то ни было ещё в этом городе. На их удивление или недоумение. На их одобрение или неодобрение. На их уважение, ненависть, восхищение или негодование. Он своё дело сделал! Он закончил, подытожил, довёл до логического завершения некое большое дело, некий тяжёлый, изматывающий неблагодарный труд, и от этого ощущал огромное облегчение, удовлетворённость и даже предчувствие какого-то близкого праздника: то ли радостной встречи; то ли щедрой награды; а может, просто свободы – большой безграничной свободы, возможности, сбросив тесные узы, куда-то вольно лететь, как летит сейчас над дорогой этот крылатый горячий июньский ветер. Дело было сделано. Огромный неподъёмный пласт был в конце концов поднят и перевёрнут, сокрыв под собой тысячи и тысячи дней и ночей, десятки тысяч событий и происшествий, встреч, расставаний, объятий, драк, смертей, утренних пробуждений, застолий, хитроумных или вполне бессмысленных разговоров. Труд был закончен, последний штрих был нанесён, резец и молоток убраны в ящик, и теперь оставалось лишь, отойдя немного в сторону и отерев пот со лба, оглядеть сквозь медленно оседающую пыль свой, теперь уже полностью

состоявшийся, неказистый шедевр, своё прекрасное уродливое детище – сморщенный горько-сладкий плод столь долгой и столь мимолётной жизни...

Когда закончились тянувшиеся вдоль дороги загородные виллы и истомлённые солнцем, желтеющие виноградники, а слева, за деревьями, показались серые развалины древней Антёмны, Петрос приказал поворачивать вправо – на хорошо утоптанную полевую дорогу. Дорога заканчивалась возле свалки – не очень большой, но очень вонючей, откуда через густые кусты разбегались многочисленные едва заметные тропки. Все они вели к старым заброшенным каменоломням.

Места здесь были хоть и глухие, но вполне обитаемые. В старых выработках находили прибежище бездомные скитальцы, городские нищие, мелкие рыночные воришки. Забрели сюда и беглые рабы.

Появление солдат вызвало среди немногочисленного населения каменоломен настоящую панику.

– Облава!!.. Облава!!.. – полетело со всех сторон, и десятка три человек – разного пола и разного возраста, невымытых, нечесанных, в неопикуемых лохмотьях – бросились наутёк, выскакивая, как тараканы, из тёмных щелей и разбегаясь, треща кустами, по окрестностям. Некоторые умудрились при этом ещё и уносить на себе свой немудрёный скарб. Преторианцы откровенно веселились, наблюдая этот скоротечный исход. Беглецам улюлюкали и свистели вслед.

– Ну что? Где? – спросил Петроса Тигеллин, останавливаясь возле первой полуосыпавшейся выработки и оглядывая уходящий вверх, густо заросший кустами и деревьями склон.

– Где то здесь, – беспечно отозвался Петрос. – Ищите.

– Что значит «ищите»?! – не понял префект. – Где искать?!

– Здесь, – мотнул головой Петрос. – Где-то здесь... – и, помолчав, добавил: – Точнее не помню.

– Надеюсь... ты шутишь? – напряжённым голосом спросил Тигеллин; на его широком лице проступило совсем неуместное для столь важного вельможи выражение детской обиды и растерянности.

– Да какие уж тут шутки, – повёл плечом Петрос. – Дело-то серьёзное... Помню, что где-то здесь. В одной из пещер. Но точнее сказать не могу. Забыл... Стар я стал, понимаешь, память подводит.

– Ах, ты!..

Префект претория шагнул вперёд, и мир перед глазами Петроса вспыхнул и перевернулся. В ушах у него зазвенело, и сквозь этот звон слышны были отдалённые слабые голоса:

– Изуродую!!.. Сердце вырву!!.. Пёс!!.. Пёс!!..

– Оставь! Ты убьёшь его!.. Остановись!..

– Опомнись, Тигеллин!!.. Остынь, тебе говорят!..

Что-то тупо и почти безболезненно толкало Петроса в грудь и в живот, а во рту было горячо и солоно и какие-то твёрдые и острые крошки мешали, перекатывались, царапая нёбо и язык.

Когда удары прекратились, Петрос немного полежал, приходя в себя, а затем перевернулся на живот, подтянул под себя колени и, поднявшись на четвереньки, выплюнул на сухую затоптанную траву окровавленные обломки зубов.

– Последний раз... меня так били в Хиеросолиме... в преториуме Понтия Пилата... – не поднимая головы, сообщил он. – Но я тогда был молод и мог дать сдачи. А ты, префект, я гляжу, горазд бить слабых и беспомощных... Это, к твоему сведению, признак трусости... Ну, или импотенции. И если жена на тебя не жалуется, то выходит...

Новый пинок швырнул арестанта на землю.

– Прекрати!.. – донёсся до Петроса голос Эпафродитоса. – Прекрати, тебе говорят!

– Убью!!.. – ревел Тигеллин, вырываясь из рук советника. – Убью падлу!! Пусти!!..

– Ну, убьёшь! И что?! Кто нам тогда покажет, где золото?!

– Да ты что, не понял ещё до сих пор?! Нету тут никакого золота! Издевается он над нами!

– Откуда ты знаешь?! Он, может, просто цену себе набивает?! Хочет, чтоб мы для начала полазили тут, по этим вонючим гадюшникам!

– Ищите-ищите... – прошамкал беззубым ртом Петрос, снова утверждаясь в коленно-локтевой позиции. – Здесь оно... Вон там, вроде, дальше по склону. Вторая или третья выработка отсюда. Там как будто больше нагажено.

Новую вспышку ярости со стороны префекта претория Эпафродитосу удалось сдержать лишь с помощью Квинта Лонгина.

– Мы теряем время! – придерживая Тигеллина за руки, сказал городской префект. – Отдавай приказ солдатам. Пусть обыскивают пещеры. Подряд. Одну за другой.

– Ты понимаешь, что говоришь?! – воскликнул префект претория. – Одну за другой! Да их тут, быть может, сотни! И как обыскивать?! У нас и факелов столько нет!

– Мы теряем время! – повторил Квинт Лонгин. – Значит, посылай за факелами.

– Да, сидеть нечего, – поддержал городского префекта и Эпафродитос. – Время идёт! Надо искать!.. А с этим, – он кивнул на Петроса, – мы ещё поговорим...

Когда отзвучали все необходимые команды, и красные преторианские плащи рассыпались вдоль изъеденного многочисленными выработками зелёного склона холма, Квинт Лонгин подошёл к сидящему на земле Петросу и, опустившись рядом на корточки, тихо спросил:

– Скажи, зачем тебе понадобилось это представление?

– Прости, префект, – улыбнулся разбитыми губами Петрос. – Я попросту тяну время. Я хочу дать возможность освобождённым из Туллианума уйти как можно дальше от города. Боюсь, кесарь Нерон не сдержит, как обычно, своего обещания и, как только золото окажется в его руках, пошлёт за ними погоню... Так что пусть доблестные преторианцы полазят немного по пещерам. Не всё же им, понимаешь, на парадах красивым строем ходить.

Квинт Лонгин одобрительно хмыкнул.

– А ты хитёр, Петрос Проповедник! Хитёр и смел... Ну что ж. Действительно. Пусть полазят. Им это будет полезно. Да и с этого петуха Тигеллина не помешает спесь сбить... Но я надеюсь, золото всё-таки где-то здесь? Надеюсь, у этого спектакля будет счастливый финал?

Петрос вздохнул.

– Давай не будем торопиться, префект. Давай досмотрим это представление до конца... Вместе досмотрим.

Квинт Лонгин распрямылся и свысока глянул на копошащегося у его ног грязного окровавленного арестанта.

– Ты затеял опасную игру, старик, – качая головой, холодно сказал он. – Очень опасную игру! И, честно говоря, я уже не вижу в этой игре для тебя благоприятного исхода.

– Это смотря, что считать благоприятным исходом, – ответил Петрос и, кряхтя, принялся подниматься на ноги...

К Ватиканскому гипподрому Петроса привезли уже после захода солнца.

По правому берегу Тибра растекались душные лиловые сумерки, сквозь которые чёрными молниями проносились вылетевшие на охоту летучие мыши. Ветра не было. Могучие платаны вдоль дороги стояли, устало опустив свои натруженные за день, отяжелевшие от пыли листья-ладони. Ровные ряды виноградников на склоне холма казались строчками огромной многостраничной керы, разобранной на отдельные дощечки и разложенной прямо на земле – быть может, для кого-то там, наверху, умеющего читать эти тайные знаки. Пахло сухой травой, горячей пылью и сгоревшим маслом – три раба-лампадария, переноса с места на место короткую стремянку, зажигали факелы, закреплённые с интервалом в десять шагов по всей длине внешней стены стадиона. На западе, за холмом, всё ещё медленно бледнело, растекалось, гасло закатное зарево. И где-то там, на западе, легко скользила по тёмно-синим вечерним волнам стремительная «Гесиона», с каждым мгновением унося спасшихся христиан всё дальше и дальше от опасных италийских берегов. Там было свежо и ветрено. Там скрипела мачта, и пенные брызги взлетали из-под носа корабля и влажными хлопьями опадали на палубу. Там ровными напряжёнными голосами гудели ванты, и желтоклювые чайки, кружась за кормой, жалобно кричали, предчувствуя неизбежную скорую разлуку. Думать об этом, представлять это себе было несказанно приятно.

Гипподром ревел. Видимо, там, за высокими стенами, проходил очередной заезд колесниц, и десятки тысяч глоток, надсаживаясь, гнали вперёд летящих по вытопанному полю наездников. Под всеми арками выходов со стадиона дежурили рослые преторианцы. Они стояли цепью – по шесть человек в ряд, – полностью перегораживая проход. Это говорило о том, что Кесарь ещё находится на гипподроме – согласно специальному эдикту, покидать кому-либо ристалище раньше императора было категорически запрещено.

Петроса, как куль, вывалили из повозки и даже не стали привязывать к столбу – самостоятельно подняться на ноги он уже не мог. После того как окончательно выяснилось, что золота в старых каменоломнях нет, вздорного старика, вздумавшего шутить над первыми лицами государства, уже ничего не могло спасти от расправы. Тигеллин и Эпафродитос в четыре кулака и в четыре ноги, наверное в течение получаса отводили душу, «вбивая ум» в дерзкого арестанта. Префект Квинт Лонгин участия в избиении не принимал, но и не мешал экзекуторам, давая понять, что и он категорически не одобряет столь безрассудного поведения хоть и убелённого сединами, но, видимо, не отличающегося большим умом гражданина.

После недолгих, но горячих пререканий (никто не хотел оказаться в роли гонца, принёсшего владыке дурную весть) с докладом к Нерону нехотя отправился Тигеллин – всё же это именно ему и его солдатам было поручено найти и доставить императору сокровища царя Агриппы. Красные преторианские плащи, казавшиеся в наступивших сумерках тёмно-пурпурными, раздвинулись, пропуская сквозь строй понурюю фигуру своего начальника, и тут же вновь сомкнулись за его спиной.

Гипподром в последний раз взревел, выдохнул и глухо зарокотал – заезд закончился, и зрители теперь делились впечатлениями, радовались победе любимой команды или же негодовали, подсчитывая поставленные на кон и проигранные деньги.

Петрос лежал прямо на земле, на правом боку, и рассматривал уходящую высоко вверх, украшенную беломраморными барельефами стену стадиона. Рассматривать приходилось одним левым глазом – правый совершенно заплыл от меткого пинка Эпафродитоса. Правому уху досталось тоже. Оно ничего не слышало и при ощупывании казалось большой и мягкой влажной лепёшкой. Болел затылок, болел низ живота и сильно, острыми толчками, от которых перехватывало дыхание, болел левый бок – видимо, префект претория и советник всё-таки сломали своему «воспитуемому» несколько рёбер.

Строй преторианцев в ближайшем проходе вновь раздался в стороны, образовав что-то типа короткого коридора, и сквозь этот тёмно-пурпурный коридор в сопровождении личной охраны – четырёх могучих, похожих друг на друга, как братья, белобрысых германцев – быстрым шагом проследовал кесарь Нерон. Префект Тигеллин с кислым выражением на лице покорно семенил следом. Сидящие рядом с Петросом охранники вскочили. Квинт Лонгин и Эпафродитос подобрались и повернулись навстречу принцепсу.

– Ты! – подойдя вплотную, ткнул пальцем в сторону Петроса Нерон. – Ты всё-таки посмел обмануть меня, гнусный старик! Говори, мразь, у тебя действительно нет золота?! Или ты просто водишь нас всех за нос?!

Даже в сумерках было заметно насколько бледен принцепс. Узкие полоски его губ казались на фоне лица совсем чёрными.

– Увы, кесарь... – отозвался Петрос, с трудом повернув голову к императору. – Хиеросолимского золота больше нет... Те двадцать четыре аурея, что нашли при мне, были последними монетами из сокровищ царя Агриппы... Я всё растратил... Прости, но я тебя действительно обманул.

– А я не верю!! – наклоняясь к Петросу, закричал Нерон. – Не верю!! Слышишь?!.. – он распрямился и, играя желваками, оглядел присутствующих; в глазах его сверкали молнии. – Я не верю ни единому слову этого грязного иудея! Золото есть! Оно где-то спрятано! Я... Я это чувствую!..

Все, опустив глаза, молчали.

– Золото есть! – упрямо повторил Нерон. – И я его найду! Пусть для этого мне придётся обшарить все окрестности Румы и вытянуть из этого проклятого иудея все жилы одну за одной!.. – он тяжело подышал. – Вот что... Осталось ещё два заезда. Ночных, факельных. Я намерен досмотреть их до конца. После этого я вернусь, и тогда мы уже всерьёз займёмся этим... – он пощёлкал пальцами, – этим мошенником! А пока вздёрните его на крест! Распните его! Пусть повисит, подумает! Повспоминает! Может, на кресте к нему как раз и вернётся память! Или благоразумие! Ведь любому глупцу должно быть понятно, что лучше умереть быстро и безболезненно, чем долго и мучительно подыхать под пытками! Учти, иудей! – вновь обратился он к арестанту. – Мои люди умеют пытать! И, заверяю тебя, они найдут такую пытку, которую сможет долго выдерживать твоё больное сердце! Ты будешь умирать у меня медленно! Очень медленно! Ты ещё проклянёшь тот час, когда вздумал шутить с кесарем Нероном!.. А пока повиси на кресте! Повиси, повспоминай!

– Ты, конечно, можешь распять меня на кресте... – тихо сказал Петрос. – Ты даже можешь распять меня на кресте вниз головой. Это делу не поможет... Мне нечего вспоминать, кесарь... Золота больше нет.

– А вот это – интересная мысль! – воскликнул Нерон. – Насчёт того, чтоб вниз головой! Так и сделаем! Подвесьте этого мерзавца вниз головой! – срывающимся голосом приказал он. – Может, в голову ему тогда притечёт хотя бы одна здравая мысль!

– Кесарь, я бы... – робко подал голос Тигеллин, но император не стал его слушать.

– Исполнять!.. – гаркнул он и, неприязненно оглядев префекта претория, добавил, едко цедя слова сквозь зубы: – А с тобой, префект, мы ещё разберёмся! Маловато усердия в твоих действиях, префект! Может, должность тебе уже в тягость?! Или служба надоела?!

Тигеллин понурился.

– Виноват, кесарь... – еле слышно промямлил он. – Прости, виноват.

– Виноват... – остывая, повторил Нерон. – Сам знаю, что виноват... – он помолчал и, снова ткнул пальцем в сторону арестанта. – На крест! Вниз головой! – после чего, резко развернувшись, быстро зашагал к стадиону.

За императором двинулись телохранители. Квинт Лонгин и Эпафродитос поспешили следом. Оставшийся в одиночестве Тигеллин с отчаяньем во взгляде наблюдал за удаляющейся процессией. Когда за ушедшими сомкнулись тёмно-пурпурные плащи, префект претория, мгновенно вскипев, напустился на охранявших Петроса солдат.

– Ну, чего расселись, бездельники?! Служба в тягость?! Устали?! Не слышали, что кесарь приказал?! Бегом! Бегом! На крест эту мразь! Вниз головой!.. Да не вздумайте ноги гвоздями прибить, бестолочи! Верёвками вяжите!.. Давайте! Давайте! Шевелитесь, мухи сонные!.. Назón! Командуй тут без меня! Я скоро! – он сорвался с места и опрометью бросился к ближайшему входу на гипподром.

Остролицый декан Назон, проводив удаляющуюся фигуру префекта взглядом, повернулся к своим солдатам.

– Вяжите его! И на крест!

Петросу быстро привязали к ногам верёвки, после чего подняли с земли и, подтащив к столбу, ловко перевернули вниз головой. Верёвки перекинули через перекладину, подтянули за них пытаемого вверх и надёжно зафиксировали концы, намотав их на нижнюю поперечину. Руки арестанта завели назад, за столб, и также крепко связали.

У Петроса сначала тонко зазвенело, а потом сразу же глухо забухало в ушах. Факелы на стене гипподрома побагровели, обросли яркими мохнатыми ореолами и тоже медленно и тошнотворно запульсировали, причём пульсации эти становились с каждым мгновением всё более и более сильными и болезненно отдавались в затылке. Мир стал темнеть и отодвигаться. Звуки отдалялись, слабели, рассыпались на острые колючие составляющие...

А потом душной медвежьей шкурой навалилась глухая чёрная тишина...

– Никак подход! – один из солдат потыкал остриём копья висящего в рёбра. – Что-то быстро!

Декан Назон хмыкнул и недоверчиво поводит из стороны в сторону своим острым птичьим носом.

– Первый раз вижу, чтоб один и тот же человек обманул нашего кесаря два раза за день! Сначала надул с золотом, а затем и смерть себе лёгкую схлопотал. Хитрый иудей! – он тоже потыкал распятого копьём. – Эй! Иудей! А ты ловко всё это устроил!.. Эй! Ты слышишь меня?!..

Но Петрос уже ничего не слышал и ничего не чувствовал. Он был уже далеко...

***

Дорога была узкая, но ровная и хорошо укатанная. И совсем не пыльная. Она привольно разбегалась по выжженной солнцем, покрытой сухой рыжей травой, равнине и, обогнув по широкой дуге неприятного вида низину, сплошь заросшую чёрным колючим кустарником, упрямым крутым серпантинном начинала карабкаться в гору. Там, наверху, был лес – рыхлая прохладная сочно-зелёная губка, мягко обволакивающая длинные пологие вершины. Ещё выше было небо – очень высокое и очень голубое, просторное, с широкими небрежными мазками лёгких кисейных облаков.

Петрос безнадёжно отстал. Он едва миновал чёрную неприятную низину, а одинокая белая фигурка уже подходила к самой вершине.

– Эй!!.. – крикнул Петрос. – Э-ге-гей!!

Было далеко. Слишком далеко, чтобы быть услышанным. Но человек услышал. Он остановился и, взяв под мышку свой дорожный посох, знакомым жестом приложил ладонь ко лбу. Низкое солнце, висевшее у Петроса за спиной, наверняка мешало ему, но он всё-таки разглядел одинокого путника на дороге и приветливо помахал ему рукой.

Что-то случилось со зрением Петроса. С такого расстояния он никак не мог, не должен был разглядеть никаких мелких деталей, но, странное дело, видел их. Видел настолько отчётливо, словно человек на вершине горы располагался от него всего в нескольких шагах.

Он видел добела выцветшую шерстяную симлу, подпоясанную простой грубой верёвкой. Он видел избитый о камни, потёртый дорожный посох, вырезанный когда-то из толстого стебля виноградной лозы. Он видел высокий открытый лоб, весёлые смеющиеся глаза и нос со знакомой горбинкой. Он видел каждый волосок в спутанной ветром, негустой чёрной бороде.

Человек что-то сказал, но Петрос не расслышал.

– Да!.. – согласился он, потому что, даже не расслышав, понял, о чём говорит человек; да и о чём тут, понимаешь, можно было ещё говорить?! – Да! – повторил он и крикнул: – Я иду!!.. Я уже иду, рабби!..

Конец третьей книги.